

ХИЗЕР ГРОТХАУС

Пробуждение любви

ИЗДАНИЕ
1991

Крестовые походы ожесточили сэра Родерика Шербона. Он вернулся с мечом, обогренным кровью, и сердцем, в котором отныне нет места ни любви, ни жалости. Лишь отчаявшаяся женщина пойдет под венец с таким человеком. Красавица Микаэла Форчун решается на этот шаг ради спасения семьи от разорения. Поначалу новобрачную пугает мрачный супруг. Но очень скоро в душе юной леди Шербон рождается привязанность, а потом и любовь. Это искреннее чувство озарит светом жизнь сэра Родерика и подарит ему надежду на счастье...

Октябрь 1101 года

Константинополь

Удушливый запах ладана казался неотвратимым, как сама смерть. Отовсюду неслись крики, плач и проклятия. От скрежета и звона металла о металл, когда медицинские инструменты сбрасывались в кучи разрубленных доспехов и испорченного оружия, невыносимо болели уши. Звучная латынь слетала с бледных губ облаченных в халаты мужчин, придавая некоторую святость длинному грязному помещению. Люди напоминали марионеток, привязанных к огромному распятию, висевшему в дальнем конце помещения. Тела, распластанные на покрытом сеном полу, пытались вырваться из рук вспотевших от напряжения хирургов.

Это место не могло быть больницей для правоверных.

Родерику казалось, будто он очутился в преддверии ада.

Отовсюду неслись душераздирающие стоны, запах ладана не мог приглушить зловоние болезненного гниения полутора сотен человек. Мужчины, как и Родерик, лежали в обкуриваемой комнате, словно наполовину обработанное мясниками мясо. Удушающий дым казался Родерику самой смертью. Он чувствовал ее горячее дыхание, его била лихорадка, лишавшая его способности разумно мыслить.

Родерик ждал, когда наконец за него возьмется хирург. Скорее бы! Хью сказал, что ждать придется недолго. С каждым днем Родерику становилось все хуже и хуже. Он до того измучился, что не в силах был издать даже слабый стон. После злополучной битвы при древнем городе Гераклея, в которой он участвовал вместе с Хью, оба вернулись в огромный Константинополь, точнее, в одну из его больниц, вопреки протестам Родерика.

— В Константинополе тебя вылечат, — успокаивал его Хью. — Главное — выдержать путь до столицы. Ты должен, Рик, ты просто обязан!

И Родерик выдержал, хотя не знал, как это ему удалось. Он хотел умереть, чтобы избавиться от боли, причиняемой многочисленными ранениями, и избежать бесславного возвращения к отцу в Англию.

Глаза Родерика наполнились слезами. Магнус Шер-бон надеялся, что сын вернется окруженный почетом и славой, что привезет сокровища, такие, как сам Магнус привез, вернувшись из похода. Родерику казалось, что он слышит слова отца: «Никчемный неудачник! Рожденный из чрева матери, ты такой же, как она. Слабак! Ты не мой сын. Ты — мой позор».

Единственная слеза наконец вытекла из левого глаза Родерика, поползла по щеке и упала на грубое, подложенное под голову одеяло. Слеза оставила мокрую полосу, такую же холодную, как и ненависть, которую она воплощала.

— Он идет сюда, Рик! Посмотри! — Хью сжал левое плечо Родерика, а голос его звучал так, словно он хотел вызвать восторг и возбуждение у малыша. Левое плечо и рука раненого были единственным местом, которого его друг мог коснуться, не вызывая еще большую боль, — их защитил прочный английский щит, пристегнутый к предплечью Родерика.

Он позволил голове упасть влево, благодарный за то, что хирург не приблизился с

другой стороны комнаты, иначе поврежденная часть лица Родерика — опухшая и зашита юношей-сарацином — не позволила бы ему увидеть врача. Родерик почувствовал, как грубый кетгут впился в его распухшее лицо — от переносицы, по скуле и за правым виском. Вид длинной больничной комнаты был ограничен горизонтальной щелочкой его левого глаза, а правым глазом он вообще ничего не видел. Возможно, его уже просто не было в глазнице; он не мог заставить себя спросить об этом Хью. Нос был сломан, скула раздроблена. С тех пор как его стащили с лошади во время той кровавой мясорубки, единственным звуком в правом ухе был неясный рокот, напоминавший бурю в океане за скалами его родного дома.

Родерик знал, что у него серьезные раны на голове. Однако с рукой дела обстояли еще хуже — с правой рукой, в которой он держал меч. И левая нога...

К койке Родерика приблизился хирург, чья блуза и кожаный передник поверх нее были покрыты пятнами крови. Два бледных худых парня следовали за хирургом, неся его медицинские инструменты в плоских мелких корзинах. Седые волосы врача, длинные и густые, доходили до плеч, несколько прядей выбились из тугого кожаного узла, завязанного на затылке, и их концы выглядели так; словно их окунули в кровь. Холодные глаза были глубоко посажены, губы крепко сжаты и почти невидимы. Он двигался быстро, руки раскачивались по бокам и выглядели так, словно принадлежали сарацину, — темно-коричневые, с черными ногтями.

При приближении хирурга раненого охватил страх, он молил Бога о том, чтобы умереть, прежде чем к нему подойдет ученый муж. Никогда раньше он не испытывал подобного страха.

Родерик дернулся.

— Что у него? — спросил хирург у Хью, вытягивая зловещные руки и задавая вопросы, еще даже не склонившись над койкой. Твердые пальцы исследовали лоб Родерика, грубо поворачивая иссеченный череп и заново вызывая жуткую боль. — Рана головы? — Руки с невероятной силой сжали раздробленную правую руку раненого. — И рука. Швы нанесены как нельзя лучше. Лихорадка, да?

Казалось, Хью наконец обрел голос, чтобы ответить на резкие, грубоватые вопросы и заключения хирурга, произнесенные без всякой симпатии.

— Да-да, мэтр. Да, лихорадка. Швы, похоже, крепкие, но лихорадка все усиливается после сражения. Думаю, возможно, это из-за ноги... — Прежде чем Хью успел закончить, пожилой мужчина устремился к левой ноге раненого и сдернул запятнанное кровью покрывало. Родерику подумалось, что он почувствовал запах собственной раны от движения воздуха, вызванного хирургом, хотя его нос уже две недели был слишком распухшим, чтобы дышать им.

Хью приблизился к ноге Родерика и продолжил:

— Похоже, острое копьё, которое поразило его, было пропитано...

— Да, ядом, — перебил его хирург. — И как раз в самую икру. Я неоднократно наблюдал подобные случаи. Отвратительная штука. — Хирург бросил покрывало на ногу раненого и щелкнул пальцами в сторону сопровождавших его парней. Они прошли мимо койки Родерика, не удостоив его даже взглядом.

Пожилой врач взглянул на Хьюго:

— Он умрет. — Затем хирург появился в поле зрения Родерика, склонившись над ним. — Проснулся, да? Отлично. Ты скоро умрешь, молодой человек, — почти прокричал

он, словно знал, что у Родерика пострадал и слух. — Ты понимаешь?

Родерик хотел кивнуть и подумал, что его подбородок дернулся вниз. Он был счастлив, что этот человек больше не будет трогать его. У него закрылся здоровый глаз.

— Нет! — закричал Хью. Родерику не хотелось вновь открывать глаз, но он понял, что Хью заботится о нем. Хью, схвативший хирурга за руку, появился в узкой полоске зрения раненого. — Нет, он не может умереть. Вы должны что-то сделать.

Пожилой врач высвободил руку и холодно произнес:

— Яд находился в нем слишком долго. Если бы я оказался возле него, когда это случилось, возможно... Но сейчас любое лекарство будет попросту зря потрачено на него — это все равно что вылить его на землю, а у нас его крайне мало. Он отойдет к утру. Прощайте.

— Нет! — снова вскричал Хью и почти оторвал хирурга от земли. — Попробуйте понять — он спас мне жизнь. Если вы можете сделать хоть что-нибудь...

— Мой дорогой, вы видите людей, которые здесь лежат? — спросил хирург. — Думаете, их жизнь менее ценна, чем жизнь вашего друга?

— Да, — немедленно ответил Хью. — Именно так я и думаю.

— А я — нет! — повысил голос хирург, и Родерик мысленно согласился с ним. Хирург повернулся, чтобы уйти, но Хью снова схватил его за руку и упал перед ним на колени:

— Пожалуйста, мэтр, пожалуйста! Умоляю вас. — Просительные нотки в голосе Хью и вид его, прижимающегося к руке, покрытой засохшей кровью, заставили левый глаз Родерика снова закрыться. Ему невыносимо было видеть, как мужчина-воин молит о таком безнадежном и недостойном деле.

— Разве я не спас бы его, будь это в моих силах? — услышал Родерик слова хирурга, сказанные более спокойным и мягким тоном.

— Пожалуйста! — был единственный ответ Хью. Раненый услышал короткий вздох и затем:

— Парень! — Быстрые шаги и шуршание. — Это облегчит его боль. Боюсь, это все, что я могу предложить. Сначала — самая маленькая доза, понятно? На кончике ногтя, если вы не хотите проявить милосердие к нему и сразу его убить. Он может оставаться здесь, пока не умрет, затем его нужно будет унести отсюда. У нас не хватает коек.

Торопливые шаги хирурга удалились от Хью.

— Да благословит вас Бог, мэтр. Спасибо, большое спасибо, — бросил ему вдогонку Хью.

В следующее мгновение Родерик почувствовал на лихорадочном и пульсирующем лице дыхание друга и услышал звук вынимаемой из пузырька маленькой пробки.

— Вот, Рик, вот на что я надеялся. Открой рот. — Он почувствовал, как грубый палец Хью проник ему в рот и потер десны. Щекочущее тепло наполнило рот Родерика, затем палец вернулся вновь. И еще раз.

Его друг собирался убить его? Родерик как можно шире открыл здоровый глаз и вдруг почувствовал, как голова начала медленно гудеть и кружиться.

Лицо Хью, покрытое потом, поплыло перед ним, когда тот дрожащими пальцами пытался закрыть пробкой маленький стеклянный пузырек.

— Ну давай, давай же, черт тебя подери! — пробка наконец вошла, и Хью спрятал пузырек внутрь накидки.

— Хью? — попытался прошептать Родерик, но услышал только неясный звук,

слетевший с его губ. Однако этого было достаточно, чтобы привлечь внимание друга.

— Это нелегко, я знаю. — Хью склонился над раненым, запихивая в грубый мешок их нехитрые пожитки, разбросанные по бокам койки Родерика. — Но тебе это необходимо — мы убираемся отсюда, Рик. Я отвезу тебя к...

— О! — простонал раненый.

— Да. — Хью поднялся и исчез из поля зрения Родерика, но его слова были болезненно ясны, поскольку раненый почувствовал, как на грубом одеяле, на котором он лежал, приподнялись его голова и плечи. — Попробуй заснуть, — посоветовал Хью с протяжным от усилия свистом. — Это...

Но Родерик не услышал следующих слов. Хью резко потянул одеяло и начал превращать его в самодельные носилки. Тело Родерика переместилось, и дикая боль, возникшая от резкого движения, в сочетании с горячим, ослепляющим веществом, которое Хью втер ему в десны, привели к тому, что Родерик действительно уснул.

Родерик не знал, сколько времени он находился без сознания, пока Хью волочил его, но он думал, что это продолжалось не слишком долго, потому что во рту все еще оставался острый вкус больничных курений. Он слышал голоса и попытался открыть сохранившийся глаз, который, однако, отказался повиноваться ему. Лекарство, которое Хью дал раненому другу, явно подействовало на уже пострадавший слух, искажая голоса, а иногда попросту лишая его способности слышать.

Родерик не чувствовал боли — тело словно онемело.

Спокойный голос, донесшийся до его сознания, прервался рыданием, затем он услышал голос Хью:

— Я с самого начала хотел прийти к тебе, но не знал...

— Нет-нет, — сказала женщина. — Я понимаю. Я рада, что ты принес его сюда, хотя вряд ли смогу ему помочь.

Низкий, приятный, мелодичный голос знакомо прозвучал в мозгу Родерика. Кто она? Кто?.. Астер? Офелия? Нет...

— Ты, дал ему слишком много, Хью, — сказала женщина. — Он может не проснуться. — Образ темноволосой, с темными миндалевидными глазами красоти, завернутой в бордовый шелк, промелькнул в памяти Родерика, но исчез, прежде чем он успел узнать ее.

Ардис? Нет, не она...

— Господи! — воскликнул Хью, и Родерик услышал всю глубину горя его друга. Он почувствовал отдаленную симпатию к мужчине, очевидно, испытывающему боль, которой он, к счастью, больше не ощущал. — Я не знал, что мне делать! Он так страдал — я думал, если дать ему меньшую дозу, он умрет раньше, чем мы доберемся сюда. — Он услышал шаркающие шаги и голос Хью, прозвучавший совсем близко, хотя и приглушенно, словно он произносил тихое богохульство. — По-моему, он не хочет больше жить.

— Тогда, вероятнее всего, он умрет, — сказала женщина. — Без его желания жить я ничего не смогу сделать, даже если бы у него было вдвое меньше ран.

Снова те темные миндалевидные глаза и музыка. Танцы...

— Ты его последняя надежда, Аурелия, — признался, почти задыхаясь, Хью. — Наша последняя надежда.

Аурелия.

Итак, Хью принес его к Аурелии, содержательнице самого дорогого борделя в

Константинополе. Очаровательная, милая Аурелия, которую он не видел с тех пор, как прибыл в город со своей ротой много месяцев назад...

— Разумеется, я сделаю все, что смогу, — сказала Аурелия. — Но сначала надо его разбудить. У меня есть известия от его семьи, доставленные посыльным на-прошлой неделе. Может быть, эта новость разбудит его.

Его семья в Англии состоит из отца и кузена. Родерику не хотелось слышать никаких новостей от ненавистного родителя, он не желал возвращаться в Шербон. Но гнев украл у него слишком много энергии, и он решил не думать ни о чем, когда почувствовал маленькую нежнуюруч-ку Аурелии на левом предплечье.

— Родерик, — мягко произнесла она, склонившись к его уху. — Родерик, вы слышите меня?

Он слышал ее, но не мог заставить тело показать это. Он также слышал плач ребенка. Рук сжала его предплечье.

— Родерик, откройте глаза и посмотрите на меня, милорд.

«Оставь меня в покое», — мысленно сказал раненый, страстно желая, чтобы женщина — и Хью — позволила ему уйти из жизни, пока он не испытывает боли. Плач усилился.

Он услышал, как Аурелия вздохнула.

— Скоро я должна буду заняться Лео. — Слова прозвучали громче, хотя она не повысила голос, возможно, просто склонилась над ним, — да, он почувствовал ее дыхание на шее. — Родерик, услышьте меня, милорд, — посыльный принес вести из Англии. Ваш отец умер.

«Ваш отец умер».

«Ваш отец умер».

Последнее слово — самое важное слово, — казалось, эхом отозвалось в обширной пещере разума Родерика. И какое-то время — секунду или час — он позволил этому слову вертеться и кружиться там, словно проверяя его искренность.

Магнус Шербон умер?

Родерик снова почувствовал боль. Судороги и спазмы охватили мускулы. Его веко, казалось, весило тысячу фунтов.

Темные волосы и миндалевидные глаза Аурелии попали в поле его зрения. Она выглядела старше, худее, более усталой по сравнению с тем, какой он видел ее в последний раз. Тогда она была одета в красное, с сурьмой на веках, а в волосы были вплетены маленькие золотые колокольчики. Теперь ее лицо было лишено красок, она куталась в темную шаль, под глазами лежали глубокие тени.

— Родерик? — спросила она, в ее шепоте слышались надежда и удивление. За ее плечом показалось лицо Хью Гилберта, где-то в комнате, не переставая, плакал младенец.

— До... — услышал Родерик свой хрип.

— Домой.

Родерику неожиданно захотелось жить.

Май 1103 года

Торнфилд-Мэнор, Англия

Празднество было чудесным, если не считать шепота и кивков в ее сторону. И того, как ее не раз оттесняли в сторону, когда она пыталась присоединиться к танцующим. И еще ту проклятую женщину, которая выставила ногу у нее на пути, так что девушка упала на служанку, пролив на себя половину десерта и разбив несколько очаровательных маленьких вазочек лорда Торнфилда.

Словно ей требовалась чья-то помощь, чтобы выставить себя неловкой дурочкой.

Поэтому Микаэла Форчун притаилась возле музыкантов, находясь рядом с музыкой, которая заглушала распускаемые о ней отвратительные слухи. И, сидя на скамеечке, она могла спрятать жирные белые пятна от десерта, упавшего на юбку ее единственного хорошего платья. Здесь девушка могла погрузиться в мелодию, и если хотела, то и напевать себе под нос. Она готова была убедить себя, что это действительно был великолепный пир, хотя больше всего ей хотелось найти ту ужасную женщину с ее проклятой ногой и вцепиться ей в волосы.

«Подставь другую щеку, — напомнила себе Микаэла слова матери, словно та прошептала их ей на ухо. — Мир будет принадлежать кротким».

Словно затем, чтобы уроки матери о кротости убедили ее, Микаэла увидела через зал родителей. Лорд Уолтер и Агата Форчун, как всегда, были рядом. Отец с любовью смотрел на Микаэлу, словно ожидая, что та выскажет какое-то желание, которое он готов будет немедленно выполнить. Было радостно видеть, что они наслаждались праздником — они так редко покидали свой маленький дом.

Как и Микаэла, Агата Форчун часто становилась объектом сплетен, хотя мать не испытывала чувства неловкости, которое отравляло жизнь ее дочери. Старшую леди Форчун считали неумехой и немного слабоумной, к младшей же относились с усмешкой и уклонялись от встреч с ней.

Дочь дьявола.

Служанка в аду.

Сестра самого сатаны.

И хуже всего — Хозяйка удачи.

Мисс Форчун. [\[1\]](#)

Умная игра слов, должна была признать девушка, и из всех ненавидимых прозвищ, которыми ее наградили, самым точным было «мисс Анфорчун — мисс Несчастье».

Ее пальцы сжали искривленное металлическое кольцо на тонкой цепочке под корсажем платья, которую она никогда не снимала. Эта цепочка казалась ей такой же тяжелой, как дубовое ярмо.

— Песню! — прозвучал мужской голос, прерывая самоуничижительные мысли Микаэлы. Апан Торнфилд, сюзерен семейства Форчун и хозяин пира, поднял кубок в сторону трио музыкантов, возле которых, спрятавшись, примостилась девушка. Он был красивым блондином с аккуратно подстриженными усами. После смерти жены год назад он

остался один с юной дочерью в их скромном имении. Микаэла никогда не разговаривала напрямую с лордом Торнфилдом. Сегодняшний пир был вторым случаем в жизни девушки, когда она посетила дом сюзерена, хотя не могла вспомнить первого посещения, видимо, была тогда еще ребенком.

— Я хочу немедленно услышать песню! Кто готов ее исполнить?

Гости с энтузиазмом встретили предложение хозяина, и Микаэла сжалась, увидев, что мать ищет ее в толпе. Девушка закрыла глаза, словно это могло сделать ее невидимой.

Она почувствовала, что спасена, когда лорд Торнфилд объявил имя выбранной им певицы, и Микаэла со вздохом облегчения открыла глаза.

— Леди Джульетта Оспри, вы усладите наш слух? — почти прокричал он, и через мгновение высокая брюнетка в роскошном зеленом платье вышла из толпы со смиренной улыбкой на привлекательном лице.

Это была та самая женщина, которая подставила ей ногу. Микаэла отодвинула свою скамейку еще дальше за занавес.

— Вы знаете песню «Моя любовь вызывает к морю»? — спросила леди Джульетта у трио музыкантов, и стоявший впереди с поклоном кивнул.

Когда раздался голос женщины, резкий и пронзительный, Микаэла снова съежилась. К тому времени как были исполнены припев и второй куплет, она проверила, не идет ли у нее из носа кровь. Она увидела, как поморщились несколько гостей, когда ноты взлетели к небесам. Чтобы достичь такой высоты, леди Джульетта почти перешла на крик. У Микаэлы приоткрылся рот, и она зажала уши.

— О, поскорее прекратите это! — громко крикнула она. Однако никто не услышал ее из-за пронзительного пения выступавшей. Каждую минуту девушка ожидала, что гончие лорда Торнфилда присоединят свой лай к этим звукам.

Наконец пытка окончилась, и Микаэла услышала облегченный вздох гостей, прежде чем они разразились преувеличенно щедрыми аплодисментами в адрес разодетой леди Оспри.

— Господи, они, должно быть, глухи, — пробормотала девушка. Затем она удивленно ахнула, когда почувствовала, как ее сзади потянули за волосы. Микаэла повернулась на скамейке.

Прикрытая занавесом, за которым пряталась Микаэла, стояла очень красивая девочка лет десяти с длинными блестящими белокурыми волосами, убранными со лба и каскадом спускающимися вдоль спины. Она смотрела на Микаэлу большими карими глазами олененка, и лукавая улыбка освещала ее бледное личико. Она энергично кивала.

— Привет, — сказала Микаэла.

Улыбка девочки стала еще шире. Она указала на занавес, вероятно, имея в виду гостей, затем потянула себя за ухо.

Микаэла рассмеялась:

— Да, если они не были глухими раньше, смею сказать, то сейчас наверняка оглохли. Девочка прикрыла рот ладонками, глаза ее весело блеснули.

— Я Микаэла Форчун. — Она протянула руку, девочка приняла ее, присев в реверанс. — А кто вы, прелестное дитя?

Девочка улыбнулась и снова указала на толпу гостей. Она приложила указательные пальчики к верхней губе, затем положила изящную ручку на плоскую грудь.

Микаэла решила, что поняла собеседницу.

— Лорд Торнфилд — ваш отец?

Девочка кивнула.

— Как поживаете, леди Элизабет?

Девочка снова грациозно присела в реверансе, и Ми-каэлу удивила ее немота. Она была наслышана о немых людях, но никогда не встречала никого из них, однако решила не обращать на это внимания, чтобы не обидеть хрупкого ребенка.

Микаэла хорошо знала, что такое обида и унижение.

— Вам нельзя появляться на этом празднике? — спросила она.

Элизабет пожала плечиками, затем указала на что-то мимо Микаэлы, глаза ее округлились, а губы сложились в букву «О». Было похоже, что леди Чертов Язычок готовилась вновь терзать слух гостей своим визгливым голосом. Микаэла застонала и, опустив голову, ладонями закрыла уши.

— Интересно, кто-нибудь хочет оглохнуть? Элизабет Торнфилд тоже закрыла уши и наклонилась вперед, сдерживая смех. Глядя на нее, Микаэла рассмеялась. Но она и ее юная подружка были избавлены от грядущего визгливого скрипа самим лордом Торнфилдом.

— Минуту внимания, пожалуйста, — произнес он, кланяясь в сторону леди Оспри. — Прежде чем праздник продолжится, хочу сделать объявление. — Алан несколько нерешительно поднялся на помост, на котором стоял стол лорда, затем расплылся в улыбке: — Полагаю, что должен воспользоваться случаем, чтобы вспомнить о нашем сеньоре, лорде Магнусе Шербоне, почившем более года назад. — Это заявление не вызвало ни малейшего звука сочувствия в зале, что вовсе не удивило Микаэлу. Не было секретом, что все живущие на земельной собственности Шербонского дьявола ненавидели его за безжалостное правление и для многих его смерть была благословением. Элизабет придвинулась поближе к Микаэле и выглядывала из-за занавеса, наблюдая за отцом, который продолжил свою речь: — Наши земли слишком долго находились без хозяина, так что с радостью в сердце после этого печального воспоминания сообщаю вам поразительную новость: сын лорда Шербона, мой кузен Родерик, возвращается на днях из Святой земли, чтобы занять место отца в замке Шербон.

При этих словах возбужденный шепот пробежал по залу. До Микаэлы донеслись обрывки восклицаний:

— Родерик, лорд Родерик!

— Такой красавец...

— ...совсем не такой, как его отец.

— Однако, — вновь раздался голос лорда Алана, — из-за весьма... тяжелых ранений, полученных во время длительных странствий, и, осмелюсь сказать, хромоты, — толпа гостей ахнула, — а также из-за условий наследования, выдвинутых самим лордом Магнусом, земли, возможно, перейдут... — Алан сделал паузу, гости затаили дыхание, — к вашему покорному слуге.

Зал огласился удивленными восклицаниями и аплодисментами, и на лице лорда Торнфилда появилась горделивая улыбка. Он позволил радостным излияниям звучать еще несколько секунд, прежде чем поднять руки, призывая к тишине.

— Безусловно, я глубоко опечален потерями, которые понес мой кузен, но считаю, что сегодняшний вечер — хороший повод для веселья. В конце концов, через какие-нибудь несколько недель я перееду в северную часть наших земель. — Гости ответили дружным возгласом одобрения. — Итак, давайте развлекаться, наслаждаться происходящим и петь песни, чтобы продолжилось состязание в пении. Со своей стороны удовлетворю любую

просьбу победителя. — Гости откликнулись радостным гулом. — Мы уже благосклонно выслушали выступление леди Джульетты..

Леди Джульетта широко улыбнулась гостям и игриво подмигнула Алану.

— Кто осмелится бросить ей вызов? — Лорд Алан оглядел присутствующих. — Ну, смелее. Кто будет следующим?

Почти час более дюжины гостей, мужчин и женщин, сменяли друг друга в состязании. Но никто не был поистине совершенен в своем таланте — некоторые даже нарочно фальшивили, исполняя грубоватые шуточные стихи или декламируя глуповатые строфы, — но не было никого хуже леди Джульетты, с удовлетворением отметила Микаэла. Она и юная леди Элизабет, спрятанные за занавесом, наслаждались каждым номером и весело кружились, взявшись за руки.

Последний из исполнителей, молодой человек знатного рода, поклонился среди раскатов смеха и аплодисментов, и лорд Торнфилд вновь предложил место на подиуме очередному конкурсанту, когда Микаэла упала на скамейку, задыхаясь от смеха.

— О, отлично, отлично! — засмеялся лорд Алан и поднял кубок, приветствуя и благодаря юного исполнителя.

Микаэла почувствовала, что ее снова дернули за волосы сзади. Обернувшись, она увидела, как Элизабет отвела ладошку от своего открытого рта и указана на нее.

— О нет! Не стоит. — Элизабет, словно всерьез, надулась, затем прижала сложенные руки к груди, выражая горячую просьбу и мольбу. — Перед всеми этими людьми? Они сожрут меня заживо, Элизабет. Я не обладаю талантом публичного вые...

— Сейчас будет петь Микаэла Форчун!

Сердце девушки ушло в пятки, когда в зале раздался мелодичный голос ее матери:

— Дочь моя! Микаэла, где ты? — Голос Агаты приближался, и Микаэла уже слышала фыркание и перешептывания в толпе. — Микаэла?

Неожиданно Элизабет сильно толкнула ее в спину — и Микаэла вылетела из-за занавеса, споткнулась, вновь споткнулась, пытаясь удержать равновесие вытянутой рукой, и наконец распласталась лицом вниз на покрытом плитками полу.

— О, Микаэла, вот ты где, дорогая! — радостно воскликнула Агата.

Гости даже не пытались сдержать смех. Затем Агата оказалась рядом с дочерью и помогла ей подняться с пола.

— Вот так, вставай, дорогая! А что случилось с твоим платьем? Впрочем, это не важно. Спой, милая, у тебя такой очаровательный голос. — Затем она склонилась к уху Микаэлы и прошептала: — Подумай об исполнении просьбы победителя, Микаэла! Можно будет попросить уменьшить налог...

— О да, мисс Пудинг, спой для нас! — подстрекательски выкрикнул кто-то из гостей.

Микаэле было до боли жаль свое запятнанное платье, она слышала насмешки леди Джульетты в свой адрес и поняла намек матери на их бедность. Возможно, лорд Торн-филд и простит им малую долю долга, но...

Между тем гости подогревали друг друга.

— Не удивлюсь, если все мы оглохнем от стихов, которые споеет мисс Форчун-дьяволица!

Микаэла отвела волосы со лба и с достоинством отреагировала на неприятные реплики.

— Клянусь, если вы еще можете похвастаться, что не утратили слух после всех этих чудовищных звуков, — сказала она, взглянув в сторону шокированной Джульетты, — вашим

нежным ушам ничего не грозит в вашей будущей жизни, дьявол я или нет.

— Микаэла! — выдохнула Агата и погладила руку дочери. — Это очень нелюбезно с твоей стороны.

Леди Джульетта вновь обрела спокойствие и вышла вперед со злым выражением на лице.

— Так, мисс Форчун!

«Чудовищные звуки», да? Ну что же, если судьи из гостей сочтут ваш голос достойнее моего, я сама выполню любую вашу просьбу. Все, чего бы вы ни пожелали.

Микаэла вопросительно вскинула брови:

— Все, чего бы я ни пожелала?

Леди Джульетта взглянула на Алана Торнфилда:

— Вы согласны на это пари, милорд?

Лорд смотрел на Микаэлу, словно видел ее впервые, что было невероятно, поскольку она привлекла к себе всеобщее внимание тем, что, поскользнувшись, опрокинула на себя десерт и разбила ценный фарфор.

— Ну конечно, леди, — с некоторым изумлением согласился хозяин вечера. — Пожалуйста, начинайте.

Какое-то мгновение девушка почувствовала себя так, словно оледенела в смолкнувшем, охваченном ожиданием зале, где гости откровенно ее рассматривали. Их глаза были прикованы к ней, она оказалась в центре внимания, а подобная ситуация никогда не складывалась в пользу мисс Форчун.

Кто-то кашлянул, Агата Форчун ободряюще улыбнулась дочери.

— Что будете петь, миледи? — вежливо спросил руководитель трио.

Микаэла посмотрела на леди Джульетту и увидела ее усмешку, словно та чувствовала, как близка была Микаэла к провалу.

«Думай о своем желании, Микаэла! Может быть, нам уменьшат налог...»

— Мы ждем, мисс Форчун, — насмешливо произнесла леди Джульетта.

Девушка глубоко вздохнула.

— Не нужно музыки, — сказала она, обратившись к музыкантам.

— О! — Джульетта засмеялась и хлопнула в ладоши.

— Музыка не была написана на эти стихи. Джульетта не нашла что ответить.

Микаэла сделала глубокий вдох, Агата отошла в сторону, оставив дочь одну в кругу выжидающих гостей.

Затем девушка запела, закрыв глаза, мысленно уносясь из прокуренного зала Торнфилд-Мэнора, воображая, что летит среди облаков с широко раскинутыми, словно крылья, руками.

Стихам и мелодии ее научил монах, странствовавший по земельным владениям Шербонов, когда она была еще девочкой, а он сочинял церковные песнопения для монахов. Но Микаэла превратила стихи в песню о светлой скорби, воплощая в ней все свои мечты и желания, забыв об оскорблениях и унижениях, выпавших на ее долю — не только в этот вечер праздника, а всю жизнь, — и создала песнь такой чистоты и искренности, что почувствовала, как к закрытым глазам подступили слезы.

Это было весьма длинное произведение, но исполнительница не сократила его, наслаждаясь им и погружаясь в него, отдаваясь тому единственному, что хорошо ей удавалось. Зал был широким, длинным, с высоким потолком, и каждая нота, которую она исполняла, отражалась от каменных стен дома, описывала круг и встречалась с другими,

создавая впечатление поющего хора.

Когда последнее слово повисло в воздухе, Микаэла неохотно вернула себя из воображаемого полета и открыла глаза.

Все взгляды были прикованы к ней. Даже слуги, вытиравшие длинный стол и снующие с подносами, замерли затаив дыхание.

Девушка почувствовала, как краснеет, и быстро повернулась, сосредоточив внимание на лорде Торнфилде. Он тоже, приоткрыв рот, смотрел на нее как на неожиданно появившееся у него в доме чудо и, казалось, не замечал, как из его наклоненного кубка ему на сапог стекает вино.

Микаэла не произнесла ни слова, ожидая решения по поводу того, кто победил в состязании, чувствуя себя словно обнаженной и крайне уязвимой, будто раскрыла душу перед всеми собравшимися.

Но по-прежнему никто не издал ни звука, слышно было лишь, как гости переминались с ноги на ногу. Девушка почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

Неожиданно кто-то зааплодировал, нарушив тишину. Микаэла повернула голову, чтобы увидеть, кто же это.

Элизабет Торнфилд вышла из-за занавеса рядом с музыкантами — и неистово хлопала. Улыбка девочки была самой теплой из всех, которые Микаэла получала от тех, кто не являлся ее родственником, и вид этой маленькой слушательницы, рискующей получить упрёки за то, что появилась на пиру, чтобы похвалить свою новую приятельницу, тронула сердце девушки.

Хоть кому-то понравилось ее пение.

Появление дочери, очевидно, подействовало и на лорда Торнфилда, он восторженно, очнувшись от впечатления, произведенного на него пением, со звоном уронил свой, теперь уже пустой кубок и присоединился к аплодирующей дочери.

— Великолепно! — вскричал он.

— О да, поистине великолепно!

Зал огласили приторно сладкие похвалы, и когда Микаэла оглядела ряды гостей, то увидела, что, хлопая, они перешептывались и исподтишка наблюдали за ней.

Лорд Торнфилд, все еще хлопая, приблизился к дочери, упал перед ней на колени и обнял девочку, тихо говоря ей что-то, но его голос заглушили стихающие аплодисменты. Затем он поднялся и повел Элизабет к своему столу на возвышающемся помосте, поддерживая ее, когда она ступила на ступеньку, словно та была немощным инвалидом. Шепот гостей стал громче, и Микаэла отчетливо осознала, что теперь не она была темой для сплетен. Девушка попыталась подавить облегчение, которое тут же испытала.

Алан Торнфилд вновь обратился к гостям:

— Кто-нибудь еще хочет принять участие в состязании? Полагаю, что нет. После этого потрясающего исполнения объявляю леди... Микаэлу, не так ли? — Форчун победительницей, если, конечно, не найдется глупца, готового бросить ей вызов. Нет такого? — спросил он, оглядывая зал. Затем, прищурившись, нашел в толпе Микаэлу, и его пшеничные усы дрогнули. — Полагаю, вы заработали пару призов. — Он любезно вытянул вперед руку и слегка поклонился. — Выбирайте свою награду.

— Это возмутительно!

Слова, разумеется, принадлежали леди Джульетте. Женщина снова выступила из толпы гостей, шумя своими пышными юбками, и направилась прямо к Микаэле.

— Я что, должна выполнить пожелание девицы, которая получила свой талант от самого дьявола?

Микаэла почувствовала, как взлетели ее брови, а пальцы сжались в кулаки. Никогда в жизни она не наносила удара другому человеку, но сейчас была близка к этому.

— Ну-ну, леди Джульетта, — миролюбиво произнес лорд Торнфилд. — Вы определенно знаете девушку, которой бросили вызов, прежде чем она успела выступить, и сейчас перед вами стоит она, а не сатана. И вы же понимаете, что все это было сделано только ради развлечения. Уверен, просьба леди Микаэлы окажется достаточно разумной. — Хотя его слова прозвучали дружески и успокаивающе, тон указывал на то, что этот вопрос не подлежит обсуждению.

Леди Джульетта побелела как мел.

— Отлично, мисс Дьявольская Удача, — буквально выплюнула она. — Каково же ваше проклятое желание? И не дай Бог, чтобы вы поставили меня в неловкое положение, предупреждаю, я дам вам пощечину.

— О, моя просьба будет очень простой, — ответила М и-каэла и еще ближе подошла к кипящей леди, так, чтобы ее слова слышала она одна. — Я также предупреждаю, что если вы осмелитесь ударить меня, я за волосы выволоку вас из этого зала и призову нечистого, самого Охотника, ^[2] чтобы он забрал вашу душу, — прошипела она, и глаза ее наполнились злой радостью, что она так жестоко поддразнила эту неприятнейшую особу.

«Надо же, нечистый. Господи!»

— Назови свою цену, тварь, — процедила Джульетта сквозь зубы.

— Отлично. — Микаэла отступила на пару шагов и посмотрела на свое платье. — Поскольку именно из-за вас мое платье безнадежно испорчено, — она обвела глазами изящное зеленое бархатное платье соперницы, — я хочу получить платье, которое на вас.

Джульетта рассмеялась:

— Ты рехнулась! Это платье стоило больше, чем весь годовой доход с мизерного участка твоих родителей!

Микаэла вздрогнула.

— Может быть, вам стоило бы оценить стоимость ваших собственных владений, прежде чем разрушить собственность другого человека.

— Я не делала ничего подобного! — пронзительно вскрикнула Джульетта, обращаясь к лорду Торнфилду. — Это абсурд.

— На мой взгляд, это весьма разумно, — сказал тот в ответ на ее обращенный к нему взгляд. — И именно вы, леди Джульетта, бросили вызов. Уверен, леди Микаэла примет платье, когда вы пришлете ей его домой с посыльным. Надеюсь, она не ожидает получить его прямо сейчас? — Вскинув брови, лорд Торнфилд обернулся к Ми-каэле, и ее сердце бешено забилося.

— Разумеется, — неохотно согласилась девушка. — Я буду ждать его в течение двух недель.

— Я... я... — запинаясь, начала Джульетта. Она топнула ногой и, нахмурившись, поджала губы. — Что ж, ты получишь его. — Она даже не пыталась скрыть свои чувства, волком глядя на Микаэлу. — Теперь, я уверена, вы поймете меня, если я пожелаю вам всем спокойной ночи. — Она повернулась и стремительно вылетела из зала, сопровождаемая собственными слугами и насмешками некоторых гостей.

И вновь зазвенел командный голос лорда Торнфилда:

— Надеюсь, мои любезные музыканты не покидают меня? Вечер еще не кончился, дорогие, давайте продолжим веселье! Мне есть что праздновать!

Тут же заиграла музыка, и некоторые гости направились к столам с вином и закуской, кто-то уединился, чтобы обсудить частные вопросы, а лорд Торнфилд предложил Микаэлу присоединиться к нему и его дочери за столом на помосте.

Девушка присела в реверансе:

— Милорд, ваше решение — большая честь для меня.

— Чепуха! — Светловолосый мужчина улыбнулся, не отрывая любящего взгляда от дочери. — Вы, бесспорно, превзошли всех остальных и...

Элизабет неожиданно вырвалась из объятий отца и тонкими ручками обхватила Микаэлу за талию — обе чуть не упали с помоста на каменный пол.

— О Боже! — засмеялась Микаэла и прижала к себе маленькую девочку отчасти из-за расположения к ней, Отчасти чтобы сохранить равновесие. Элизабет продолжала к ней прижиматься, и Микаэла не возражала. Это так приятно, когда тебя обнимают!

— Похоже, она быстро привязалась к вам, — заметил лорд Торнфилд. — Вы долго прятались здесь?

— Не очень, — быстро попыталась убедить его Микаэла и подумала, не льнет ли к ней девочка, чтобы избежать наказания. — Надеюсь, милорд, вы простите леди Элизабет за ее неповиновение вам.

— «Простите»?

Микаэла ощутила, как затряслись плечи девочки.

— Я... я откажусь от приза, если это предотвратит наказание.

— Почему, черт подери, я должен наказывать Элизабет?

Микаэла почувствовала, что краснеет. Неужели она всегда будет выступать такой дурой?

— За то... да, зато, что она появилась на празднике без вашего разрешения.

Элизабет немного отодвинулась от нее, и девушка увидела, что ее новая подружка беззвучно смеется.

Алан Торнфилд на мгновение нахмурился, глядя на гостью, затем весело рассмеялся:

— Леди Микаэла, уже давно моим самым горячим желанием было, чтобы Элизабет присутствовала на праздниках в Торнфилд-Мэноре. Уверяю в'ис, она пряталась по собственной воле. На самом деле она появилась на людях впервые после смерти матери.

Микаэла понимала, что выглядит как ошеломленная дурочка, но что делать, раз уж так получилось.

— О! — только и могла она сказать. Потом продолжила: — Что ж, я рада, что она решилась здесь появиться.

Элизабет вернулась к отцу, и Алан Торнфилд улыбнулся, обняв дочь за плечи:

— Что же касается вашей награды...

— Милорд, если позволите, — перебила его Микаэла. — Я хочу попросить, чтобы выплата налога с арендованной отцом земли была немного отсрочена. Урожай в этом году весьма скудный — наша деревня пустеет. Я не прошу простить нам весь долг, но хотя бы часть его. А может, вы продлите срок уплаты всей суммы?

Лорд Торнфилд задумчиво посмотрел на нее:

— Мне хорошо известно бедственное положение ваших родителей, леди Микаэла. Согласен, все арендаторы земель чувствовали жестокую правящую руку Магнуса Шербона, в

том числе и я. Его уход из жизни принес нам всем огромное облегчение, но теперь, когда вернулся лорд Родерик, не знаю, надолго ли это...

— Понятно, — сказала Микаэла, услышав ответ, если не в словах, то в тоне хозяина пиршества.

— Но возможно, нам удастся устроить все к обоюдному удовлетворению, — неожиданно продолжил лорд Торнфилд, переведя задумчивый взгляд на дочь. Затем он вновь посмотрел в лицо девушки, и его глаза весело сверкнули.

Микаэла не знала, что сказать, поэтому промолчала. Через минуту лорд Торнфилд снова заговорил:

— Не рассмотрите ли вы возможность занять место в моем доме взамен прощения долга вашей семье? — предложил он, и девушке показалось, что он оценивающе оглядел ее фигуру. У нее в желудке все затрепетало. — В качестве компаньонки Элизабет, разумеется, — быстро добавил он. — Я не хочу, чтобы пострадала ваша репутация. Микаэле хотелось засмеяться. Ее репутацию уже невозможно было испортить, даже если бы она прошла обнаженной по улицам Лондона. Но тут до нее дошла суть предложения лорда Торнфилда.

— Милорд, вы предлагаете простить долг моих родителей только за то, что я составлю компанию Элизабет?

— Думаю... Я думаю, да. Да. — Его голос звучал все более уверенно, — Леди Микаэла самое важное для меня — счастье моей дочери. Если она так быстро полюбила вас и если вы сумеете помочь ей выбраться из ее раковины — возможно, даже, добьетесь, что она снова заговорит, — это будет стоить всех десятин с вашей земли. За каждые три месяца, которые вы проведете в Торнфилд-Мэноре как компаньонка моей дочери, семейство Форчун будет освобождаться от десятины. Я понимаю, что это очень грубо с моей стороны — пожинать плоды с приза, который, бесспорно, ваш, но вы согласитесь?

Микаэле хотелось расплакаться. Но вместо этого она слабо улыбнулась, внезапно поняв, как удивительно красив лорд Алан Торнфилд. Лицо стоявшей рядом Элизабет, обращенное к Микаэле, выражало ожидание и надежду.

— Я согласна, — выдохнула Микаэла.

Он дома.

Сердце Родерика застучало, как боевой барабан, когда перед ним предстали ворота замка; Он натянул поводья, чтобы остановить лошадь, и наклонился вправо — дать минутную передышку ноющему левому бедру и колену, сжимавшему бок коня. Хью Гилберт приблизился к Родерику и тоже остановил лошадь. Бесформенный мешок, привязанный к его спине широкими тонкими льняными полосами, придавал ему вид горбуна.

— Так это здесь, да? — спросил Хью и посмотрел на спутника с язвительной усмешкой.

Во время долгих-долгих месяцев выздоровления Родерика Хью Гилберт, которого он впервые встретил накануне сражения при Гераклее, медленно превращался в совершенно другого человека. Хотя, если быть справедливым, Родерик подозревал, что Хью, вероятно, вовсе и не изменился. Человек, которого он знал после битвы, был отчаявшимся, испытывающим чувство вины воином — качества, которые он приобрел во время испытаний. Подлинным же был Хью Гилберт, сидевший на лошади рядом с Родериком, — каким он был до сражения, таким и остался. И хотя в те первые дни после ранения Родерик никогда бы не заподозрил, что их судьбы так тесно переплетутся, он любил Хью и был многим ему обязан, несмотря на протесты последнего.

И Родерик радовался тому, что Хью сопровождал его домой. Родерик под страхом смерти не признайся бы, что вид взмывающих вверх ворот замка Шербон вызвал в нем прежний смутный страх. Хотя он знал, что Шербонский дьявол умер и похоронен более года назад, дух Магнуса, казалось, протягивал к сыну костистые пальцы сквозь зацементированные щели грубых камней и его угрожающий голос звучал у него в ушах.

Неудачник. Неудачник!

Никчемный, бесполезный калека!

Ты должен был умереть, а не я.

Но Родерик не умер, к своему величайшему изумлению. И отныне земли Шербона принадлежат ему — Шербонский дьявол перевоплотился. Некогда, казалось отчаянно давно, эта крепость была домом испуганного и забитого ребенка, позже — непокорного, сердитого молодого человека. Теперь же этот старинный замок принимал в свои холодные объятия израненного и озлобленного лорда. Родерик снова очутился дома, и хотя его отъезд был поспешным и он был одинок, обратный длинный путь он совершил в компании друга.

Узел, привязанный к спине Хью, задергался, и оттуда раздался пронзительный крик.

— Да, да, малыш, — бросил Хью через плечо. — Мы почти на месте. Ты промочил меня до самых костей.

Порывы ветра хлестали лоскуты, оставшиеся от штандартов Шербона, венчавшие обе стороны ворот. Плющ словно осадил огромную крепость, ничто не управляло его бесконечной властью, придавая стенам, протянувшимся на север и восток, заброшенный, опасный и дикий вид. Подъемный мост был опущен, но не было слышно фанфар, не видно было слуг. Во мраке дождливого и холодного дня не было ни единого стража, который издал бы предупреждающий крик.

Из-за каменных стен не доносилось шума шагов. Только ветер бился о серые камни.

Родерик еще раз устроил в седле левое, причиняющее нестерпимую боль, бедро и

тронул усталую лошадь по подъемному мосту, молча приглашая Хью следовать за ним. Малыш Лео расплакался всерьез, когда они въехали в ворота.

Внутренние стены крепости оказались в еще более плачевном состоянии, чем снаружи. Стебли вьющихся растений образовали и здесь, на стенах, причудливые узоры, растительный хаос охватил и сам замок, а его растрескавшиеся стены напоминали ковер, сотканный из отчаяния. Двор был усыпан сломанной мебелью, разбитыми бочками, словно сброшенными сверху и оставленными лежать там, где они выплеснули свое содержимое, давно подобранное мусорщиками. Вдребезги разбитые кувшины и черепки фаянса — Родерику бросился в глаза черепок с гербом Шербона, втоптаный в землю. Он увидел также валявшийся на земле кусок некогда дорогой, а теперь выцветшей под влиянием непогоды ткани — помнится, она украшала стену позади стола лорда в большом зале для пиров.

Родерик направил лошадь по скрипящему, ломающемуся под ее копытами мусору, разбросанному по двору, вокруг большой башни с фуражом ко входу в холл. Затем остановился и повернулся спиной к южной стене, также задуманной вьющимися растениями, с бойницами и пешеходной дорожкой поверху. Над силосной башней между тем местом, где стоял Родерик, и спрятанным внутренним двором тонкая струйка дыма от дров пыталась пробиться к низкому одеялу неба. Прокаркала ворона. Родерик выпустил поводья из рук и подхватил левую ногу ниже колена. Правым кулаком он выбил сапог из стремени назад и приготовился поднять ногу над лукой седла.

В мгновение ока Хью соскочил с седла, и Родерик почувствовал знакомый укол зависти к легкости движений спутника, хотя у него за плечами находился толстенький маленький Лео.

— Минуту, Рик. Я сейчас...

— Я могу и сам, — проворчал Родерик.

— Не будь ослом, — огрызнулся Хью, ища под зарослями вьющегося плюща ненужное полено, и наконец нашел одно, оставленное гнить там, где его бросили. Он извлек его из вьющейся зелени — Лео наконец умолк — и поднес его к Родерику с правой стороны, поставив на землю более широкой стороной. — Мы скакали весь день. Сейчас ты буквально одеревенел и, прыгая с лошади, можешь сломать единственную здоровую ногу. И тогда, позволь спросить, что с тобой будет?

Родерик не нашелся что ответить — Хью был прав. Он сжал его плечо и встал на шатающуюся деревянную опору. Держа почти бесполезную ногу на весу, он спрыгнул на землю. Это был короткий прыжок, но все равно боль прострелила мускулы ягодиц и поднялась с обеих сторон вдоль позвоночника. Затем просто из каприза и раздражения Родерик оттолкнул полено левым сапогом и с трудом сдержал готовый вырваться крик от боли в колене, вызванной этим движением.

Родерик вынул трость из ножен, в которых раньше хранил свой палаш, и раскрыл ее. Тяжело опершись на трость, он широким, неловким взмахом свободной руки подобрал поводья коня и повел его к колодцу. Подойдя к нему, он обнаружил, что в ведре не хватало нескольких дощечек, а конопляная веревка сгнила и почти развалилась надвое.

Родерик, проворчав, отбросил бесполезную теперь вещь к подножию увитой зеленью стены, где она с треском окончательно рассыпалась. Он повернул лошадь и направил ее ко входу в холл, его живот болезненно сжимался.

Он уверял себя, что не испытывает страха. Только предчувствия. И облегчение — что пришел конец их бесконечно долгому путешествию.

— Ну что, входим? — произнес Хью, когда Родерик, слегка нагнувшись, миновал дверь, ведя за собой коня по булыжному полу.

Холл казался темнее, и, что весьма странно, холод здесь ощущался сильнее, чем во дворе замка, хотя в гигантской, обложенной камнями яме в конце комнаты горел слабый огонь. Остатки многометровых содранных драпировок, которые некогда украшали обе длинные стены, висели одним жалким куском около двери, а на их месте протянулись длинные нити паутины, разновеликие пятна грязи и засохшие ветки проникших внутрь растений, вьющихся по шпукатурке над фресками под сводчатым потолком. Пол можно было назвать лишь условно более чистым, чем внутренний двор, по которому он только что проехал; причудливый рисунок камня пола был скрыт под толстым слоем грязи, засохших лоз и разбитой мебели.

Лишь стол лорда стоял на своем месте, как и прежде, и скомканная кипа того, что напоминало нарядную некогда скатерть, лежала посередине. Кто бы ни разжег огонь, он, вероятнее всего, давно позабыл о нем, подумал Родерик и задал себе вопрос, был ли это кто-то из обитателей Шербона или же случайно забредший в заброшенный замок бродяга.

Позади Родерика его лошадь ударила копытом и тихо заржала, отвлекая его от представшей глазам сцены разрушения и деградации. Он повернулся в другой конец комнаты к двери, ведущей в кухню, и уже был готов прохромать туда, когда куча тряпья на столе зашевелилась.

— Харлисс! — позвала груда тряпья, и Родерик замер на месте. Голос был ему знаком. — Родерик? Это ты, сынок?

Родерику не хотелось, чтобы кто-то обращался так к нему снова в этой комнате, даже монах Коуп, однако он направился к нему.

— Да, брат Коуп.

Пожилый тучный монах тут же взял в руку кувшин, стоявший у его локтя. После затяжного глотка он встал.

— Рад, что ты наконец дома, — сказал он таким тоном, словно Родерик только что вернулся после дневной охоты в лесах, растущих за стенами замка. — Слава Богу. Но, сын мой, твой отец умер.

— Да-да. Монах кивнул:

— Шербон — твой.

— Знаю, — с ноткой нетерпения в голосе ответил Родерик, — Моя лошадь хочет пить. — Он повернулся к двери на кухню и увидел еще один призрак из его прошлого, призрак женщины, которую брат Коуп призывал, как только очнулся от ступора, и которая была источником еще одного болезненного узла в желудке Родерика.

— Добрый день, Родерик, — ехидно произнесла Харлисс.

Перед ним стояла женщина, которая стремилась занять место его матери, няня, которая должна была заботиться о нем и ухаживать за ним по приказанию Магнуса. Возможно, еще более худая, более серая, чем когда он покинул Шербон, все в том же строгом чепце, том же ужасном сером платье и переднике и с тем же злобным выражением лица. Ее переплетенные пальцы лежали на животе. Сколько раз эти руки шлепали его?

Родерик не ответил на ее приветствие. Женщина снова заговорила:

— Мои глаза обманывают меня, или же ты собираешься расположить свое животное в большом зале?

— Отныне ты будешь называть меня «милорд», прислуга, — спокойно заявил

Родерик. — Да, это мое животное, и оно действительно в большом зале, но тебя это не касается. Но если бы ты позаботилась о том, чтобы в колодце было ведро, животное не оказалось бы здесь. На деле же эта комната подобна хлеву, и будь жив мой отец, уверен, он приказал бы тебя выпороть. — «Так тебе и надо, дрянь».

Тонкие ноздри Харлисс раздулись.

— Сомневаюсь, чтобы он прибегнул к этому. — Харлисс повернулась к брату Коупу, который, тяжело дыша, занял место между ней и Родериком: — Ты сказал ему, брат?

— Да, сказал, — резко ответил Родерик.

— Нет, — прохрипел брат Коуп. — Родерик...

— О, здесь все-таки кто-то есть! — весело заметил Хью, входя в большой зал. — Это не выходцы с того света, а? Этот зал просто позор! Впрочем, не важно, сейчас я приведу сюда моего скакуна, и мы устроим языческий пир прямо здесь, на полу.

Хью отвязал мешок с Лео со спины и посадил малыша верхом на бедро. Харлисс посмотрела на эту пару, словно они были нищими, хотя одежда на Хью была столь же богатой, как и на Родерике, а Лео был одет в вышитое шерстяное с шелком платье, отделанное золотой лентой, а на ножках у него были маленькие кожаные башмачки. Он выглядел как юный принц.

Костюм был последним подарком Аурелии. Родерик видел, как она сделала все своими руками.

— Вод-вик! — закричал Лео, протягивая ручонки к Родерику.

— Сейчас он не может взять тебя на руки, Прыщик. А теперь слезай-ка и побегай здесь вокруг, — велел Хью и поставил малыша на ножки. Лео немедленно побежал к Родерику, несмотря на предупреждения Хью, споткнулся, когда его ножки запутались в засохших ползучих растениях, но удержал равновесие, схватившись за длинный плащ Родерика, и уткнулся мордашкой ему в колени.

Родерик сделал все возможное, чтобы не дать ноге согнуться под слабым, но'очень болезненным давлением головы мальчика.

— Шербон — твой, — продолжил брат Коуп. — Но есть одно условие наследования, Родерик.

Нахмурившись, Хью повернулся к другу:

— Что за вздор, Рик? Условие? Что за нелепость! Полагаю, ты знаешь этих двоих?

Родерик кивнул, а узел у него в желудке был готов лопнуть. Конечно, существовало какое-то условие. Даже в могиле Магнус намеревался сделать Родерика несчастным.

— Это монах Шербона, брат Коуп, — процедил сквозь зубы Родерик. — И моя старая нянька Харлисс. Где остальные обитатели замка, мне не известно.

— Ну что ж, по крайней мере я встретил Безжалостную Харлисс, — произнес Хью ледяным тоном. — Весьма наслышан о вашем милосердии.

— Я хранила свое милосердие для тех, кто действительно в нем нуждался, — презрительно усмехнулась Харлисс. — Нечего тратить милосердие на горделивых, непослушных мальчишек.

Родерик взглядом приковал к месту старого монаха.

— Что за условие?

— Да вот, — запинаясь, начал брат Коуп, — чтобы унаследовать замок, вы должны жениться.

— Всего лишь? — Узел в желудке Родерика расслабился.

— Да, причем леди должна быть благородного происхождения, — пробормотал Коуп, роясь в складках сутаны. — Это распоряжение где-то здесь, минуту...

— Не важно. Король знает об этом?

— Разумеется, Ро... милорд, — поправился брат Коуп. — Магнус приказал отправить ему копию вскоре после вашего отъезда в Святую землю. — Толстяк перекрестился. — Но, милорд...

— Ты вел себя так, словно не знал, что отец болен, Родерик, — упрекнула его Харлисс. — Ты покинул отца, хотя знал, что он при смерти!

Родерик сделал шаг ей навстречу.

— Хочешь верь, хочешь нет, я не знал о его болезни. Но я рад, что он умер. Магнус подстрекал и стыдил меня, пока я не согласился совершить то проклятое странствие.

Родерик откинул волосы с одной стороны лица, открыв зловещие перекрещивающиеся шрамы на коже, затем распахнул плащ, показав трость: — Видишь, какие сокровища я приобрел, выполняя священный долг? — Ему показалось, что в безжалостных глазах Харлисс промелькнул огонек удовлетворения. — И если ты еще хоть раз назовешь меня именем, данным мне при крещении, я прикажу выпороть тебя, няня.

Горло старой няньки сжалось в конвульсии, словно в желании выплюнуть свою ярость.

— Мои извинения, милорд, если я забыла свое место. — Это прозвучало отнюдь не искренне.

За спиной Родерика вновь тихо захныкал Лео.

— А теперь, — резко начал он, — где остальные слуги?

— Примерно дюжина их еще осталась в Шербоне, — ворчливо сообщила Харлисс. — Они в верхних комнатах — пожалуй, единственных, которые не разграблены.

— Выведи их оттуда, чтобы я не обнаружил их первым. А остальные?

Тонкие губы Харлисс сжались до такой степени, что почти исчезли с ее лица.

— Разбежались по деревням — дрянь народец.

— Немало прихватив с собой, как я вижу. Сегодня же верни их, — приказал Родерик няньке. — Немедленно. Любой, кто обязан служить в замке и не вернется к завтрашнему утру, будет с семьей платить двойной налог. Постоянно.

Брат Коуп задохнулся от изумления, но Родерик не обратил на это внимания.

— Если подведешь меня, тебя разденут догола и выбросят за стены замка. К утру внутренний двор, личные покои лорда — мои комнаты, — подчеркнул он, — и комнаты для Хью и Лео должны быть прибраны и приведены в состояние, подходящее для проживания, я позабочусь о том, чтобы каждый слуга понес наказание.

— Понятно, милорд, — злобно ответила Харлисс, но не двинулась с места.

— Чего ты ждешь, женщина? — спросил Родерик. — Отправляйся!

— Я только хотела спросить, милорд, — обьятая гневом, она могла лишь прошептать, — позволите ли вы ухаживать, — холодные глаза обратились к плащу Родерика, — за ребенком вашего благородного друга. Ведь я няня в Шербоне.

— Он не сын Хью, — сообщил Родерик.

— Тогда за этим сиротой, — раздраженно сказала Харлисс.

— Лео — мой сын, — проворчал Родерик. — И не вздумай своими когтистыми лапами приближаться к нему, в противном случае я прикажу отрубить их. Отныне ты работаешь на кухне. А теперь проваливай.

— Фу! — не удержался от возгласа Хью. — Ха! Харлисс покинула зал, с шумом

наступая на засохшие плети растений.

— Ты изменился, Родерик, — тихо и печально произнес брат Коуп.

— Наконец ты это заметил, брат, — ответил Родерик и оглянулся, чтобы взять Лео за руку. Его лошадь двинулась по залу дальше и теперь облизывала стол, где ей удалось перевернуть кувшин монаха.

— Прежде чем я уйду, — сказал монах, протягивая Родерику свернутый кусок пергамента. — Воля усопшего. Милорд, чтобы вы могли владеть Шербоном...

— Да, Коуп, ты уже сообщил, что я должен жениться.

— До того, как вы достигнете тридцатилетнего возраста, милорд. Если этого не случится, его унаследует ваш кузен, лорд Алан из Торнфилд-Мэнора.

Несколько секунд Родерик пристально смотрел на монаха, думая о своих шрамах, хромоте и ненависти ко всему, что олицетворял Шербон. Он сжал в кулаке завещание, горячо желая, чтобы это была шея Магнуса Шербона.

— Отправляйся в свою никчемную церковь, брат Предатель, — произнес Родерик.

— Родерик, я не участвовал в этом, поверь мне...

— И если ты дорожишь своей жизнью, не появляйся в этом зале без моего приглашения.

Брат Коуп отвесил поклон и молча удалился.

— Добро пожаловать домой, Рик. — Хью тяжело вздохнул. Пожалуй, лучше было бы остаться в Константинополе.

— Нет, — ответил Родерик, сначала спокойно, пока оглядывал разрушенный зал, одной рукой по-прежнему сжимая пухлую ручку Лео, а другой — завещание и трость. — Нет. Мой отец не возьмет верх надо мной. До того времени, как я достигну возраста, назначенного Магнусом, — почти год.

— Ты поддашься этому безумию? — недоверчиво поинтересовался Хью.

— Завтра же, если ты мне поможешь, Хью, мы разошлем весть.

— Какую весть, Рик?

— Что Шербонский дьявол вернулся и ищет невесту.

Пять месяцев спустя
Торнфилд-Мэнор

— Милорд, леди Джульетта из Оспри!

При этом сообщении Микаэла и-Элизабет повернули головки друг к другу с одинаковым выражением ужаса и неприязни на лицах. Затем тихо захихикали, снова вернувшись к еде.

Женщина ворвалась в столовую, прервав ужин жестким стуком каблуков и шелестом юбок.

— Лорд Торнфилд, мои извинения за то, что ворвалась в ваш дом без предупреждения, но я чувствовала, что должна немедленно приехать к вам! — Она остановилась перед возвышением с обеденным столом, задыхаясь, потом, сладко улыбаясь, присела в реверансе перед Элизабет: — Моя дорогая.

С противоположного конца стола от Элизабет и слева от Микаэлы поднялся лорд Алан, вытирая усы салфеткой.

— Леди Джульетта, мы всегда рады приветствовать вас в Торнфилд-Мэноре. Скажите, в чем причина вашего волнения?

Джульетта издала глубокий, драматический вздох и протянула вперед руку с зажатым в кулаке куском пергамента. Слуга взял из руки леди пергамент и передал Алану, который, стоя, развернул его с заинтригованным выражением на красивом добром лице и молча прочел.

Микаэла и Элизабет тайком обменялись взглядами.

Темноволосая женщина прошла вдоль стола.

— Мисс Форчун, — наконец узнала она Микаэлу. — Надеюсь, вы получаете удовольствие от вашего приза?

Микаэла чуть было не утратила присущее ей чувство юмора при напоминании о честно выигранном призе. Джульетта сдержала слово и прислала зеленое бархатное платье в дом Форчунов, но когда Микаэла открыла сверток, платье представляло собой кучу полос, юбка и лиф были разрезаны по швам острым ножом.

— О да, я очень довольна, леди Джульетта, — подтвердила Микаэла и продолжила, понизив голос до шепота: — Да, как раз сегодня утром я думала о том, каким мягким оно ощущается на голой заднице.

Алан Торнфилд издал короткий, недоверчивый смешок и поднял глаза от послания:

— Глазам своим не верю. Как вы получили это, миледи?

— Его привез в Оспри посланец из Шербонав прошлом месяце, — сообщила Джульетта, снова приблизившись к лорду Алану. — Уверяю вас, что это правда, — я только что из Шербона и могу подтвердить истинность этого пергамента.

Микаэла увидела, как одна благородная, словно выточенная бровь Алана насмешливо поднялась.

Джульетта поежилась и покраснела.

— Разумеется, только чтобы увидеть, правда ли это. И это оказалось правдой.

— Я знал, что он пытался... Но это не важно, — мягко закончил Алан, осторожно свертывая послание и пряча его за ремень. — Уверен, что узнаю гораздо больше в результате вашего визита. — Он повернулся и взглянул на дочь и Микаэлу: — Извините меня, леди. Я вернусь до того, как ты уснешь, Элизабет.

— Милорд, — произнесла Микаэла, наблюдая с тоской в глазах, как он уходит. Он был так красив. И любезен — иначе дал ли бы он аудиенцию этой отвратительной леди Джульетте во время еды? Олицетворение благородства, и до чего же он красив...

Элизабет больно ткнула ее локтем под ребра.

— Ох! Озорница, — прошептала в ответ девушка и ущипнула соседку за предплечье.

Элизабет улыбнулась и указала кивком в сторону уходившего отца. Она пожала плечами и удивленно подняла брови, в этот момент девочка так была похожа на Алана.

— Не имею ни малейшего представления, — ответила Микаэла.

Элизабет отодвинула тарелку, словно внезапное появление леди Джульетты лишило ее аппетита.

Микаэла не могла не согласиться и бросила нож и вилку в собственную тарелку. Тут же появился слуга, чтобы унести остатки трапезы, и Микаэла еще раз поразилась своему новому положению в Торнфилд-Мэноре. Хотя Форчуны, разумеется, нанимали слуг, но они были немногочисленными и горстка людей выполняла великое множество обязанностей. Бывали времена, когда Микаэла сама убирала со стола посуду после трапез и относила ее на кухню. Она сама убирала свою комнату и нередко помогала со стиркой. В доме Форчунов у нее не было своей горничной.

В Торнфилд-Мэноре же у нее их было две. И ее нога не ступала на кухню или в прачечную с того момента, как она переехала сюда. Здесь они часто ели мясо. На втором этаже рядом со спальнями была даже гардеробная. Иногда она опасалась, не сделает ли ее такая богатая жизнь ленивой и пассивной, впрочем, ее это не очень заботило. Кожа у нее на руках сделалась мягкой и гладкой, никто здесь не осмеливался злословить о ней — это было распоряжение самого лорда. Исключение составляли случаи, когда наносила визит леди Джульетта, но что мог мягкий лорд Алан сделать с такой злобной особой, которая не находилась в его власти?

Этот красивый, любезный, благородный человек...

— Что мы будем делать, пока не вернется твой отец, а ты отправишься спать? — спросила Микаэла даже появление леди Джульетты не смогло поколебать ее состояние удовлетворенности своей жизнью в усадьбе.

Когда девушки направлялись к креслам у большого очага, Элизабет жестами, уже знакомыми Микаэле, попросила ее спеть, но Микаэла покачала головой, глядя в ту сторону, куда удалился лорд Алан с самой ужасной певицей в округе. У нее не было желания ухудшать и без того натянутые отношения между ней и леди Джульеттой.

— Не сегодня, Элизабет.

Элизабет согнула руки и похлопала локтями, словно крыльями.

— Я не цыпленок, — запротестовала Микаэла, снова ласково ущипнув девочку, прежде чем опуститься в обитое бархатом кресло, миниатюрную копию кресла Алана, раньше принадлежавшее экономке, которое он отдал в распоряжение Микаэлы.

Она нашла его очень удобным.

— А как насчет сказки? — предложила Микаэла. — Басни? А может быть, истории из Библии — ты давно уже не слушала о Данииле во рву львином.

Элизабет покачала головой, затем указала на Микаэлу и сделала движение, словно натягивала тетиву лука. Микаэла застонала:

— О, только не эти глупости!

Элизабет сложила руки на груди и похлопала длинными густыми ресницами.

— Ну хорошо. Такая глупость, право. Придвинь свое кресло поближе, так чтобы мне не пришлось кричать. — Когда Элизабет сделала то, о чем просила Микаэла, последняя начала историю, некогда рассказанную ей матерью, — девочка слышала ее уже раз десять за последние пять месяцев. — Был канун Рождества, — начала Микаэла, — трудно себе это представить, но мои родители поссорились. Об отце говорили, что одно время он был очень жестким человеком, и опять-таки, я знаю, в это очень трудно поверить, — добавила рассказчица в ответ на ожидаемый скептический взгляд девочки. — В ту ночь он сильно выпил и развлекал группу буйных солдат в огромном зале — как сказала мама, они кричали, били посуду, вели себя из рук вон плохо. В то время она носила меня под сердцем, и шум разбудил ее. Ну вот. Она решила, что по горло сыта весельем мужа, и пошла в зал — попросить его пожелать гостям спокойной ночи и выпроводить их из дома. Войдя в зал, мама увидела, что они загнали кроткого, смиренного монаха в угол возле очага и использовали его как цель, бросая в него кости, объедки и осколки посуды. Конечно, она немедленно освободила монаха, подбежав к нему и встав рядом, — за ее сострадание в нее тут же угодила наполовину обглоданная нога барашка — и строго потребовала, чтобы гости отца немедленно удалились. Она сказала гостям, что им должно быть стыдно обращаться подобным образом с Божьим человеком, и что если все они не будут вести себя прилично, то непременно попадут в ад, к Охотнику. Ну вот, моему отцу не понравилось, что ему приказывают в его собственном доме и угрожают тем, что он считал предрассудком и бабьей болтовней, и это его жена, — итак, он сказал моей матери, что если ей не нравится, как он развлекает гостей, то удалиться должна именно она.

Элизабет слушала затаив дыхание. Она кивнула, как бы говоря: «Продолжай, продолжай».

— Ну вот. На дворе стояла ночь. На ней был надет только пеньюар, и она лишь успела сунуть ноги в старенькие башмаки, чтобы появиться перед разошедшимися гостями и призвать их к порядку. Было очень холодно, снег снаружи завалил дверь, но она так рассердилась, что решила проучить отца и провести ночь в конюшне, где у пастушки было теплое, уютное гнездышко. Она попрощалась с отцом и ушла из дома. Не успела она Дойти до дороги, как услышала лай гончих и стук копыт. Глубоко веря в то, что Господь Бог защитит ее, мама не отступила, решив дойти до сути предания, которое так пугало всех в деревне. И вот всадники оказались рядом с ней, она не успела спрятаться.

Элизабет на мгновение закрыла глаза, потом в веселом возбуждении вновь посмотрела на Микаэлу.

— На следующее утро отец, хотя и почувствовал не- приятные последствия вчерашнего злоупотребления вином, отправился на поиски жены, не испытывая ни малейшего угрызения совести по поводу того, как обошелся с ней. Прежде всего он заглянул в конюшню, и хотя, по его собственным словам, он хватил накануне лишку, он знал, что это было единственное место, где мама и я будем в безопасности. Но пастушка сообщила, что не видела Агату с позавчерашнего дня и всю ночь не выходила из своей хижины, поскольку слышала лай гончих, даже укрывшись с головой, и боялась нечистого Охотника. Услышав это, отец: заволновался. Покинув пастушку, он начал думать, куда могла подеваться его беременная и

так часто причиняющая ему беспокойство супруга, пока не нашел посреди дороги ее башмаки. Отпечатки маминых ног вели к тому месту, где лежал башмак, а затем... просто исчезли.

Микаэла рассказывала эту историю много раз с тех пор, как поселилась в Торнфилд-Мэноре, и никогда не приукрашивала версию, услышанную от матери, но именно на этом месте история отклонялась от первоначальной версии. Микаэла рассказывала правду, но опускала ту часть, где, как уверяла Агата, ее поднял с земли и посадил впереди себя на лошадь грозный воитель Охотник, а затем поднял ее в воздух.

В конце концов, это была детская сказка. Не было нужды пугать девочку деталями, которые, по мнению Микаэ-лы, похоже, содержали своего рода извращенную мораль. В свое время девушка сама потеряла сон из-за этой ужасной истории, пока не повзрослела. Тогда она поняла, что правда, а что, вероятнее всего, вымысел.

— Говорят, отец и соседи пару дней напролет искали следы моей мамы. На третий день отец пошел в деревенскую церковь и упал на колени, моля Господа Бога вернуть ему жену и еще не рожденного ребенка; Он горячо молился, обещая принять любое наказание, если его мольба будет услышана. Да, именно так. И именно в этот момент мама вошла в церковь, почти до смерти напугав отца. Она была цела и невредима, только почему-то босиком. И она сказала ему: «Уолтер, ты никогда больше не должен сражаться. Ты обязан посвятить жизнь Богу и быть его верным слугой, иначе у меня заберут и тебя, и будущего ребенка как наказание за твои грехи». На лице Элизабет застыл вопрос.

— Он так и поступил. Отец отпустил из деревни воинов, повесил собственное оружие на стену нашего зала и с тех пор заботился только о счастье жены.

Не желая, чтобы Микаэла пропустила хотя бы слово из рассказа, Элизабет указала на лиф платья девушки.

— Да, и это, я чуть было не забыла. — Однако Микаэла не забыла, ей просто не хотелось повторять одно и то же. Но все же она достала из выреза платья цепочку с маленьким кусочком металла, напоминавшим часть запонки от мужской сорочки, и показала ее Элизабет. Металл почернел от времени, истончился и согнулся, но не сломался. Раньше Микаэла думала, не был ли этот кусочек, женом кольчуги, а еще ее интересовало, как он соединялся с другими звеньями, поскольку был целым и на нем не было видно следов пайки. Но она никогда не спрашивала об этом. — Это была единственная вещь, которую мама принесла с собой после трехдневного отсутствия. Она всегда держала ее при себе, а затем, когда родилась я, повесила ее мне на шею. Когда я стала достаточно взрослой, чтобы начать понимать, она заставила меня поклясться, что я никогда не сниму эту цепочку, иначе Охот-пик вернется за мной.

Элизабет указала на Микаэлу, затем согнула указательные пальчики по обе стороны головки.

Микаэла закатила глаза:

— Да, вот, как говорят селяне, это и делает меня дьяволом. Теперь ты довольна?

Девочка кивнула с лукавой улыбкой.

— Отлично. — Микаэла взяла маленькую бледную ручку Элизабет и поднесла к губам. — Ты думаешь, что я — дьявол?

Девочка покачала головой и высвободила руку. Она обвела пальчиком свою макушку, затем похлопала руками около плеч.

— Ангел? Я? О, осмелюсь сказать, что это правильный ответ.

Элизабет снова изобразила ангела, затем начала вращать руки широкими кругами, после чего вывалилась из кресла, изобразив на лице удивление.

— Ах ты, маленькая!.. — закричала Микаэла, упала на девочку и принялась ее щекотать.

Их игру прервало мужское покашливание, и обе поглядели вверх. Над ними, улыбаясь, стоял Алан Торнфилд.

Микаэла почувствовала себя крайне униженной, увидев, как леди Джульетта самодовольно ухмыляется рядом с ним.

— Должна сказать, вы были правы, лорд Торнфилд, — сладким голосом произнесла Джульетта. — Мисс Форчун весьма веселая няня для Элизабет.

Девочка быстро поднялась с пола и вылетела из зала, оставив Микаэлу одну, пока та пыталась встать на ноги, но никак не могла ухватиться рукой за подлокотник кресла.

— Она отнюдь не няня Элизабет, леди Джульетта, — сказал Алан, и Микаэле показалось, что в его тоне прозвучало осуждение леди Джульетты. — Они... подруги.

— Друзья. Ну конечно, — согласилась Джульетта. — Как повезло Элизабет, что ее отец нашел для нее столь щедрого... друга!

Микаэла так сильно прикусила язык, что почувствовала вкус крови во рту. Она скорее откусила бы его, только бы не сказать что-то неприятное в присутствии лорда Торнфилда. Однако леди Джульетта продолжила:

— Мне очень не хочется покидать такую занимательную компанию, — процедила она, — но у меня слишком длинный путь до моего собственного очага. Спокойной ночи, милорд. Надеюсь, мой визит дал вам достаточно информации.

— Да, вы меня, несомненно, просветили. Я свяжусь с вами в ближайшее время. Спокойной ночи, леди Джульетта.

— Мисс Форчун.

Микаэла прикусила язык, когда Джульетта быстрым шагом покинула комнату.

Остались только Микаэла и лорд Торнфилд. Пламя очага освещало его. Его волосы, усы и кожа, казалось, были отлиты из драгоценного металла, хотя выражение его лица казалось напряженным и озабоченным.

Лорд Торнфилд подставил Микаэле локоть, она взяла его под руку. Для Микаэлы началась ее любимая часть дня.

— Аминь, — тихо произнес Алан и поцеловал Элизабет в макушку. Микаэла приблизилась к этой дорогой ей паре и тоже поцеловала девочку.

— Счастливых тебе сновидений, любовь моя, — сказала она и подошла к другому краю постели Элизабет, укрывая ее стеганым одеялом.

Элизабет послала обоим воздушный поцелуй, когда Алан уносил подсвечник из комнаты, пропустив вперед Микаэлу и тихо прикрыв за собой дверь.

Она испытывала теплое чувство удовлетворения, когда шла рядом с Аланом по коридору к своей комнате, вдвое большей, чем в ее родном доме. Микаэле нравилось представлять себя хозяйкой в Торнфилд-Мэноре, думать, что Элизабет — ее дочь, а красавец лорд Алан — муж. Она тяжело вздохнула, остановившись возле двери своей комнаты, готовая с неохотой пожелать доброй ночи своему спутнику.

— Леди Микаэла, — сказал Алан, прежде чем девушка успела заговорить. — Не будете ли вы так любезны уделить мне несколько минут, прежде чем удалитесь? Мне нужно с вами поговорить.

— Разумеется, милорд, — откликнулась Микаэла, у нее в желудке все трепетало в

ожидании неотложной и важной новости, ради которой лорд Алан задержал ее после того, как его дочь легла спать.

— Это сугубо между нами. Не сочтете ли слишком неподобающим с моей стороны предложить вам поговорить в моей комнате?

Рука Микаэлы соскользнула с дверной ручки, и она врезалась — весьма сильно — в дверной косяк. Алан быстро подхватил девушку.

— С вами все в порядке?

— О да! — Она засмеялась. — Я... просто... У меня соскользнула рука, вот и все. — Она пожала плечами и почувствовала себя полной идиоткой. — Мы можем поговорить в любом месте, где пожелаете, милорд.

— Благодарю. Тогда пойдемте?

Микаэла последовала за ним дальше по коридору к его комнате и вошла внутрь, когда он широко распахнул перед ней дверь.

Любому, кто входил в это помещение, по внутреннему его убранству становилось ясно, что это покои лорда, — шторы цвета бургундского висели на большом окне, и того же цвета покрывало лежало на кровати, пара скамеечек, примостившихся возле маленького столика вдоль другой стены, была обтянута богатой тканью того же оттенка.

Вокруг стояло несколько безделушек, а великолепный бархат, казалось, источал запах кожи и мускуса. Но чуткий взгляд Микаэлы уловил немало признаков того, что здесь некогда обитала женщина — позолоченная щетка для волос на тумбочке, пара изысканно вышитых шлепанцев около разрисованного деревянного сундука, — и ее сердце дрогнуло от горько-сладкого чувства при виде этих предметов, которые бережно сохранил муж.

Ранее вечером слуги зажгли несколько канделябров, которые горели в ожидании, когда хозяин отойдет ко сну, и свечи потрескивали, храня свои собственные секреты.

— Пожалуйста, — пригласил лорд Алан, выдвигая для нее одну из скамеек и ставя подсвечник на маленький столик. — Простите, если я вел себя несколько... глупо. Леди не появлялись в этой комнате после...

— Я понимаю, — поспешила заверить его Микаэла, присаживаясь на скамеечку. К счастью, она без осложнений уместилась на обитом сиденье. — «Нет необходимости извиняться. Очаровательный, очаровательный человек...»

Лорд Алан присоединился к ней за столиком с мальчишеской улыбкой на лице.

— Вам известно, что леди Джульетта сегодня вечером нанесла мне визит.

— О, неужели мы должны сейчас говорить о леди Джульетте? — Этот крик-мольба вырвался у Микаэлы прежде, чем она смогла сдержать его. Лорд Алан чарующе улыбнулся. — Прошу меня извинить. Пожалуйста, продолжайте.

Казалось, Алан немного расслабился, затем вытащил из-за пояса кусок пергамента, который девушка видела раньше, и протянул ей.

Микаэла развернула послание. Нато, чтобы прочитать его до конца, у нее уйдет не менее часа.

Лорд Алан сжалился над ней.

— Суть предмета в том, что лорд Родерик Шербон, мой кузен, должен выполнить одно условие, чтобы полностью унаследовать поместье Шербон.

— Здесь говорится об этом? — спросила девушка.

— Нет, я сообщаю вам это строго конфиденциально, — пояснил Алан. — Помните, несколько месяцев назад я объявил, что есть вероятность того, что я смогу унаследовать

Шербон вместо него?

— О! — сказала Микаэла, у нее закружилась голова оттого, что Алан счел ее достойной узнать о его семейных делах.

— Условие состоит в том, что он должен жениться на леди благородного происхождения до достижения им тридцатилетия.

— О Боже! — выдохнула Микаэла, и хотя ее это несколько не волновало, ей хотелось показать лорду Алану, что все, что он сообщил, ее очень интересует.

— Вся проблема именно в этом послании, каждый это поймет, особенно после того, как здесь появилась леди Джульетта. Очевидно, мой некогда знаменитый кузен находит поиски невесты более сложным делом, чем ему это представлялось. Позвольте? — Алан взял у нее пергамент, развернул и пробежал глазами текст: — «Объявляем сегодня о том...» Да-да, вот! «Любая незамужняя леди из хорошей, титулованной семьи, желающая выйти замуж, должна немедленно прибыть в замок Шербон. Если лорд Родерик Шербон сочтет эту девушку достойной за период не более трех месяцев и они смогут прийти к взаимному соглашению относительно их брака, то после свадьбы ей будет дарована пятая часть всех земель, чтобы использовать ее по собственному усмотрению. По прибытии, пожалуйста, обращайтесь к сэру Хью Гилберту.

Микаэла округлила глаза.

— Это действительно весьма странно, — осторожно заметила она.

— Неужели вы не понимаете? — спросил Алан, подавшись всем телом вперед. У Микаэлы перехватило дыхание от его близости. — Теперь никто не выйдет за него замуж — он чудовище! Он пытается подкупом получить наследство!

— Чудовище?

— Чудовище, — повторил Алан. — Он украдкой бродит ночами по замку, опираясь на трость, в длинном черном плаще, и пряча лицо. Он отпугнул всех женщин, прибывших на смотрины после его возвращения в Шербон. Это послание лишь доказывает, как близок он к тому, чтобы потерять наследство.

— Понятно, — сказала Микаэла, хотя ничего не поняла. — А какое отношение это имеет ко мне?

— Ваши родители не единственные арендаторы, которые не в состоянии платить налоги, Микаэла, — сказал Алан, криво усмехнувшись, и сердце девушки на минуту замерло, когда он обратился к ней по имени. — Если я не унаследую Шербон, Родерик потребует налоги с меня, и я не смогу ему заплатить. Ваши родители утратят свою усадьбу и землю, а мы с Элизабет потеряем вас.

— О Господи! — воскликнула Микаэла. — О нет! Я не могу... — Она остановилась и вздохнула. — Что же нам делать? Вы просто обязаны все унаследовать.

— Знаю. И мне пришла в голову идея, которая позволит вам остаться с нами навсегда, если вы того пожелаете.

— О да! Конечно, я этого желаю! Говорите, милорд.

— Я уже начал осуществлять план по грандиозному празднеству в Торнфилд-Мэноре в этом месяце, и после этого вечера, невзирая на то, повезет-ли моему кузену в поисках невесты или нет, мы будем спасены. — Он замолчал на мгновение. — Вы доверяете мне, Микаэла?

— Да, — прошептала она.

Алан наклонился к ней через стол еще ближе:

— Элизабет не должна потерять вас. Я не могу потерять вас. Вы хотите остаться с нами, да? Правда?

— Ну конечно, конечно. Именно этого я желаю всем сердцем.

Его губы были в дюйме от ее губ.

— И я тоже.

В этот момент столик опрокинулся набок, Микаэла и Алан, так и не поцеловавшись, оказались на полу, горящая свеча упала на ковер.

Алан вскрикнул, вскочил на ноги и затоптал пламя.

Микаэле хотелось умереть, прямо здесь, на ковре.

Смеясь, Алан помог ей подняться.

— Ах да. Главное — не совершить ничего предосудительного, вы согласны?

— Ха-ха! Да, — согласилась Микаэла. — Нет! — кричала она про себя. — Нет, нет, нет. Давайте дадим волю чувствам, позабудем обо всем на свете. Пожалуйста!»

Но Алан уже вел ее к двери.

— Проводить вас до вашей комнаты? — вежливо спросил он.

— В этом нет необходимости, — ответила Микаэла, стараясь не смотреть на кровать в дальнем конце комнаты. — Я знаю дорогу.

— Разумеется, знаете. — Алан улыбнулся. Помедлив, он взял ее за руку, затем нагнулся, чтобы прижать губы — теплые мягкие губы! — к ее щеке. — Спокойной ночи, Микаэла, и приятных сновидений.

Девушка вприпрыжку побежала по коридору к своей комнате.

Но это не считалось, так как никто этого не видел.

— Я не поеду, Хью.

— О, Рик, брось! — Хью Гилберт плюхнулся в кресло в покоях Родерика. — С момента нашего приезда в Шербон мы ни разу не покидали его. Я чертовски соскучился. И если я хоть немного не развлекусь, то начну выковыривать собственные глаза из орбит ради разнообразия.

— Мне что, поднести тебе ложку?

— Что-то мы сегодня развеселились. — Хью выбрался из кресла и приблизился к Родерику, который весьма неловко и неудобно вытянулся на полу. Хью опустил на одно колено и прижал левое плечо товарища к полу, в то же время поворачивая его бедро вправо, придавая ему дополнительный вес. — Расслабь плечи.

— Я расслабил, — проворчал Родерик, мускулы на спине ощущались так, словно вдоль его позвоночника чеканили металл.

— Тогда попытайся расслабиться еще немного. Хорошо. Теперь другую сторону. — Он помог Родерику устроиться поудобнее. — Между прочим, в приглашении сказано, что пир устроен, в частности, для того, чтобы отпраздновать твое возвращение. Почетному гостю не пристало уклоняться от такого визита.

— Уверен, что Алан Торнфилд предпочел бы увидеть меня мертвым на каком-нибудь грязном поле, особенно теперь, когда у него появился шанс выиграть Шербон. Пир в мою честь — чушь собачья.

— Ну что ж, неужели тебе не хочется узнать, на что он в действительности надеется? Теперь вставай, поработаем над балансом.

— Не хочу. — Родерик с трудом поднялся, оттолкнув руку Хью, балансируя на здоровой ноге. Хью протянул Родерику меч, чтобы тот держал его в левой руке. Родерик минуту опирался на него, чтобы сохранить равновесие, — Меня совершенно не интересует, на какой схеме остановился Алан. Он не получит Шербон.

— Вполне сможет, если ты не перестанешь отпугивать всех достойных леди, которые входят в двери нашего замка, — запальчиво произнес Хью, — Ну ладно, готовь меч. — Родерик медленно поднял конец меча с пола, пока тот не стал перпендикулярным его телу. — Хорошо, хорошо, Рик, устойчивее. Говоря по чести, можно подумать, что ты вовсе не пытаешься произвести на женщину хорошее впечатление. А ведь это совсем не трудно. Бедные создания! Ласковое слово, улыбка. Почему ты всегда слоняешься по двору, словно рычащий великан-людоед?

Родерик покачнулся, уперся концом меча в пол, чтобы вновь обрести равновесие, и мрачно взглянул на Хью:

— А как ты хочешь, чтобы я двигался, Хью? Может, прикажешь мне танцевать?

— Это было бы очень занятно.

— Заткнись.

— Это ты заткнись. Еще раз с мечом на этой стороне. — Хью приготовил руки, чтобы поймать Родерика, если тот начнет падать. — Ты не умрешь, если проявишь доброту и сердечность.

— Я пытался быть сердечным, или ты забыл? — Правая рука с мечом упала и снова

поднялась, медленно, но гораздо увереннее, чем несколько месяцев назад. Родерика охватила внезапная тоска от горьких воспоминаний о том, как он размахивал этим куском металла, словно полый бамбуковой палкой. — Все мои усилия были напрасны.

— Твои улыбки были сплошными гримасами, а темы для разговоров — мрачно-жутковатые. Ты кричишь на слуг днем и ночью. Это буквально выводит из себя.

— Кого? Тебя?

— Разумеется, нет. Я привык к этому. Теперь давай наденем сапоги и размеренно походим.

Родерик опустил конец тяжелого оружия и запрыгал назад, чтобы сесть в кресло, стоявшее позади него, ожидая, когда Хью принесет сапоги.

— Тогда та, которая выйдет за меня замуж, тоже привыкнет к этому. — Он прислонил меч к креслу и начал ежедневную борьбу с обувью.

— Уже никого не осталось, кому пришлось бы привыкать! — сорвался на крик Хью, затем снова опустился на одно колено и в сердцах вздохнул. — Давай я помогу тебе с сапогами.

— Нет. — Родерик отстранил руки Хью. — Я сам могу их обуть.

— Я никогда не говорил, что ты не можешь, — возразил Хью. Он наблюдал, как Родерик борется с левым сапогом. — До твоего тридцатилетия, — он замолчал, считая на пальцах, — сто девяносто два дня, Рик. Что мы будем делать, если ты не женишься?

Ответа не последовало, Родерик лишь крякнул, когда левый сапог наконец поднялся по ноге вплоть до колена.

— Отлично. Давай забудем про все это время в Англии, — решительно заявил Хью. — К черту Магнуса! К черту Алана Торнфилда! Ко всем чертям Шербон! Между тобой и этой землей нет взаимной любви. Мне не остается ничего, на что я могу претендовать, кроме долгов. Вместе мы можем вернуться в Константинополь и восстановить нашу армию: благодаря твоей храбрости твое имя — настоящая легенда. Мы можем вернуть наше богатство на наших условиях. Там мы можем быть принцами и королями! Не знаю, как ты, но я всегда воображал себя членом королевской семьи.

Дерзкие заявления Хью повисли в воздухе, пока Родерик изучал пол между своими сапогами. Когда от Родерика не последовало ответа, его друг продолжил:

— Здесь нас ожидает в лучшем случае твой несчастливый брак с какой-нибудь отвергнутой всеми старой девой с лошадиным лицом. В худшем случае ты вообще не женишься и нас двоих, так же как и Лео, выбросят отсюда к чертям собачьим. Что с ним тогда будет, Рик? Если ты женишься, он по крайней мере получит наследство. Ты же не хочешь, чтобы он превратился в маленького попрошайку?

— Я этого не допущу, Хью.

— Тогда хотя бы сходи на празднество в Торнфилд-Мэ-нор сегодня. — Посмотри, как настроен Алан. И если сумеешь проявить хотя бы чуточку обаяния, возможно, найдешь себе невесту в окружении, — он помахал рукой, указывая на мрачную и темную спальню, — отнюдь не столь ужасном.

Некоторое время Родерик обдумывал предложение друга, затем покачал головой. Если его должны рассматривать, пусть это происходит в его собственном доме, где он может скрыться, если пожелает.

— Нет, я не передумаю. Но...

— Рик!

— Пойди вместо меня ты, Хью, — предложил Родерик. — Передай мои сожаления кузену и разузнай все, что сможешь.

Хью ушам своим не поверил.

— Ты серьезно, Рик? Хочешь, чтобы я пошел туда?

— Да. Очень хочу, хотя бы ради того, чтобы передохнуть от твоего бесконечного нытья и физических пыток, которые ты причиняешь мне.

Хью расплылся в улыбке, и Родерик на мгновение испытал чувство вины, осознав, что в последнее время Хью редко улыбался, ограничиваясь саркастическими усмешками для всех, кроме Лео.

— Потрясающе! — воскликнул Хью и вскочил на ноги. — Блестящая идея, Рик! Я немедленно отправляюсь туда и вернусь завтра. — В голове Хью вертелись мысли, которые он выражал вслух, не ожидая ответа: — Я оденусь в зеленое — нет, в голубое. Надену красный плащ, сапоги. Или желто-коричневый?..

— Уверен, ты будешь выглядеть отменно в любом костюме. Теперь отправляйся, — проворчал Родерик.

— А что ты сказал о физических пытках? Мы еще не кончили наши упражнения, — нахмурился Хью.

— Если мы продолжим, у тебя не останется времени, чтобы собраться. Уверен, тебе захочется принять ванну.

— Клянусь Богом — ты прав! От меня пахнет, как от стада козлов. — Хью повернулся к двери, затем вновь к Родерику. — Но Лео...

— Пришли его ко мне перед тем, как уедешь. Уверен, один вечер мы выдержим друг друга.

Даже в водовороте предвкушений Хью на минуту успокоился.

— Он будет очень рад этому, Рик. Родерик, не глядя на друга, махнул ему рукой.

— Я немедленно пришлю его. — Молчание. — Ты уверен, что сможешь...

— Я не совсем беспомощный, Хью.

— Разумеется, нет, — согласился Хью. Родерик на мгновение испытал горькое унижение из-за его успокаивающего тона. — Я никогда, никогда не думал так о тебе — да и как я мог? — Не получив ответа, Хью вздохнул. — Увидимся завтра, Рик, — надеюсь, мне удастся собрать достаточно сплетен.

Микаэла тащила Элизабет по коридору, находившемуся за кухней. Обе закрывали ладонями рот, чтобы подавить смех — точнее, смех Микаэлы. Из-под ладошки Элизабет не раздавалось никаких веселых звуков, хотя рот был растянут в улыбке, а глаза сверкали. Они остановились позади набора высоких деревянных полок прямо перед входом в шумную, полную пара и всевозможных ароматов кухню.

Элизабет повернулась к подружке, прижав палец к губам, затем потянула себя за ухо и указала на дверь.

—.. чтобы подать этот торт, понадобится человек шесть, не меньше. Боже милостивый, никогда не видела подобного размаха! Подумать только, сколько припасов выброшено на эту пустую...

— Ах! Слава Богу, что лорд счастлив. Рада за него. Ура, да здравствуют лорд и его новая невеста!

Элизабет сжала руку стоявшей рядом Микаэлы. Та повернулась к девочке и увидела, как ее ротик сложился в удивленное «О». Элизабет обняла Микаэлу за талию, и они продолжили

прислушиваться к разговору на кухне.

— Вот уж действительно «ура»! Это просто скандал, вот что это такое. Не понимаю, как он решился жениться на ней, в тот же вечер, без времени на помолвку! На ней!

— Они достаточно давно знакомы — так что зачем откладывать, когда сегодня все соберутся, чтобы стать свидетелями этого события? Ведь леди Элизабет так нужна мать.

— Совсем не такая, осмелюсь сказать. Будущая леди — отвратительнейшее существо.

Элизабет сделала попытку оторваться от Микаэлы и ворваться в кухню, но девушке удалось удержать ее.

— Не важно, что они говорят, Элизабет, — с улыбкой прошептала она. — Не все ли равно, что они думают? Единственное, что имеет значение, — это что мои предположения оказались правильными — и теперь мы сможем быть вместе, как настоящая семья, навсегда.

Сердитая морщинка на личике Элизабет расправилась и сменилась очаровательной улыбкой. На этот раз она осторожно отошла от подруги и, взявшись пальчиками за юбку, принялась кружиться, на минуту закрыв глаза, словно в экстазе.

— Ты такая красивая, — прошептала Микаэла. — Словно принцесса. — Это была чистая правда.

Микаэла была вдвойне рада, что сшила себе новый туалет. После того как леди Джульетта испортила ее единственное выходное платье, а очаровательный приз, который она выиграла, был прислан ей в обрезках, Микаэла использовала все свое воображение и мастерство и соединила их оба. Ее розовая атласная юбка была расшита широкими полосами темно-зеленого бархата, которые стратегически ровно скрывали пятна от десерта. Цвета чередовались, как на майском дереве, и Микаэла должна была признать, что эффект оказался поразительным. Из кусков зеленого лифа она сшила короткий, отделанный кружевом, жилет и надела его поверх собственного розового платья с длинными, широкими розовыми рукавами.

Впервые в жизни Микаэла благодарила семью за то, что та была слишком бедна и не могла обзавестись постоянной швеей.

Микаэла надеялась, что леди Джульетту тоже пригласят на праздник, чтобы она увидела, как изобретательно было использовано платье, которое она изрезала, чтобы обмануть Микаэлу и лишить ее выигрыша.

Оно будет ее свадебным платьем.

Элизабет перестала кружиться и приблизилась к Микаэле. Она приложила ладошку к своему сердцу, затем вытянула руку и коснулась груди подруги.

По ее глазам Микаэла видела все, что чувствовала девочка.

— Я тоже люблю тебя, Элизабет, — шептала она, голос ее дрогнул. Затем до нее донеслись отдаленные звуки струн, она вытерла слезы и просияла улыбкой. — Пойдем поскорее в зал — прибыли музыканты и я. Не хочу пропустить ни минуты сегодняшнего праздника.

Микаэла твердо знала, что это будет величайший вечер в ее жизни.

Трапеза тянулась, казалось, целую вечность, но Микаэла ничего не имела против. Ей было радостно сидеть за столом между Элизабет и Аланом, и' поток гостей, вливающийся в зал Торнфилд-Мэнора, бросал восхищенные взгляды на эту троицу.

Сердце Микаэлы станцевало злобный и горделивый танец при виде леди Джульетты Оспри, сидевшей за одним из передних столов. Микаэла сделала все, чтобы злобная женщина заметила ее. Та, к ее величайшему изумлению, вернула приветственные жесты и

даже добавила восторженный взгляд на платье Микаэлы.

«Естественно, теперь она будет любезна со мной, — размышляла Микаэла. — Я буду находиться в лучшем положении, в положении хозяйки. Скоро она станет лишь гостьей в моем доме».

И именно в этот момент Микаэла решила простить леди Джульетте все ее мелкие пакости и почувствовала, как бремя, которое она несла, сама того не осознавая, упало с ее плеч.

Агата Форчун была права: прощение — лучший бальзам для души.

И, словно чтобы подтвердить это изречение, взгляд Микаэлы обратился к тому месту, где сидели ее родители, а именно за столом для самых знатных гостей — рядом с леди Джульеттой. У Микаэлы не было времени поговорить с матерью или отцом, но она несколько раз помахала им в знак приветствия и даже незаметно послала отцу воздушный поцелуй.

Родители, как обычно, выглядели очень счастливыми, словно у них не было никаких забот.

Звон уносимых тарелок соперничал со звуками музыки, но вскоре был перекрыт ахами и охами гостей. С левой стороны зала двое рослых молодых слуг внесли огромный поднос с самым гигантским тортом, когда-либо подаваемым за пределами Лондона. Элизабет вскочила на ноги, чтобы посмотреть сверху вниз на этот шедевр, когда он был медленно и осторожно водружен на уже расчищенный стол на помосте лорда.

Низкий, но широкий торт был выполнен в виде боевого щита, покрытого узором из лесных орехов, воспроизводящим герб Шербона, и украшенного изящными побегами молодого папоротника и осенними листьями. Букеты перьев и лент размещались по углам, создавая впечатление фантастических фонтанов.

Когда торт наконец был установлен на столе, слуги отступили, Алан встал и гости разразились аплодисментами. Алан дал им возможность выразить свой восторг в течение нескольких секунд, улыбаясь и кивая головой, пока осматривал полные ожидания и любопытства лица. Затем поднял обе руки, призывая к тишине.

— Добрый вечер, друзья мои. Благодарю вас за то, что сегодня вы приехали в Торнфилд-Мэнор. С легким и радостным сердцем я и моя семья, — он сделал жест рукой в сторону Элизабет и Микаэлы — и сердце девушки подпрыгнуло в груди, — приветствуем вас в нашем доме по случаю торжественного и счастливого события.

Под столом рука Элизабет дотянулась до руки Микаэлы и крепко сжала ее, на что та ответила пожатием.

— Разумеется, я от имени всех присутствующих выражаю сожаление, что наш сеньор, лорд Родерик Шербон, не смог появиться здесь из-за личных дел, требующих его внимания. Мне бы очень хотелось, чтобы он был с нами.

«Определенно, он святой, — думала Микаэла, — произносить такие любезные слова о Шербонском дьяволе. Мой будущий муж — славный, славный человек».

— Но я готов сердечно приветствовать его ближайшего соратника сэра Хью Гилберта, который тоже вернулся из Святой земли. — Алан захлопал, а следом и все гости, когда темноволосый высокий человек поднялся из-за стола, где сидели также леди Джульетта и родители Микаэлы.

С выгодного положения на помосте Микаэле хорошо было видно, какое оживление вызвал сэр Хью Гилберт среди женской части гостей. Микаэла сама удивилась красоте

мужчины, его одежда была превосходна — дорогая и хорошего качества. Черные волосы были коротко подстрижены, он носил очень короткую бородку — точнее, немногим более, чем темную тень. Со своего места Микаэла видела, как темные ресницы окаймляли его глаза. Сидевшие ниже ее помоста женщины вытягивали шеи, чтобы лучше разглядеть незнакомца, затем, сблизив головы, принялись оживленно обмениваться впечатлениями.

Сэр Хью, казалось, чувствовал проявленное к нему внимание, потому что когда заговорил, его глаза покинули фигуру Алана и заскользили по чуткой толпе, словно он был менестрелем, готовым продекламировать драматические поэмы перед жадно внимающей аудиторией.

— Мой дорогой лорд Торнфилд, лорд Шербон повелел мне выразить его глубочайшее и самое искреннее сожаление по поводу того, что он не смог лично ответить на ваше любезное приглашение присутствовать на вашем пиру вместе с вашими гостями. После смерти отца у лорда Шербона дел не впрокорот. Но если вам потребуется его помощь, он готов ее оказать. — Этот красноречивый красивый мужчина поклонился в сторону Алана: — Лорд Торнфилд, приношу вам личную благодарность за ваше теплое гостеприимство. — Он сел.

Микаэла увидела, что на лице Алана появилось несколько озадаченное выражение.

— Сэр Хью, не будете ли вы так любезны сказать мне: лорд Шербон, он не... болен?

Хью снова поднялся на ноги.

— Вовсе нет, лорд Торнфилд. Он — воплощение здоровья. — Он приготовился сесть.

— Простите меня, но я — все мы — слышал, что он был серьезно ранен в Святой земле. Я думал, что, может быть, его раны...

Хью выпрямился и пригвоздил Алана, по мнению Микаэлы, безмерно высокомерным взглядом.

— Смею уверить вас, что полученные лордом Шербоном раны никоим образом не мешают ему править. Но я непременно сообщу ему, что вы любезно интересовались его здоровьем. Уверен, он будет тронут вашей... заботой. — Сэр Хью снова сел.

Микаэла не могла не почувствовать себя слегка задетой — словно каким-то, почти незаметным образом этот сэр Хью Гилберт умудрился проучить Алана в его собственном зале на его собственном празднике.

Девушка решила, что как ни красив этот мужчина, он ей совсем не нравится.

Алан откашлялся.

— Отлично. Благодарю вас, сэр Хью. — Он обратил взгляд на гостей. — А теперь о главной цели нашей встречи.

Все мысли о помпезном рыцаре выветрились из головы Микаэлы, а в животе у нее все сжалось. Она встретила глазами с матерью и заморгала. Агата послала ей добрую, но довольно смущенную улыбку.

— Как вам всем известно, мы с дочерью жили одни после трагической и преждевременной смерти моей жены.

Торнфилд-Мэнор был лишен женской руки, а моей дочери не хватало материнской ласки. Я намерен сегодня исправить это положение. Существует обычай собирать всех друзей для объявления помолвки, и в этом я не разочарую вас, за исключением того, что период помолвки для меня и моей новой невесты будет самым коротким в истории. Брат Коуп? — Облаченный в сутану человек, хорошо знакомый Микаэле, материализовался из тени, падающей от стены, и приблизился к великолепному шербонскому торту. Собравшиеся ахнули. — Итак, — Алан гордо улыбнулся, — сейчас я не только объявляю вам о своем

намерении жениться, но и считаю вас моими свидетелями.

Микаэла готова была вскочить на ноги в предвкушении объявления, которое собирался сделать Алан, и с нетерпением ждала его следующих слов.

— С огромной гордостью представляю вам всем следующую леди Торнфилд — леди Джульетту Оспри.

Микаэле показалось, что она ослышалась или неправильно поняла Алана из-за бури аплодисментов, которые потрясли зал. Но хриплый звук слева от нее, такой тихий и сжатый, что не мог быть услышанным в шуме, прорвался сквозь рев одобрения со стороны гостей, как и крик в голове Микаэлы. Словно во сне, она медленно повернула голову и увидела, как Элизабет нырнула под стол и подбежала к отцу. По ее бледному личику текли слезы.

— Па... — хриплым толом произнесла она. — Па-па, нет! Ты назвал... неверное имя. Микаэла сказала... что ты женишься на ней!

Леди Джульетта поднялась со своего места и улыбнулась девочке:

— Ну-ну, дорогая, твой папа женится не на мисс Фор-чун. Мы с тобой прекрасны поладим.

Алан упал на колени перед дочерью и обнял ее за плечи. Микаэла смотрела на его широко распахнутые, полные слез глаза, словно все еще находясь в призрачном сне, который быстро превращался в кошмар.

— Элизабет, ты заговорила! Моя дорогая девочка, я... Элизабет вырвалась из его объятий.

— Скажи, что это неправда, папа. Ведь ты любишь Микаэлу.

Алан судорожно сглотнул и посмотрел на Микаэлу.

— Я женюсь на леди Джульетте, любовь моя. Но леди Микаэла будет...

— Нет! — вскричала Элизабет и бросилась вон из зала. Микаэла хотела последовать за ней, однако ноги не слушались ее. Алан не сводил с нее глаз. В зале наступила гробовая тишина.

Затем громкий стук каблуков заставил обоих, и Микаэлу, и Алана, обернуться. Леди Джульетта стояла перед столом со слегка сдвинутыми бровями.

— Милорд, вы намерены отложить церемонию? — спокойно спросила она. — Мне бы не хотелось...

— Нет, — прервал ее Алан. Бросив умоляющий взгляд на Микаэлу, он присоединился к леди Джульетте и монаху.

И когда добрый брат Коуп откашлялся и начал свою речь, когда Алан взял леди Джульетту за руку, отвернувшись от Микаэлы, сидевшей в одиночестве за столом лорда, сердце девушки разбилось на сотни тысяч мелких кусочков.

Микаэла оставалась в постели два последующих дня, не вставая, чтобы поесть или умыться, и ограничивалась лаконичными ответами родителям, часто навещавшим ее.

Того, что она лежала в постели, в которую, как она думала, никогда больше не вернется, было достаточно, чтобы она впала в глубокую депрессию. Микаэла заново переживала все события праздника в последний день ее пребывания в Торнфилд-Мэноре, они казались ей кошмарным сном.

Микаэла покинула Торнфилд-Мэнор в тот же вечер вместе со своими родителями, даже не упаковав несколько вещей и не попрощавшись с Элизабет. Она корила себя за трусость и предательство, но ей была нанесена слишком тяжелая рана, и она чувствовала себя оскорбленной и подавленной.

Тихий стук в дверь заставил Микаэлу глубже зарыться в подушку и натянуть на голову одеяло. Возможно, если она инсценирует сон, кто бы ни стучал, попросту уйдет.

— Микаэла? — На этот раз это был ее отец, она услышала скрип половиц, когда он вошел в комнату, и скрип закрывающейся двери. — Ты не спишь?

Микаэла не ответила, крепко зажмурясь под одеялом, молясь, чтобы отец оставил ее в покое.

Но она почувствовала, как прогнулся матрас, когда Уолтер присел к ней на кровать.

— Мама очень беспокоится о тебе, дитя мое, — произнес он едва слышно. — Может, придешь поесть, чтобы она не думала, что ты решила умереть с голоду?

— Мне очень хотелось бы умереть, — с горечью ответила Микаэла. Ей вообще не хотелось говорить, слова вырывались сами собой. Она осознавала, что прозвучало это слишком по-детски.

Рука отца грела ее икру сквозь тонкое одеяло.

— Ах, Микаэла! — Он вздохнул. — Я понимаю, как тебе больно, и всем сердцем переживаю за тебя. Но прятаться в своей комнате — это не выход.

— Знаю, папа, но мне не хочется никого видеть.

— Разве тебе есть чего стыдиться? — спросил Уолтер. — Ты не сделала ничего плохого.

— А с кем я собиралась стать?.. — Микаэла сдернула с головы одеяло и взглянула на отца — сидящего, дородного, с добрым лицом. — Я сказала Элизабет, что ее отец собирается жениться на мне, что у нее будет настоящая семья. И она поверила мне. Я выставила себя на посмешище перед целым светом. «Бедняжка мисс Форчун, представьте, она вообразила, будто такой красавец, как лорд Алан, возьмет ее в жены!» Это ужасно, что все говорят о нас. Я не смогу больше показаться на людях.

— Чепуха, — усмехнулся Уолтер. — Ты ничего никому не говорила о своих подозрениях, кроме Элизабет, и то, что она высказала во время пира, все скорее всего приняли за невинное предположение юного встревоженного создания.

— О, папа, — вздохнула Микаэла. — Ты не понимаешь.

Уолтер улыбнулся ей:

— Я понимаю больше, чем ты думаешь. Я хорошо знаю, каково это, когда злые языки порочат тебя и твою семью. Думаешь, у меня нет ушей или я слабоумный?

— Разумеется, нет, — поспешила заверить его Микаэла. — Но тебя это, казалось,

никогда не беспокоило. Я же...

— Такое тяжело пережить, я знаю. Но, дочка, — в тоне его звучала мольба, — люди не всегда были обо мне и твоей матери такого мнения, как сейчас. Вообще-то ко мне всегда относились пренебрежительно, но по другой причине. Некогда твою мать высоко ценили и уважали в графстве.

Микаэла была заинтригована. Отец никогда не вспоминал прошлое. Вряд ли его воспоминания помогут ей в ее нынешнем положении, но ей хотелось, чтобы отец продолжал рассказывать.

Она села в постели.

— Расскажи мне об этом.

Уолтер кивнул:

— Я не смакую все это, ну да ладно. Может быть, это позволит тебе в какой-то мере понять наше нынешнее положение и то, как мы оказались здесь. Возможно, ты почувствуешь облегчение. Когда мы с твоей мамой поженились, я был вассалом короля.

Микаэла удивленно вскинула брови.

— Да-да. Я был одним из любимых лордов Вильгельма Завоевателя, он хорошо ко мне относился. Ни перед кем — даже перед Богом — я не преклонял колена. За мою верность мне были дарованы земли на севере Англии, но прежде, чем я успел устроить там дом, меня послали в Шербоншир, чтобы помочь Магнусу Шербону установить контроль над его земельными владениями в интересах короля.

— Ты был заодно с Шербонским дьяволом? — охнула Микаэла.

— Именно так, хотя тут нечем гордиться. Родители твоей матери были вассалами Магнуса Шербона, и стоило мне увидеть ее милое лицо, услышать ее речь, как я в нее влюбился. Агата была благочестивой девушкой, но при этом обладала живым умом, острым язычком и жизнерадостностью. Она была очаровательна. Буквально ослепительна. Нетрудно было уговорить ее отца отдать ее мне — любимому воину короля, человеку, которому суждено было достичь величия, хотя меня считали жестоким и кровожадным.

Микаэла не сдержала смех.

— Тебя, папа?

— Да, меня, Микаэла. Помогая Магнусу Шербону, я отправил много людей в могилу тем самым мечом, который висит в нашем холле. Я был безжалостен в своих амбициях стать самым могущественным лордом за пределами королевского двора. Более знатным, чем человек, которому я помогал, — Магнус Шербон. Я хорошо помню клятву, данную мной королю: «Каждый день минус человек, пока эти земли не подчинятся вашему владычеству». Уолтер опустил глаза, словно стыдился этих воспоминаний.

— И я сдержал свое слово. Никаких судов. Заявления о невиновности, мольбы о помиловании встречались мечом и заканчивались пролитой кровью. Когда Шербон наконец обрел нелегкий и полный страхов мир, я знал, что моя слава — не за горами. Я должен был провести зиму вместе с твоей матерью, здесь, в этом доме, где мы сейчас живем, и встретить тут весну. Вильгельм даровал мне разрешение построить на моей земле в северном графстве огромный замок. Мама носила тебя тогда, и после твоего рождения, убедившись, что ты будешь жить, мы отправились в долгий путь к нашему новому дому.

— Но мы никуда не уехали.

— Нет, не уехали. — Уолтер вздохнул. — Когда твоя мать исчезла в ту зиму, впервые за свою эгоистичную жизнь я почувствовал страх за другое человеческое существо. Я чуть не

сошел с ума от беспокойства и думал лишь об этом, чтобы увидеть ее живой и невредимой. Прошло два дня, прежде чем я осознал, что мне надлежит сделать, и когда осуществил это, тебя вернули мне. Я принес клятву и буду верен ей и впредь.

Микаэла кое-что знала об этой части истории — когда Уолтер опустился на колени в деревенской церкви и молил Бога вернуть ему жену. Но до сих пор Микаэла не понимала, как это связано с ее собственными проблемами.

— Время моего пребывания в Шербоне окончилось, и с наступлением весны мы отправились в путь — мы втроем и мои доверенные люди. Во второй день нашего путешествия меня вызвали ко двору. Мне приказали усмирить мелкое восстание, случившееся по дороге к нашим землям. Но я отказался. Сказал, что никогда больше не буду сражаться.

— И что случилось, папа?

— Что ж, король сделал то, что сделал бы любой здравомыслящий правитель, столкнувшись с вассалом, имеющим ценную земельную собственность и права, дарованные им самим, но не желающим, сражаться. — Уолтер поднял глаза на дочь. — Он лишил меня моих земель, а также привилегий. Отправил обратно в Шербоншир, выделив мне маленький земельный участок.

— Но ведь это несправедливо, — сказала Микаэла.

— Напротив, король проявил щедрость — возразил Уолтер. — Он мог бы убить меня, дорогая, за то, что я отказал ему после всех милостей, которыми он меня осыпал. В наказание я должен был провести остаток дней на землях Шербонского дьявола. Но это оказалось также и твоим, и маминым наказанием, что ранило меня еще глубже. Над Агатой посмеивались, тебя сторонились. Я все еще расплачиваюсь за свою жестокость. Но знаю правду, и поэтому спокоен. Вот что тебе нужно принять как неизбежное, дочка, — закончил Уолтер свою потрясающую историю. — Принять свою собственную правду. Пусть это будет глубоко в тебе, что то, что считаешь правильным, справедливым и добрым. Ты сама правильная, справедливая и добрая. Ангелы оберегают тебя — я в это верю. Ты еще найдешь свое место в этой жизни, Микаэла.

Она не чувствовала себя более просвещенной печальным рассказом отца о потерях и унижениях. Скорее, она была задета, и что-то явно беспокоило ее.

— Но, папа, неужели Магнус Шербон не захотел помочь тебе в твоём плачевном положении после того, как ты помог ему сохранить его собственные земли?

Уолтер фыркнул:

— О нет! Магнус был рад, что я низвергнут. Хотя он слышал, что я отказался воевать, у него в уме постоянно крутилась мысль, что однажды я вновь возьмусь за меч.

Обладай я большим наделом земли, мог бы восстать против него и захватить его владения.

— Неужели это правда?

— Правда. Я мог разделаться с Магнусом Шербоном в течение недели.

Микаэла была поражена. И немного обеспокоена тем, что отец приговорил их к бедности и унижительному положению. Ведь Господь не хотел, чтобы они так страдали?

— В один прекрасный день, Микаэла, ты выйдешь замуж, — продолжил Уолтер. — И когда это случится, уедешь отсюда и начнешь новую жизнь. Жизнь, которую ты вела в Торнфилд-Мэноре, не была твоей — ты просто заимствовала ее. Ты забудешь про свои чувства к лорду Алану.

— Как бы мне этого хотелось! — вздохнула Микаэла. Хотя она могла бы поклясться, что ненавидит Алана Торнфилда, она отчаянно скучала по нему и ненавидела себя за это. И Элизабет... Ее жгло желание отплатить Алану за то, что он разбил ее мечты и оторвал от милой Элизабет. — Я ненавижу его, папа. Он лжец, он обманул меня.

— Неужели?

Ей не хотелось встречаться с его пытливым взглядом, и она обрадовалась, когда в дверь снова постучали и в комнату вошла Агата с плетеной корзиной в руках.

— О, Микаэла! — Агата поставила корзину на тумбочку рядом с кроватью и сжала руки дочери. — Наконец-то ты выбралась из своей норки!

— Только на мгновение, мама, — сказала Микаэла, когда Агата обняла ее. — Мне все еще предстоит решить, что делать.

— Конечно, конечно. И пока ты решаешь, просмотри свои вещи из Торнфилд-Мэнора. Их прислали сегодня утром с запиской от леди Джульетты. Как это мило со стороны миледи! — Агата помахала рукой в сторону корзины.

Микаэла застонала, рухнула на постель и натянула на голову одеяло. Ей не хотелось видеть ни одной вещи, к которой она прикасалась в Торнфилд-Мэноре. Достаточно того, что сейчас в углу комнаты валялось свернутое розово-зеленое платье, которое она буквально возненавидела.

Голос матери поддразнивал ее сквозь одеяло:

— О, здесь твои ночные рубашки, пара передников и — что это? — Микаэла услышала треск пергамента. — О Боже, это похоже на королевский указ, как забавно!

Микаэла выплянула из-под одеяла и увидела, что мать держит в руках мятый кусок пергамента. Девушка тут же поняла, что это, и на нее нахлынули воспоминания о том интимном вечере в спальне лорда Алана, и она с трудом сдержала слезы. Как же она ненавидела этого человека!

— Сожги его, — сказала Микаэла и вновь спряталась под одеяло. Ей не хотелось видеть жалостное оправдание, заставившее лорда Алана жениться на этой отвратительной, мерзкой, противной Джульетте. И было это по-христиански или нет, ее нисколько не заботило, что лорд Родерик Шербон ищет себе жену!

Неожиданно Микаэла еще раз вылезла из-под одеяла и выхватила пергамент из рук матери. Она долгое время не отрываясь смотрела на него.

Затем на ее лице появилась улыбка.

Если и был один положительный момент в женитьбе Алана Торнфилда, то это что именно свадебный пир подсказал еще трем леди посетить Шербон в надежде стать состоятельной женой Родерика, Родерик подозревал, что женщины ослеплены красотой и обаянием Хью и надеялись, что жених окажется столь же привлекательным. Но из трех новых претенденток у одной при виде мрачного замка не хватило смелости даже проехать по подъемному мосту, вторая лишилась мужества, лишь миновав внутренний двор и заглянув в зал; оставалась лишь одна, чтобы быть допрошенной Хью.

Она находилась здесь уже пару дней — эта новая девушка, как бы ее ни звали, — а Родерик держался на расстоянии, надеясь, что вновь прибывшая будет иметь время привыкнуть к промозглому и нездоровому воздуху Шербона, прежде чем он предстанет перед ней в своем неприглядном виде.

Но время поджимало, и Родерик мог позволить ей лишь два дня, чтобы освоиться. Они встретятся сегодня, и, возможно, лицо, которое он увидит, будет лицом его невесты. Очевидно, она обладала большей выносливостью, чем другие, — лишь еще одна до нее оставалась в его резиденции два дня, и у той женщины было несколько недостатков — среди них то, что она плохо видела, и у нее были проблемы со слухом.

Воспоминание о той старой деве заставило Родерика мрачно усмехнуться.

Он подошел к своему стулу за столом лорда в огромном зале, удовлетворенный тем, что его указание разжечь яркий огонь в квадратном открытом очаге выполнено. Он понимал, что был строг и непреклонен со слугами, но Магнус Шербон, вероятно, был прав в своих методах управления штатом слуг в замке. Как только он умер и перестал управлять ими, они превратились в дикарей, грабящих тот самый замок, который был их домом.

Нужна была твердая рука, и Родерик находился как раз в том состоянии, которое требовалось, чтобы взять верх над своим прошлым.

Он вытянул левую ногу, чтобы снять нагрузку с колена, в тишине зала — он приказал, чтобы слуги оставляли его абсолютно одного в течение дня, пока он их не позовет.

«Точнее, пока не заорет», — говаривал раздраженно Хью.

Стоило Родерику подумать о Хью, как тот вошел в арочный проем двери западного крыла. Перед ним, перебирая толстенькими ножками, по гладким камням пола вприпрыжку бежал Лео.

Скоро ему исполнится три года, с удивлением подумал Родерик. Три года — и почти год прошел с тех пор, как он оставил свою мать в Константинополе. Он был так мал, что давно перестал плакать по ней и вряд ли вспоминал ее. Но Родерик не забыл Аурелию — да и как он мог? О ней напоминали радостные глаза малыша и широкая улыбка, и когда Родерик видел их, его сердце предательски замирало.

— Вод-вик, — позвал Лео, устремляясь к краю стола и останавливаясь около Родерика, ухватившись маленькой ручкой за ножку стола, чтобы затормозить быстрое движение. Он всегда выглядел нетерпеливым. — Пивет, Вод-вик.

— Добрый день, Лео, — приветствовал его Родерик.

Мальчик придвинулся поближе, вытянул ручку и легко похлопал левую ногу Родерика. Его личико выражало надежду.

— Можно сесть?

— Нет, — ответил Родерик, и физический дискомфорт заставил его нахмуриться. — Не сегодня. Я... я очень занят делами. Уверен, ты понимаешь, — ворчливо пояснил он, и его слова эхом отозвались в большом пустом зале.

— Беги на кухню, Личинка, — сказал Хью, беря мальчика за руку и поворачивая к себе лицом. — Может быть, тебе удастся выпросить у кухарки бисквит к завтраку.

— Холосо, Хю, — весело сказал Лео, но, прежде чем уйти, вновь взглянул на Родерика, причем его личико снова приняло торжественное выражение. — Пивет, Вод-вик.

— Пока, Лео, — ответил Родерик и посмотрел, как мальчик бросился к выходу.

— Она идет сюда. — Это было утренним приветствием Хью после того, как Лео оставил их вдвоем. — Мы с Лео прошли мимо нее в коридоре. Ты нервничаешь?

— Нет, вовсе нет, — усмехнулся Родерик. — Почему я должен нервничать?

Хью пожал плечами.

— Она хорошенькая? — неожиданно спросил Родерик.

— Осмелюсь сказать «нет». — Хью поднял одну бровь. — Но, похоже, у нее все зубы целы, это уже кое-что.

Родерик невесело рассмеялся. Вот чем ему приходится довольствоваться! Денег больше, чем у церкви, а он вынужден побираться, словно нищий.

Затем Хью привычно принялся критиковать друга:

— Черт возьми, Рик, почему ты всегда носишь этот проклятый плащ? Я думал, что вчера вечером ты попросишь Харлисс подстричь тебе волосы.

— Эта идея была вовсе не моя, а твоя. Я скорее пробегу перед двором короля Генриха в чем мать родила, чем подпущу к себе Харлисс с лезвием.

— Да, хотел бы я это увидеть, — засмеялся Хью.

— Я ношу плащ, потому что он мой и я так хочу.

— Ты носишь его потому, что стыдишься. Снимай хотя бы капюшон, когда ты один или со мной. Ради всего святого.

— Предупреждаю тебя, Хью, ты слишком много себе позволяешь. — Но Родерик откинул капюшон на плечи, чувствуя себя обнаженным и уязвимым. На самом деле он так привык к своему костюму, что надевал его по привычке, почти не замечая, во что одет.

— Но кто-то должен сказать тебе это, — быстро ответил Хью. Затем его глаза обратились к кухне, и Родерик, повернувшись, увидел высокую женщину в скучном платье цвета старой кости. Даже на расстоянии фигура напоминала скелет.

Родерик тут же подумал, что делить постель с такой женщиной — все равно что броситься на кучу заостренных палок, и вздохнул. В его состоянии он никогда не уложит ее в постель.

— Пожалуйста, Рик, прошу тебя, не утруждай себя попытками напугать ее. Ради нас всех.

Путешествие в Шербон было продолжительным — мили и часы переплелись, когда колеса экипажа катились по грязной, в рытвинах дороге. Но время между тем, как взошло солнце, и до момента, когда оно находилось высоко в небе, дало Микаэле возможность обдумать ее импульсивное — и, может быть, детское — решение.

Она предлагала себя в жены Шербонскому дьяволу. Точнее, его сыну. Теперь покрытому шрамами человекообразному зверю. В воображении Микаэлы это должно было стать вознаграждением на многих, многих уровнях, потому что это не только сокрушит

Алана Торнфилда, который не унаследует Шербон, но и откроет сундуки с монетами, которые, как чувствовала девушка, давно должны были быть выплачены ее семье.

Проклятые деньги! Не важно, каким нелепым, противным и звероподобным может оказаться Родерик Шербон, Микаэла поклялась, что выйдет за него замуж. Она должна это сделать. Существовали долги, которые необходимо было оплатить.

Микаэла была удручена тем, что ее собственная жизнь принесла ей столько горя. Она пыталась быть хорошей дочерью — послушной, мягкой, доброжелательной. И результатом этого было то, что все ее пинали и топтали. Нет, довольно. Теперь она не та, что была. В Шербоне ее ждет совсем другая жизнь.

Однако дикие фантазии о том, что ждало ее на этой земле, витали у нее в голове, словно она вновь была молоденькой девушкой, испуганной летней грозой или тенями на полу ее спальни. И эта новая, повзрослевшая девушка искренне радовалась тому, что в этом долгом путешествии в маленькой семейной повозке ее сопровождают родители. Уолтер все еще помнил путь, хотя уже много лет не бывал в Шербоне.

Они въехали на небольшой холм, и впереди в лучах полуденного солнца перед ними возникли, словно туманный темный призрак, неровные стены замка с бойницами и разрушающейся башней. Среди окружающего лирического пейзажа они выглядели как зловещая горная цепь.

Экипаж остановился, и все семейство Форчун молча принялось рассматривать замок. Уолтер заговорил первым.

— Ты уверена в своем решении, Микаэла? — спросил он.

Микаэла судорожно сглотнула.

— Да, папа, уверена.

Меньше чем через час повозка уже грохотала по опущенному подъемному мосту замка Шербон, проезжая мимо увитых виноградником стен барбакана, толщиной в двадцать футов, влажных от тумана и покрытых мхом и листвой, словно он был заколдован. Здесь, на уровне земли, висел туман, и казалось, будто из окружающего реального мира английской сельской местности они попали в темное царство из народных преданий.

Хотя никто не обратился к ним, когда они приближались к замку и миновали ворота, что заставило Микаэлу подумать, не было ли это место покинуто всеми, они наконец увидели возле стен множество крепостных, занятых каждый своим делом. Однако широкий внутренний двор был мрачным, никто не разговаривал, не кричал и не обращался друг к другу, не слышно было рабочих песен. Даже звон металла, доносившийся из кузницы, звучал как-то приглушенно.

Никто не обращал внимания на людей, проезжающих по двору в повозке.

Уолтер направил повозку вокруг южной стороны внутренней стены, когда неестественную тишину двора нарушил пронзительный скрежет.

Дверь в башне замка распахнулась, и высокая женщина, выглядевшая так, словно долгое время недоедала, выскочила из дверного проема в вихре тускло-коричневой юбки, которую она яростно сжимала в кулаках. Она мчалась навстречу повозке с той скоростью, на какую были способны ее ноги, с полными ужаса глазами и широко открытым ртом. Женщина буквально пролетела мимо семейства Форчун, не замечая их, и Микаэла повернулась, чтобы увидеть, как та исчезла в темном горле барбакана.

К тому времени, когда дверь в башню захлопнулась и звук эхом отозвался во внутреннем дворе, Микаэла собралась с мыслями.

Никто из крепостных не пошевелился, чтобы помочь женщине, некоторые лишь с легким любопытством наблюдали за ней, пока она не скрылась из виду. Затем они вновь принялись за свои дела.

— Микаэла, — начала Агата нежным, обеспокоенным голосом.

Но Микаэла знала, что если она позволит матери вслух высказать страхи, занимающие ее собственный ум, она никогда не выйдет из повозки, чтобы совершить то, что собиралась. Она подобрала юбки, сжимая в кулаке смятое обращение лорда Шербона, и спрыгнула на землю.

— Подождите меня здесь, — бросила она через плечо родителям и была рада спокойному, уверенному тону, каким произнесла эти слова. Она выпрямилась и направилась к башне, готовая бросить вызов самому дьяволу.

И вот она оказалась перед дверью, высокой и широкой, толстой и крепкой. И неожиданно поняла, что для нее это была больше чем дверь. Она олицетворяла ее неопределенное будущее.

Микаэла постучалась.

Едва ее рука перестала стучать, как дверь надойм приоткрылась и раздался мужской голос:

— Итак, вы передумали? Это ужасно. Вам бы... — В приоткрывшемся отверстии показалось лицо, наполовину скрытое тенью. Глаза, казалось, проскользнули мимо девушки и остановились на повозке, словно в поисках выбежавшей ранее женщины. Затем его взгляд, сверкнувший в темноте, словно пригвоздил ее. — Что вам угодно?

Микаэла собрала всю свою отвагу и произнесла в щель в двери:

— Лорд Шербон, полагаю?

Пергамент вырвали у нее из рук, и через мгновение человек в двери расхохотался. Казалось, он обращался к кому-то, находившемуся внутри.

— У нас еще одна претендентка, Рик! Бедняжка, она решила, что я — это ты. — Дверь широко распахнулась. — Добро пожаловать в Шербон, мисс Форчун!

Родерик по-прежнему стоял в тени — он находился на пути в свои покои, когда приветствия Хью в адрес неожиданной посетительницы достигли его ушей.

К ним наведальось уже достаточно бедняжек.

Но вот дверь широко распахнулась, впуслав слабый, затуманенный солнечный свет со двора, и Родерик увидел в проеме двери женский силуэт. Он отступил назад на нижнюю ступень лестницы, оказавшись в темноте коридора.

— Ну что ж, входите, входите! — скомандовал Хью. Девушка заколебалась и оглянулась назад:

— Мой сундук... мои родители...

— Вы совершеннолетняя? — Когда посетительница неуверенно кивнула, Хью устало вздохнул и, наклонившись мимо нее, прокричал в дверь: — Мне некогда возиться с вами! Да-да, с ней все будет в порядке. Просто выбросьте сундук, так, благодарю. Счастливого пути. — Он втащил девушку за руку внутрь и захлопнул за ней дверь.

Хью буквально подтащил незнакомку к столу лорда, поглядывая в сторону коридора, где скрылся его друг.

— О, вы пропустили его, он только что был здесь, — с сожалением произнес Хью, обращаясь к гостье — совсем девочке, как теперь увидел Родерик. Хью повернул низенький табурет, отпустил руку девушки и похлопал сиденье. — Присаживайтесь, — произнес он, а

сам плюхнулся в кресло Родерика, протягивая руку к стопке пергаментов и перу.

Девушка мгновение оставалась на ногах, словно сомневаясь в том, стоит ли ей оставаться здесь, и Родерик воспользовался этими мгновениями, чтобы лучше рассмотреть ее.

Она была... очаровательна. С белокурыми, нет, скорее рыжеватыми, нет, все-таки белокурыми волосами, зачесанными на висках и заплетенными в длинную косу. Она не была ни худощавой, ни полной, с прямой спиной. Одета аккуратно.

Ее профиль просто зачаровывал — нежно округлые щеки с румянцем от смущения, изящно сведенные брови, бутон сжатых губ. Ушки ее напоминали маленькие раковины, бледные и совершенные по форме.

Вряд ли она появилась здесь в ответ на его приглашение.

— Ну же! Вы собираетесь присесть или нет? — требовательно спросил Хью. — Если вы передумали, вам следует бежать, бежать и бежать немедленно — ваши родители теперь уже наверняка переехали через подъемный мост. Уверен, до вашего дома весьма неблизкий путь, — он с пренебрежением оглядел ее простенькое платье, — откуда бы вы ни приехали. Полагаю, что не из Торнфилд-Мэнора.

Девушка все еще продолжала стоять.

— Благодарю вас за заботу, но думаю, я останусь. — Для слуха Родерика ее голос прозвучал как легкий ветерок над речной рябью — освежающий, легкий и мелодичный. Она присела на табурет.

— Отлично. — Хью держал перо наготове. — Ваше имя? Полагаю, ваше настоящее имя не мисс Форчун.

— Леди Микаэла Форчун, — сообщила она. — Мои родители — Уолтер и Агата. Мы вассалы на земле Торнфилд-Мэнора, на самом юге графства.

«Форчун, — подумал Родерик. — Я знаю эту фамилию».

— О, так вы на самом деле мисс Форчун! — Хью выглядел очень довольным, внося в свой талмуд полученную информацию. — Сколько вам лет?

— Будет двадцать в следующем январе.

— Итак, пока — девятнадцать.

— Да, извините.

— Были ли вы замужем?

— Нет.

— Осмелюсь заметить, что я уже знал ответ. Ха! Дети?

— Нет.

— Заболевания?

— Простите?

Хью вздохнул.

— Триппер, проказа, кровоточащие раны, затуманенное зрение — короче, вы больны?

— О нет. Я вполне здорова.

— Разыскиваете по закону?

— Надеюсь, нет! — воскликнула она.

— Но я должен был задать вам этот вопрос, вы понимаете? Вас удивит, сколько — впрочем, это не важно. — Хью отложил перо и откинулся в кресле, чтобы лучше разглядеть леди Микаэлу Форчун. — Условия соглашения, как вы, очевидно, прочитали — полагаю, вы умеете читать?

Родерик увидел, как поднялась одна изящная бровь.

— Да, немного.

— Отлично. Последующие девяносто дней в Шербо-не, то есть все эти дни, один за другим, пока будет определяться, подойдете ли вы как невеста, вы будете исполнять обязанности хозяйки дома и будет оценена ваша совместимость с лордом Шербоном. Если по истечении девяноста дней окажется, что вы отвечаете всем требованиям, и это устроит как вас, так и лорда, вы поженитесь. Ваш приз тогда будет узаконен и подарен вам. Понятно?

— Да, я...

— Хорошо. У вас есть вопросы?

— Да, я могу?..

— Отлично. Подпишитесь здесь. — Он пододвинул пергамент и перо к девушке, и та быстро расписалась внизу страницы. Затем Хью выхватил у нее и то и другое, вскочил с кресла и устремился к тому месту, где все еще прятался Родерик. — Пойдемте, пойдемте, я покажу вам вашу комнату.

Родерик отступил от лестницы и нырнул в укромное место позади нее, прежде чем Хью и семенящая леди Форчун вышли в коридор и устремились наверх. Воздух от быстрого движения девушки напоминал запах свежескошенной травы.

— Но мой сундук... — произнесла Микаэла в спину Хью.

— Да-да, уверен, в нем много ценнейших вещей. Мы пришлем его вам. До тех пор вы можете пользоваться тем, что оставила после себя последняя посетительница...

Родерик стоял в темноте с сильно бьющимся сердцем, погруженный в раздумья, пока свежий, зеленый аромат Микаэлы Форчун висел в воздухе, словно невнятное предупреждение.

Комната оказалась просто ужасной. Хотя и обставленная дорогой мебелью, со стенами, обтянутыми пышной тканью, она поразила Микаэлу атмосферой отчаяния и страха, как только она вошла в нее вслед за сэром Хью Гилбертом. Она вздрогнула так сильно, что споткнулась на ровном месте.

Хью Гилберт насмешливо взглянул на нее и продолжил знакомить ее с порядками в доме, что начал делать еще внизу, в холле.

— Еда подается три раза в день. Вы будете есть в одиночестве, но пища вполне сносная. Необходимые вам комнаты — через холл мимо вашей двери — три дюжины ступенек. На вашем месте я бы пользовался той, что справа. Слуги проникают в ту, что слева, — считая, что я не в курсе, — и последствия их диеты оставляют довольно неприятную атмосферу после себя.

— Необходимые комнаты?

— О Боже! — Хью тяжело вздохнул и закатил глаза, прежде чем наклониться вперед и произнести громким шепотом: — Куда вы ходите пописать.

— О! — Микаэла покраснела. — Когда я встречу с лордом Шербоном?

— Когда вы... — Хью громко расхохотался: — Вы с ним не встретитесь, куколка! Когда он будет готов оценить вас, вас пригласят к нему. До тех пор просто занимайтесь своими обычными делами.

— Оценит меня? — Этот человек крайне раздражал ее. — Вы имеете в виду — как корову?

— О нет, миледи, — ответил Хью, который, казалось, был в ужасе от предложенного сравнения. — Скорее, как лошадь.

Микаэле захотелось, чтобы у нее в руках оказался внушительный камень, который она могла бы запустить в собеседника.

— Если окажется, что вы нуждаетесь в чем-то, чего не могут предоставить слуги — что вовсе не удивит меня, поскольку они глупы и неумелы, — просто пришлите мне записку. Сэр Гилберт тут же примчится к вам на помощь.

— Сэр Хью Гилберт? — Микаэла подчеркнула слово «сэр», глядя на его изящный костюм. Он был не просто изящным — он был великолепен, из тонкого бархата с богатой вышивкой. Такая одежда больше подходила королю, чем скромному странствующему рыцарю. — Вы?

Глаза сэра Хью блеснули, словно замерзшие синие озера, красивые губы вытянулись в полоску.

— Да. Сэр. «Лорд Ничтожество» вряд ли произведет впечатление, вы согласны? — Он натянуто улыбнулся. — Если позволите, я распоряжусь, чтобы принесли ваш сундук. — Он отвесил поклон с насмешливой улыбкой: — Мисс Форчун.

Дверь тут же захлопнулась за ним.

Микаэла буркнула что-то себе под нос и повернулась в поисках подходящего объекта, на который можно было бы вылить накопившиеся эмоции. Но ее свободная, поношенная туфелька соскользнула с ноги, и каблук запутался в ковре на полу, у нее подвернулась лодыжка, и она с криком упала на пол. Приземлившись, она услышала странное хихиканье,

которое могло исходить только от ребенка, и приподнялась, оглядываясь вокруг.

— Кто это? Кто здесь? Покажитесь! — Микаэла перевела дыхание и прислушалась, но не услышала ни звука. Ощущение, что за ней наблюдают, ледяным холодом пробежало между лопатками.

В замке Шербон водились привидения? Это объяснило бы мрачное окружение, но Микаэла не была уверена, что сможет делить свою спальню с привидением, каким бы ни было за это вознаграждение.

И как же она будет раздеваться при посторонних?

— Привет, — спокойно произнесла Микаэла. Она судорожно сглотнула. — Вы... вы привидение?

Хихиканье раздалось снова, позади нее. Микаэла быстро села и повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть маленького мальчика, выскочившего из-за шторы и устремившегося к двери.

— Подожди! — вскричала она и попыталась подняться на ноги.

Но черноволосый малыш распахнул дверь и вылетел в коридор, перебирая босыми ножками.

Микаэла сидела на полу, размышляя. Возможно, ребенок принадлежал кому-нибудь из слуг в Шербоне, его привели в замок и велели никому не показываться — этим можно объяснить, почему он прятался. Она оглядела унылую комнату, где отчаяние, казалось, сочилось из стен, затем посмотрела в сторону открытой двери и темного коридора за ней.

Мальчик, более знакомый с замком, чем Микаэла, скорее всего уже очутился за каменным сердцем замка на своих быстрых ножках. Ей ни за что не поймать его.

«Занимайтесь своим делом», — вспомнились ей слова сэра Гилберта Хью.

Если она станет леди Шербон, разве дети слуг — их местопребывание и неподобающее поведение — не ее дело? К тому же она должна изучить все переходы и коридоры своего будущего дома. И если она найдет мальчика, возможно, это поможет ей узнать причину странного поведения обитателей замка. А может быть, она встретит великого и высокомерного лорда Шербона.

Микаэла поднялась на ноги и вышла в коридор, оставив дверь распахнутой.

Родерик, прихрамывая, прошел прямо в свои покои. Он был уверен, что Хью вскоре последует за ним. Так и случилось. Его красивый черноволосый друг, фыркая от смеха, вошел в комнату вскоре после того, как Родерик устроился в кресле и начал борьбу со своими сапогами.

Проклятая обувь не понадобится ему до полуночи, когда он сможет спокойно двигаться по средневековому замку, теперь, когда последняя претендентка сбежала. Правда, к его величайшему сожалению, у него в доме устроилась новая девушка, и в данный момент Родерику не хотелось иметь с ней никакого дела.

Она представляла для него угрозу, он отчетливо чувствовал это, — была нежеланной, но необходимой для его выживания.

Хью закрыл за собой дверь и согнулся, упершись в колени руками, давясь от хохота.

— Полагаю, новая девушка развеселила тебя? — поинтересовался Родерик. Его голос прозвучал довольно зло, но сердце все еще странно и незнакомо стучало от вида мисс Форчун. Родерик объяснял себе свое состояние тем, что эта девушка, вероятнее всего, была его последней надеждой получить Шербон, а не ее запахом, тембром голоса и необычного цвета волосами. На него произвело впечатление, как она пыталась казаться смелой и в то же

время выглядела такой наивной, когда отвечала на детальные и, он должен был признать, грубые вопросы Хью. А возможно, это было результатом того, что Родерик разглядел в ней честного и откровенного человека, но, что бы это ни было, он не мог не беспокоиться.

— О Господи, да! — Хью задышался от смеха. Он приблизился к кровати Родерика и повалился на нее. — Отлично, отлично, Рик, ха-ха!

— Ты собираешься рассказать мне, что рассмешило тебя, или же будешь просто валяться на моей постели?

Хью вздохнул, чтобы успокоиться, но перестать смеяться было нелегко. Наконец он, казалось, справился со своим весельем.

— Я знаю этого цыпленка, Рик, я уже видел ее, четыре дня назад — на празднике в Торнфилд-Мэноре.

— Она была в Торнфилд-Мэноре? — Родерик с трудом стащил с левой ноги высокий, жесткий сапог с восклицанием: — Ух ты, треклятый! — и бросил его на пол. — Как гостья?

— Поскольку она сидела за собственным столом лорда рядом с ним и его дочерью, по моему первому предположению — почетная гостья.

— Это оказалось не так?

— Не так. Она была нанята компаньонкой к его дочери.

— Она была там служанкой?

— И да и нет, — ответил Хью со смехом в голосе, словно воспоминание зашекетало его. — Элизабет Торнфилд онемела после наступившей некоторое время назад смерти матери. Мисс Форчун сумела вывести девочку из ее замкнутого мирка, и Торнфилд был так поражен и обрадован, что предложил ей место в своем доме за освобождение от налога ее родителей. Похоже, что все трое очень... сблизилась. Они были настолько близки, что мисс Форчун и девочка полагали, что Торнфилд женится на ней.

— Готов поклясться, ты болтлив, как кухарка.

— О, Рик, ты несправедливо порочишь меня! Я узнал все это не из сплетен — дочка Торнфилда стояла перед всеми гостями в зале, когда заявила, что отец должен жениться не на леди Оспри, а на мисс Форчун, и это прямо перед началом церемонии! Все почувствовали себя глубоко оскорбленными!

Что-то острое пронзило желудок Родерика.

— Тебе не кажется, что меня это не касается?

— Откуда мне знать? — запротестовал Хью. — Я думал, она просто служанка с довольно забавными амбициями. Это было не больше чем смешная история, а я знаю, что в последнее время тебе не до юмора. До сегодняшнего дня я не знал, что она благородного происхождения.

— Форчун, Форчун... — пробормотал Родерик. Он силился вспомнить, с чем связано это имя, потому что он был уверен, что слышал его раньше, в связи со своим отцом.

— Итак, Рик, что дальше? — спросил Хью, вставая с кровати и подбирая брошенные кое-как сапоги друга. Он наполнил вином кубок и вложил его в руку Родерика. — Пара дней, и ты встретишься с этой девушкой?

От этих слов Родерика бросило в холодный пот.

— Не думаю, Хью. Чем дольше откладывать эту встречу, тем лучше.

— Хм!.. И причина этого...

Родерик уставился в пол, подперев голову левой рукой, а правой взбалтывая содержимое кубка, сосредоточившись на том, как он владеет мускулами. После продолжительного

молчания он объяснил причину, пусть это и уязвляло его гордость. Хотя кому еще он мог открыться, как не верному Хью.

— Она — моя последняя надежда получить Шербон, — спокойно произнес Родерик. — Мне исполнится тридцать через сто восемьдесят восемь дней. Если Микаэла Форчун не останется...

— Итак, ты наблюдал за нами! — воскликнул Хью с усмешкой, когда до него дошло, что Родерик скрывался достаточно долго, поскольку узнал полное имя девушки.

— Если она не останется или что-то во мне или в замке ее не устроит, все достанется Алану Торнфилду.

— Ну и пусть, — спокойно произнес Хью. — Я ненавижу это место, Рик, ты тоже ненавидишь его...

— Я не ненавижу...

— Чушь! Ненавидишь! — воскликнул Хью. — Ходить там, где ходил твой отец, жить в комнатах, где умерла твоя мать, где ты видел, как били и убивали слуг и крепостных, где так плохо обращались даже с тобой, — все это гложет тебя.

— Это подстегивает меня, — возразил Родерик. — Тебе не понять этого, Хью. Назвать Шербон своим — цель моей жизни и мое вознаграждение. Я должен добиться этого. Я обязан здесь многое исправить...

— Исправить? — Хью поднялся на ноги. — Применяя ту же тактику, что и твой отец?

— Нет, конечно.

— Именно ту самую! Ты не можешь простить, Рик, ни слуг, ни меня, ни себя. Ни Лео. Ведь он, черт подери, очень любит тебя, а ты ведешь себя так, словно его не существует...

— Довольно! — прорычал Родерик. — Второго предупреждения не будет, Хью.

— Приношу свои извинения, — произнес наконец Хью. — Прости меня, Рик. Конечно, ты сможешь увидаться с мисс Форчун, когда сочтешь это нужным. Я в твоём распоряжении.

Родерик с трудом поднялся с кресла, и Хью тут же оказался рядом, когда тот ухватился за высокий столбик в ногах кровати. Он жестом отстранил друга.

— Я сам, Хью, оставь меня. — Родерик раскачал тело с помощью руки и опустился на кровать.

— Хорошо, Рик. Тебе понадобится что-нибудь, прежде чем ты выйдешь сегодня вечером? — Это было сказано как бы между прочим, но Родерик знал, что друг говорил всерьез, и был прав. Он не покинет своей комнаты до наступления полной темноты.

Родерик покачал головой, затем, когда Хью приблизился к двери, окликнул его.

— Она очень хорошенькая, не так ли, Хью? Хью замер на месте и оглянулся через плечо.

— Мисс Форчун, как ты называешь ее, — уточнил Родерик. — Она...

— Она странно выглядит, — заметил Хью. — Неловкая. Отчаявшаяся. Вероятно мстительная.

Сказав это, Хью удалился.

Родерик лег на правый бок, но его рука запротестовала, и поэтому он снова перевернулся на спину. Он пристально посмотрел в сторону окна, но на улице было еще недостаточно темно для него, так что он прикрыл глаза рукой.

Он ждал наступления ночи.

Выйдя из комнаты, Микаэла пошла по коридору в направлении противоположном тому, откуда привел ее Хью, предположительно к комнате, где «вы можете пописать». Микаэла

пользовалась уборной в Торнфилд-Мэноре, и ей было приятно, что Шербон мог похвастаться не одной, а двумя удобно расположенными комнатами для ее нужд. Привыкнув к жизни в Торнфилд-Мэноре, девушка теперь рассматривала удобства дома как абсолютно необходимые и улучила момент, чтобы заглянуть в обе, лишь для того, чтобы убедиться, что их действительно две.

В комнате слева, как и сообщил сэр Хью, стоял пренеприятнейший запах.

Она продолжила путь по коридору, хотя темноволосого мальчика и след простыл. Проход был широким, с низким потолком и извивался, как длинная стружка, появляющаяся из-под инструмента резчика по дереву. Как и весь тот Шербон, который ей уже довелось увидеть, коридор был темным-претемным, хотя, вечер еще не наступил. Вдоль стены на равномерном расстоянии друг от друга висели подсвечники со свечами, предназначенными для того, чтобы быть зажженными и рассеять мрак внутреннего пространства, но использовалась только каждая пятая или шестая, остальные, казшлось, были словно нарочно сломаны у основания. Микаэла дважды поскользнулась, наступив на цилиндрические кусочки воска под ногами.

Длинные отрезки коридора были окутаны полной темнотой, и свет отдаленной свечи служил единственным проводником для Микаэлы. Стены, казалось, дышали холодом и словно шептали про зловещие, скрытые подо мхом тайны, которые она не хотела слышать. Микаэла торопливо шла от одного огонька к другому, не зная, были ли темные тени, мимо которых она шла, дверьми в другие комнаты или же черными привидениями, поджидающими ее.

Коридор перешел в узкую крутую лестницу, и Микаэла, несомненно, скатилась бы с нее, разбившись насмерть, если бы не так пристально смотрела на камни под ногами. На повороте лестницы она увидела трепещущий луч света, и до нее донеслись приглушенные звуки разговора, звон металла, хлопки, треск и громкие удары. Она почувствовала запах свежее испеченного хлеба, и заурчавший живот, а также яркий свет заставили ее поспешить вниз.

Лестница неожиданно закончилась, и Микаэла действительно попала на кухню, оказавшись сразу возле широкого и длинного деревянного рабочего стола, где две женщины — одна низенькая и округлая, другая высокая, тощая и седая — рубили овощи.

На высоком табурете со стороны толстой кухарки сидел убежавший из ее комнаты темноволосый маленький мальчик и жевал морковку.

Три головы повернулись, чтобы взглянуть на Микаэлу, когда она буквально упала на стол, отправив при этом на пол несколько репок, и во мгновение ока маленький мальчик спрыгнул с табурета и молнией промчался к противоположной стороне кухни.

— Подожди! — крикнула Микаэла, но это было бессмысленно, поскольку мальчик показал пятки, прежде чем она успела заговорить. Микаэла прижала руку к месту на талии, где завтра появится здоровенный синяк от края стола, и обратилась к женщинам, которые смотрели на нее так, словно она была чем-то вроде вертикально поставленного полена. — Чей это ребенок? — требовательно спросила она.

Никто из женщин и глазом не моргнул, а худая женщина еще сильнее поджала губы.

— Эй! — Микаэла помахала рукой перед своим лицом. — Меня что, не видно?

— Нет, миледи. Вы вполне ощутимы. Добрый вечер, — произнесла наконец полная женщина.

Седая женщина вернулась к прежнему занятию и вновь принялась кромсать репу.

— Этот мальчик прятался в моей комнате и убежал, когда я позвала его, — объяснила Микаэла. — Я хочу поговорить с его матерью.

Теперь уже и полная женщина взялась за резку овощей, и Микаэла почувствовала себя так, словно осталась одна в комнате с куполообразным потолком. Реакция женщин уязвила Микаэлу, но она сдержалась — вероятнее всего, они не знали, кто она. Но поскольку сэр Хью подразумевал, что ей подобает выполнять функции хозяйки Шербона, Микаэла решила, что надо начать с этих женщин. Хозяйке дома не подобает мириться с подобным неуважением к себе.

«Осторожно, — предупредил ее спокойный внутренний голос. — Ты уже собиралась стать хозяйкой Торнфилд-Мэнора. Но не получилось».

— Я леди Микаэла Форчун, — сообщила она. — Я приехала, чтобы стать женой лорда Шербона.

Ни одна из женщин не оторвалась от своей работы. На мгновение Микаэла поджала губы.

— Возможно, я стану вашей хозяйкой в начале нового года.

Женщина с жалостью посмотрела на нее:

— Дай вам Бог здоровья, миледи.

Седая женщина даже не подняла головы, но ехидно фыркнула.

Терпение Микаэлы было на исходе — к этому привело именно фыркание. Сколько она себя помнит, над ней всегда насмехались. Даже здесь, в замке Шербон, ей не дают возможности начать новую жизнь.

— А теперь послушайте, — начала она. — Не знаю, кто учил вас правилам хорошего тона, но поверьте: впредь я не потерплю подобного поведения. Сэр Хью предложил мне выполнять роль хозяйки здесь, и я...

Седая женщина швырнула на деревянный стол свой нож с такой силой, что и Микаэла, и полная кухарка подпрыгнули. Прищуренные глаза, которыми она впиалась в лицо Микаэлы, были холодными и злобными.

— Миледи, — язвительно произнесла она, — у меня нет времени, чтобы кланяться и расшаркиваться перед каждой беспородной, лишенной средств к существованию цыпочкой, которая проходит по большому залу Шербона.

Микаэла почувствовала себя так, словно получила пощечину, но прежде, чем она смогла дать достойный ответ, седая женщина продолжила:

— Известно ли вам, миледи, что вы по счету девяносто седьмая? Да, девяносто седьмая. Перед вами здесь побывали девяносто шесть женщин в надежде завладеть богатствами Шербона, и все они в ужасе бежали отсюда. Это позор для имени Шербонов — принимать всех этих женщин, словно замок — дом терпимости, и я ни за что не стану с этим мириться.

Полная женщина перестала рубить овощи, но стояла молча, опустив голову. Микаэле послышалось, что она прошептала:

— Харлисс, это не твой замок.

— Здесь мое место, — заявила женщина, адресуя свои злые слова не кухарке, а Микаэле. — Невзирая на запрещения Родерика, я не собираюсь пренебрегать своими обязанностями. Теперь — ответ на ваш вопрос, миледи. Маленький мальчик, который прятался в вашей комнате, тот, который не подчинился вашему требованию остановиться, не кто иной, как Лео Шербон, сын лорда Шербона. Он не обратил на вас никакого внимания, поскольку девяносто шесть женщин уже пытались стать его новой мамой!

Микаэла долго стояла молча, испытывая внутреннюю дрожь из-за того, как ее отчитали, и от шокирующего сообщения, которое она услышала. И хотя ей отчаянно хотелось удалиться в свою темную, унылую комнату или вообще покинуть замок, Микаэла намеревалась остаться здесь, несмотря ни на что. Это просто маленькая колдобина на ее пути. И ничего более. Микаэла выпрямилась и посмотрела в глаза седой женщине — Харлисс.

— Это правда? Что ж, если это так, благодарю вас, Харлисс, за ваше сообщение. Вы меня просветили. Но до тех пор, пока девяносто восьмая не займет мое место, советую вам относиться ко мне с уважением, соответствующим моему положению и имени Шербон. Не жду, чтобы вы были подобострастны, но не намерена терпеть грубость. Если вы посмеете когда-нибудь в будущем излить на меня свою злобу, я позабочусь, чтобы вас немедленно уволили.

Харлисс застыла на месте, глаза ее метали молнии в сторону Микаэлы.

— Это касается вас обеих, понятно? — громко спросила Микаэла, пытаясь сдержать дрожь в голосе.

— Конечно, миледи. — Полная кухарка, стоявшая рядом, не поднимая глаз, быстро кивнула.

— Отлично, — произнесла Микаэла. — Теперь о другом — где же няня Лео?

— У него нет няни, — ответила полная кухарка.

— Нет няни? А кто же о нем заботится?

— Сэр Хью, миледи. Микаэла нахмурилась:

— В Шербоне нет няни для ребенка? Кухарка смутилась и ничего не ответила.

— В Шербоне есть няня, но ее отстранили от ее прямых обязанностей, — объяснила Харлисс.

— Нет, это не годится, — заявила Микаэла. — Пусть няня зайдет ко мне утром. Я с ней поговорю. Нельзя допустить, чтобы сын лорда Шербона бегал по дому как неприкаянный.

Харлисс выглядела крайне удивленной, Микаэле показалось, что ее губы тронула улыбка.

— Не могу с вами не согласиться, миледи.

От беспокойного сна Микаэлу пробудил громкий стук в дверь ее комнаты. Опустив голые ступни на ледяной пол, она пошла открывать ее, но никак не могла отодвинуть щеколду.

— Секундочку! — крикнула она. Наконец Микаэла справилась со щеколдой, и дверь распахнулась, ударив Микаэлу, так что она упала спиной на пол. В дверях стоял рассерженный Хью Гилберт.

— Кем вы себя возомнили? — спросил он.

Тут Микаэла заметила маленького мальчика, который обхватил ноги Хью. Глаза у малыша припухли. Лео Шербон закусил нижнюю губу, пытаясь сдержать подступающие рыдания.

— Я... — Микаэла запнулась, сон слишком медленно покидал ее мозг, чтобы оценить происходящее. — Сэр Хью, что...

Он сделал угрожающий шаг навстречу ей, указывая назад пальцем:

— Собирайте свои пожитки и убирайтесь из Шербона! Даю вам час, иначе, Бог мне свидетель, я придушу вас собственными руками! Пойдем, Лео, — сейчас найдем носовой платок и полакомимся бисквитами. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Подождите! Сэр Хью, ну пожалуйста! — Микаэла вскочила с пола и бросилась к двери. Хью остановился, но не повернулся к ней.

— В чем дело? — прорычал он.

— Почему вы отправляете меня? Что я сделала? Я всю ночь провела в своей комнате! Я не видела, как...

— Что вы сделали? — Хью повернулся, чтобы броситься к Микаэле. Приблизившись к ней, он дернул Лео за руку, поставив мальчика перед собой. Полдюжины бордовых широких следов от ударов покрывали гладкую кожу внутренней стороны бедра малыша. У Микаэлы перехватило дыхание.

— О Боже! Неужели вы думаете, что это моих рук дело?!

— Вы действительно сделали это не собственными руками, но это одно и то же, — проворчал Хью. — Мне совершенно ясно, мисс Форчун, что у вас не было желания исполнять обязанности, требуемые от леди Шербон, передав ребенка Родерика такой дьяволице, и ваши распоряжения в области распределения обязанностей среди слуг оставляют желать лучшего.

— Я не знаю, что... — Тут Микаэла вспомнила вчерашний разговор с ужасной Харлисс и второй кухаркой. — Так это все его няня? Я велела Харлисс привести ко мне сегодня утром шербонскую няню, а вовсе не вернуть ее к своим обязанностям!

— Харлисс и есть шербонская няня, — прояснил ситуацию Хью. — И это, — он указал на ножки Лео, — ее любимый метод наказывать трехлетку, нежелающего носить башмаки.

— Господи, — прошептала Микаэла и обратилась к малышу: — Лео, прости меня... я не знала... Харлисс мне ничего не сказала... — Микаэла положила ладонь на грудь, пытаясь сдержать слезы. — Леди Микаэла очень, очень сожалеет, что гадкая Харлисс побила тебя. Я никогда не позволю ей сделать это снова. Обещаю, Лео, обещаю!

— Хаис бия Эо. Бо-бо.

— Я знаю, знаю. — Грудь Микаэлы вздымалась, ее душил гнев. Если бы седая женщина стояла сейчас с ними в коридоре, подумала Микаэла, она могла бы сама с ней расправиться. — Но Харлисс больше не сделает этого. — Затем Микаэла обратилась к Хью: — Лео прятался в моей комнате после того, как вы ушли вчера вечером. Я последовала за ним и оказалась в кухне, где встретила Харлисс.

Харлисс сказала, что шербонская няня Лео не она. Я только попыталась сделать то, что считала правильным, сэр Хью, вы должны мне поверить. Я ненавижу, когда обижают детей! Особенно таких маленьких.

— Когда лорд Шербон узнает об этом, он...

— Я сама расскажу ему, — немедленно откликнулась Микаэла. — Я была не права. Я признаюсь ему в том, что произошло, и смиренно приму его наказание.

— Пока у него нет желания развлекать вас, мисс Фор-чун, — сообщил Хью, и хотя подчеркнул ее фамилию, которую Микаэла воспринимала как прозвище, она поняла, что гнев его потух. — Мы с Лео сообщим ему о случившемся прямо сейчас. Если он пожелает отослать вас...

— Тогда я уеду, — спокойно произнесла Микаэла и перевела взгляд на Лео. — Но, надеюсь, я останусь. Мне бы очень хотелось, чтобы мы с тобой подружились, Лео. Ты любишь петь?

Лео пристально посмотрел на нее, затем едва заметно кивнул.

Микаэла улыбнулась:

— И я люблю! Может быть, мы немного поиграем позже, если сэр Хью позволит. Мы можем погулять во дворе и вместе попеть песни. Хочешь?

Лео снова кивнул, на этот раз более заинтересованно. Неожиданно, к великому удивлению Микаэлы, он протянул пухлую ручку и быстро коснулся ее волос.

— Той оосы диные, — смущенно сказал он. Микаэла улыбнулась и подмигнула ему.

— Да, они длинные. И они в беспорядке, потому что я только что встала с постели. — Она посмотрела на Хью и тихо спросила: — Все в порядке?

Тот что-то проворчал и наклонился к Лео:

— Ну, пойдем, Тошнилка, может быть, увидишься с мисс Форчун позже, после того как поспишь. — Он повернулся, чтобы уйти, но остановился, когда Микаэла поднялась на ноги, и его слова были предназначены только для ее ушей. — Если вы сделаете что-то еще, угрожающее этому ребенку, я сдеру с вас шкуру. Думаю, что вы не что иное, как ходячее несчастье, и не продержитесь здесь и недели. Итак, я делаю вам первое и последнее предупреждение, мисс Форчун. Мы поняли друг друга?

— Нет, не поняли, — прошептала Микаэла. — Я совершила ошибку, Хью, но я сегодня же утром исправлю ее. Мне не важно, что вы человек лорда Шербона. Больше не смейте мне угрожать или обвинять меня в том, чего я не совершала. В противном случае с вашей стороны будет благоразумно закрыть дверь вашей комнаты на щеколду изнутри на ночь. Если вас выводят из себя обязанности, которые возложил на вас милорд, и вам тяжело терпеть мое присутствие, передайте ему, чтобы он сам имел со мной дело, потому что если я когда-нибудь покину Шербон, это будет только по его указанию. Всего доброго.

Микаэла отвернулась и закрыла за собой дверь прежде, чем Хью успел ей ответить. На всякий случай она задвинула щеколду и снова легла в постель.

— Она перевернула все в Шербоне вверх дном, — с отвращением сообщил Хью, когда помогал Родерику в его ежедневных физических упражнениях по растяжению и

скручиванию. — Говорю тебе, Рик, она тебе не подходит.

— Ох! Хью, не так сильно, а то оторвешь мне ногу!

— Извини. Я пытался вышвырнуть ее из Шербона утром, после того, что случилось с Лео. Я бы так и сделал, если бы не знал, какой хитрой может быть Харлисс. Пока я оправдываю мисс Форчун за недостаточностью улик.

— Очень любезно с твоей стороны, — сухо отозвался Родерик.

— Да, это так. Хотя, должен признаться, на меня произвело впечатление то, как она обошлась с безжалостной Харлисс.

Родерик поднял брови, ожидая подробного рассказа.

— Та теперь отвечает за уборные в Шербоне. Родерик мрачно хмыкнул:

— Вполне подходящее для нее занятие. Мне бы это и в голову не пришло.

— Очень остроумно, согласен. Но все же, боюсь, мисс Форчун не подойдет. — Хью освободил колено друга и жестом показал ему повернуться к нему бедром. — Она... странная. Совсем не то, что я ожидал.

Родерик поднял колено немного выше, свернул его влево и вздохнул от усилия. Работа с этой стороной была легче.

— Сам Шербон далек от того, чтобы его можно было назвать нормальным, Хью.

— Это правда, но я беспокоюсь не о ней. Она наглая. И весьма болтлива.

— Может, она чем-то напоминает тебя самого? Хью фыркнул:

— Она требует встречи с тобой после каждого нашего неблагоприятного разговора.

— Это не так уж и странно, — заметил Родерик. — Разве все кандидатки не высказывали такого же желания? Увидеть мужчину, за которого они выйдут замуж?

— Да, было такое, — терпеливо согласился Хью. — Но мне кажется, мисс Форчун действительно имеет это в виду.

Гордость Родерика была слегка уязвлена, но он постарался не обращать на это внимания. Хью был честным и прямолинейным, и Родерик ценил эти качества в друге во всех остальных аспектах их совместной жизни в Шербоне. Он говорил себе, что не может разбираться и решать, когда Хью был и когда не был честным и откровенным.

Родерик не считал себя жеманной девицей, которая требовала, чтобы правда подавалась в меду.

— Где она сейчас? — спросил Родерик, желая сменить тему разговора, чтобы не впасть в один из приступов черной меланхолии.

— Она во дворе с Лео, собирает цветы и поет, — насмешливо сообщил Хью. — Я бы не позволил этого, но малыш был очень настойчив. Сомневаюсь, что мисс Форчун допустит хоть какую-то угрозу в отношении его после моей утренней головомойки, — она была достаточно наказана. И то, что Лео с ней, дает мне хоть небольшую передышку. Итак, я говорю: пусть Шербон немного отдохнет. После происшествия с Харлисс мисс Форчун не может остановиться — приказала все вычистить, вымыть, вставить в подсвечники новые свечи! — Хью покачал головой и хмыкнул: — Есть такая вещь, как сверхувлечение.

Родерик крикнул, но держал язык за зубами до конца растяжения — физической нагрузки, которую от него каждый день требовал его друг. Микаэла Форчун заинтриговала его, и он проклинал свое телесное уродство, мешающее ему увидеть девушку при свете дня. У него было мало надежды, что она останется, но ее так называемое сверхувлечение грело его сердце, и Родерик не хотел делать что-то, что может испугать ее и заставит покинуть замок. Ему хотелось лучше выглядеть, обрести большую подвижность, и чтобы шрамы не так

сильно уродовали его. Может быть, если свет за вечерней трапезой будет слабым, он придет в капюшоне...

Но нет. Это может испугать ее еще сильнее. Ему просто не остается ничего иного, кроме как ждать.

Мысленно он представлял себе ее, но при воспоминаниях о ее приезде и его ночных вылазках...

— Я думаю, это хорошо, что она стремится проводить время с Лео, — сказал Родерик, когда Хью помог ему подняться с пола и добраться до кресла. — Какая из тебя няня, Хью!

— Мы отлично ладим друг с другом, — возразил Хью.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал Родерик, принимая кубок с вином и добавленными в него растолченными сухими травами, помогающими преодолеть жесткость в суставах и боль, которые он постоянно испытывал после ежедневных пыток, в которые превращались физические упражнения с Хью. — И я вовсе не обвиняю тебя в том, что ты плохо заботишься о ребенке. Но твое поведение при общении с некоторыми лицами оставляет желать лучшего. Ты вынужден был отбиваться от женщин в Константинополе — как ты развлекаешься здесь?

— И ты собираешься читать мне проповеди по поводу моих возлюбленных? — спросил Хью. — Кроме того, ты забываешь пир в Торнфилд-Мэноре, в тот вечер я прекрасно со всем справился. — Он подмигнул Родерику, и тот рассмеялся:

— Ты прав, Хью. Мне следовало помнить об этом. — Некоторое время он сидел, глядя в свой кубок и ожидая, когда наступит ощущение теплоты и приятного возбуждения. Возможно, были и другие средства, чтобы улучшить его физическое состояние. Может быть, надо больше работать над собой, больше двигаться. — Что, если я увеличу число моих упражнений, как ты думаешь, Хью? — неожиданно спросил он, пока его не покинуло приподнятое настроение. — Не стану ли я тогда лучше двигаться?

Хью вытаращил глаза:

— Ты шутишь? Рик, это как раз то, что тебе нужно! Я уже думал о несколько иных упражнениях, которые мы могли бы делать помимо растяжек, которые показала нам Аурелия, — то, что действительно подходит твоему статусу! — Хью отставил свой кубок и встал на одно колено рядом с креслом Родерика. — Мы можем воспользоваться практикой рыцарей!

— У нас здесь есть рыцари?

— Нет, конечно, нет, — ответил Хью и махнул рукой в сторону: — Но в солдатских казармах сохранились кольца, манекены, деревянное оружие! Можно было бы...

— Хочешь заставить меня играть с детскими игрушками? — Родерик нахмурился.

— Ты только подумай, Рик! Чем легче вес, тем проще упражнения — твое тело знает, как обращаться с этими предметами, нам только нужно укрепить его!

Родерик задумался, и чем больше он размышлял над предложением друга, тем разумнее казалась ему эта идея. Маленький сумасшедший пузырек возбуждения зародился в нем, но он узнал его и заставил лопнуть.

В Шербоне не было места надежде.

Хью сжал его плечо:

— Так что скажешь, Рик? Ты позволишь мне забрать оттуда реквизит?

— Да, вынеси его, но только не размещай все это на месте наших тренировок. Я не хочу, чтобы кто-то...

— Разумеется, — поспешил успокоить его Хью. — Я прикажу, чтобы их отнесли...

— Нет-нет, ты принесешь их сам, Хью. Ночью.

— Да-да, понятно. А где мы их...

Но Родерик уже знал самое лучшее место для его детских, причиняющих такую боль, унижительных занятий, прежде чем его друг мог закончить свой вопрос. С этого места, он был уверен, его отец мог наблюдать за тем, как его сын отвоевывал жизнь, которую Магнус всячески старался разрушить.

— Принеси их на площадку на бугре, возле конюшен.

* * *

— И они проскакали весь путь до Лондона! — Микаэла закончила песенку, хлопая в ладоши, и Лео с восторгом присоединился к ней.

— Ишо! — потребовал малыш с прелестной улыбкой на лице.

— Еще? Но, Лео, мы уже спели ее раз десять.

— Ишо — нет? — Он потер носик, и затем, словно мысль только что пришла в его маленькую головку, он схватил пучок пожухлой травы и помятых стеблей и сунул его Микаэле. — Сеты?

Микаэла рассмеялась:

— Думаю, на сегодня мы собрали достаточно цветов. — Пожухлая зелень в его руках была не чем иным, как сорняками, — все, что сохранилось, когда на землю опустилась зима, — но сбор их доставлял мальчику такую радость, что Микаэла почувствовала, как тяжелая ноша ее пребывания в Шербоне становилась значительно легче от одного присутствия Лео рядом. Само существование мальчика поначалу было шоком, но маленький сын лорда очаровал Микаэлу, и ей не хотелось с ним расставаться. — Может быть, мы сможем погулять завтра, с разрешения сэра Хью, разумеется, как ты на это смотришь? Но прямо сейчас я должна вернуться в замок. У меня много дел, которыми я должна заняться, а ты наверняка уже проголодался.

Мальчик погрузился, но только на минуту, неожиданно он вскочил и побежал мимо нее босиком с криком: «Коп! Коп!»

— Коп? — переспросила Микаэла и увидела, как Лео бросился навстречу полной фигуре в коричневой сутане.

Коуп. Это был брат Коуп, человек, с которым Микаэла была хорошо знакома и которого видела совсем недавно на помолвке Алана Торнфилда и леди Джульетты.

Она надеялась избавиться от тех воспоминаний. «Что святой человек делает в Шербоне?» — с ужасом подумала она.

Лео приник к его ногам, и добрый человек засмеялся и погладил мальчика по голове.

— Добрый день, Лео. Что ты делаешь здесь один? Где сэр Хью?

— Нет Хью. Эди Микэ-а! Вали сеты! — сообщил Лео, протягивая свой букет брату Коупу и указывая в сторону Микаэлы.

Монах позволил малышу взять его за руку и потащить ближе к девушке. Микаэла внутренне застонала от полной сострадания улыбки, появившейся на лице брата Коупа.

— Добрый день, леди Микаэла. Оказывается, слухи, доходившие до меня, соответствуют действительности, как это ни печально.

— Добрый день, брат Коуп. Приятно вновь видеть вас. — Что было абсолютно не так. — Что за дело привело вас в Шербон? — спросила она, стараясь избежать темы ее

собственного пребывания здесь.

— Никакого дела, дитя мое. Просто я наконец вернулся домой. Так как Шербон — древнее поместье, здесь местонахождение моего пастырства.

— О, я этого не знала, — заметила Микаэла, внутренне содрогнувшись. Ей хотелось закричать, сжать кулаки и топнуть ногой. Теперь она регулярно будет сталкиваться с убийственными воспоминаниями о помолвке Алана и собственном унижении. — Тогда добро пожаловать домой.

— Благодарю, миледи. Могу я присесть? — Монах указал на плоскую кучу сухой травы, недавно собранной Лео, словно просил разрешения отобедать за столом лорда.

— Конечно, — сказала Микаэла, хотя Лео уже тянул его обеими ручками на землю.

— Коп, сять — Эо вать сеты! — И он отошел в сторону, внимательно рассматривая все растения, хотя бы отдаленно напоминающие цветы.

Микаэла и брат Коуп несколько минут молча сидели рядом, наблюдая за малышом.

— Микаэла, дочь моя, во имя Господа нашего, что ты делаешь здесь, в Шербоне? — спокойно спросил монах.

— Что я здесь делаю? — так же спокойно повторила Микаэла, водя ладонью по хрустящей под боком траве. — Что я здесь делаю? Ну что ж, я надеюсь, что спасаю моих родителей от нищеты, вот что я делаю. Так как недавно меня освободили от моих обязанностей в Торнфилд-Мэ-норе. О чем вы, разумеется, знаете.

— Тебя не освободили от твоего положения в Торнфилд-Мэ-норе, — мягко возразил Коуп. — Я только сейчас из Торнфилд-Мэнора, и у тебя там по-прежнему есть дом, если ты пожелаешь вернуться. Шербон не место для тебя, а Родерик не тот человек, на которого можно положиться.

При упоминании Торнфилд-Мэнора у Микаэлы сжалось сердце.

— Почему? Что, я в самом последнем ряду знати на здешней земле? Глупенькая мисс Форчун недостойна такого знатного дома, как Шербон? У лорда Родерика слишком возвышенные запросы? — Она знала, что слова прозвучали так, словно она защищалась, но это ее не беспокоило.

— Вовсе нет, — поспешил ответить монах. — Ты очень особенная, дитя мое. Я знал это с самого твоего рождения. Но это место... — Он замолчал, оглядел заброшенный пустырь, и Микаэла поняла, что он видит перед собой обвитые вьющимися растениями древние стены, ощущает мрачную атмосферу этого места. — Это место наводнено призраками, за неимением лучшего слова. Много печальных и жутких вещей случалось в Шербоне. И Родерик — он не всегда был таким жестким человеком, как сейчас. До того как он отправился в паломничество, мы все связывали наши надежды с тем днем, когда он займет место отца. Тогда он был приятным и добрым. И всегда справедливым — на словах и на деле. Но, боюсь, сейчас он стал похож на отца в своих действиях и манере правления, поэтому мало надежды на то, что что-то может его изменить. Он весь в шрамах, и не только от физических ран.

— Я не знала Родерика Шербона до того, как приехала сюда, и никогда не встречала его отца. Поэтому воздержусь от оценки лорда Родерика, пока сама не узнаю его достаточно хорошо.

— Но, моя дорогая, — настаивал Коуп, — столько женщин, много опытнее тебя, осмелюсь заметить, попытались и... сбежали. Их было...

— Девяносто шесть, если быть точной, — беззаботно закончила его фразу Микаэла,

срывая маленький, грубый, засохший листок с ветки и растирая его большим и указательным пальцами. — Я девяносто седьмая.

Некоторое время отец Коуп сидел молча.

— Твои родители беспокоятся о тебе. Особенно отец. Он знал Магнуса Шербона...

— Но Магнус Шербон умер, брат, — прервала его Микаэла. — И до сих пор у меня все шло хорошо. Для моих родителей и для меня нет иной надежды в этой жизни.

Коуп достал что-то из кармана сутаны.

— Может быть, это поколеблет твою решимость, дитя мое? — Он протянул собеседнице сложенный листок бумаги.

Ей не хотелось брать его, но все же она взяла письмо в руки и осторожно развернула его. Ее горло сжалось при взгляде на знакомый, изящный почерк Элизабет Торнфилд.

Дорогая Микаэла!

Почему ты уехала? Мне так грустно. Леди Джульетта ужасная. Я ненавижу ее. Пожалуйста, возвращайся домой. Пожалуйста.

Элизабет Торнфилд

Микаэла смахнула слезы, сложила письмо и вернула монаху.

— Ты не хочешь его сохранить? — спросил он, округлив глаза.

— Нет. Благодарю. — Она приложила к носу тыльную сторону ладони, не заботясь о хороших манерах. — Лорд Алан, вероятнее всего, будет недоволен тем, что его дочь послала мне это письмо. Полагаю, вы прочли его?

— Да, прочел. Сомневаюсь, что лорд Алан возразил бы, — он благословил меня на то, чтобы я передал его тебе.

Грудь Микаэлы наполнилась гневом при мысли о манипуляциях лорда Алана.

— Я постараюсь забыть о том, что прочла его. И если вас еще раз попросят что-нибудь передать мне, пожалуйста, не делайте этого.

— Микаэла...

— Лео, — позвала малыша Микаэла. Лео повернулся к ней. — Пойдем, нам пора возвратиться в замок.

Брат Коуп тоже поднялся на ноги.

— Не осуждайте лорда Алана за его выбор, Микаэла. Он сделал то, что считал наилучшим для всех обитателей Торнфилд-Мэнора.

— Несомненно. Вот почему меня больше нет в Торн-филд-Мэноре. — Лео бросился к Микаэле, уцепившись за ее юбки. Она взяла его за ручку и направилась прочь от Коупа, бросив ему: — До свидания, брат.

— Сиданя, Коп! — Лео обернулся, чтобы сказать слова прощания и помахать через плечо монаху. Затем его тоненький голосок, казалось, устремился вверх. — Эди Микэ-а пачет?

— Нет, Лео. — Микаэла шмыгнула носом и не посмотрела вниз, на мальчика, чтобы он не заметил ее слез. — Соринка попала в глаз, вот и все.

Что-то сильно огорчило мисс Форчун, и Родерик не мог не думать о причинах этого, так как совершенно точно был уверен, что это не из-за него.

Она плакала, пока наконец не уснула; это было заметно почти при полном отсутствии света в ее спальне, когда он смотрел на застывшую фигуру на постели через щель в балдахине над кроватью. Ее лицо на подушке было повернуто к нему, она лежала на самом краешке постели, сжимая в ладони покрывало. Тусклый свет из отдаленного окна освещал ее щеки и волосы, этого было достаточно, чтобы увидеть, как она плачет.

Так как Родерик был обречен проводить большую часть времени ночью, у него развилась необычная способность видеть в темноте.

Тихо пробираясь по спальне, он не увидел никакого свидетельства ее горя вокруг, в комнате, которая была его пристанищем в детстве. Все стояло на своих местах, ничто не было разбросано в приступе гнева или отчаяния. Возможно, все дело в атмосфере полной безнадежности, царившей в комнате, которую Родерик всегда ненавидел, но ему не приходило в голову, что те же чувства испытывает и Микаэла. Хотя она была явно несчастна.

Ему очень хотелось, чтобы девушка обрела здесь свое счастье. Но он не знал, как этого достичь. Никто никогда не был счастлив в Шербоне, за исключением его отца, но тот был демоном, который черпал счастье только в несчастьях других.

Вероятнее всего, он умер, впад в транс.

Родерик воспользовался моментом и склонился над кроватью, его правая нога не сгибалась, лицо находилось лишь в футах от спящей мисс Форчун. С того момента как девушки начали приезжать в Шербон в надежде выйти за него замуж, он ни разу не воспользовался секретной дверью своей прежней детской. Но с тех пор как он впервые увидел Микаэлу Форчун, он чувствовал, что не может оставаться вдали от новой претендентки. Хотя Родерик опасался встретиться с ней лицом к лицу, чтобы, увидев его, она в ужасе не сбежала из замка, как многие девушки, незаметно наблюдал за ней, пытаясь по крупицам добыть сведения, которые помогли бы ему удержать ее в Шербоне.

Раны, казалось, превратили его в дикого зверя, коим его и считали окрестные жители, — его ночное зрение было превосходным; слух, несмотря на временную глухоту на одно ухо, был острее, чем у летучей мыши; обоняние было таким тонким, что он мог с закрытыми глазами отличить лист дуба от листика березы. Он ощущал аромат Микаэлы с того места, где склонился над ней, — свежий аромат, словно исходящий от вереска, на который только что наступили ногой, и глубоко чувствовал ее печаль. Аромат был сладкий, но довольно грустный, что вызвало у него в голове ассоциацию с мокрым сеном, сложенным в конюшне и благополучно забытым.

— Так что же случилось? — выдохнул он, и его великолепный слух едва отметил произнесенные слова.

Но она пошевелилась, пробормотав что-то во сне, и даже в этих звуках слышалось отчаяние.

Родерик подождал, пока девушка затихнет, затем выпрямился. Он искушал свою удачу — ха! — оставаясь здесь и даже едва решаясь дышать в ее присутствии. Проснись она и обнаружив его — человека-зверя, покрытого шрамами, с искаленным телом — черное

чудовище, — она наверняка придет в ужас. Родерику стало стыдно.

Он проскользнул за отполированную скрытую дверь в небольшую комнатку, ведущую в коридор его собственного крыла.

Минула неделя, и хотя Родерик продолжал совершать свои ночные визиты к мисс Форчун, о чем, разумеется, она не догадывалась, он испытал огромное облегчение, обнаружив что она больше не засыпает в слезах.

Каждый раз он застывал над ней на пару минут, пытаясь почувствовать ее, понять душой и телом, словно это могло помочь ему проникнуть в ее печальную душу. Он размышлял о мотивах, связанных с ее приездом и пребыванием в Шербоне, в то время как никакая другая женщина не была в состоянии вынести жизнь в замке или его владельца. Он не мог прочесть скрытые тайны на ее спокойных закрытых веках, но каждый визит разжигал желание Родерика узнать ее, и эта ночь не была исключением.

Когда Родерик вернулся в свои покои, его ждали Хью и Лео, и как только Родерик распахнул дверь, Лео вскочил с ковра, на котором они расположились, и побежал приветствовать его.

— Добый вечел, Вод-вик, — сказал Лео, замерев на месте, прежде чем успел упереться в ноги вошедшего, но его улыбка была широкой и радостной. Он оглянулся, через плечо на Хью, словно ища одобрения, и Хью кивнул и подмигнул мальчику:

— Добрый вечер, Лео. Как прошел день?

— Холосо! Эди Микэ-а не лвала сеты и не пеа сеодня — деа-деа. Но нет похой Халис.

Родерик кивнул. Может быть, именно Лео огорчил леди Микаэлу несколько дней назад? Может быть, мальчик сказал ей что-то не то? Ее загадочные слезы не давали Родерику покоя.

— Леди Микаэла довольна тем, как вы гуляете вдвоем? — спросил он мальчика.

Лео кивнул:

— Што-то попао газ. И потом — пать. Вод-вик игать содаты с Эо и Хю? — Малыш неуверенно протянул ручку, словно желая взять Родерика за рукав.

— Не сегодня, Лео. — Родерик внутренне сжался, когда ручка Лео замерла в воздухе, и он тут же спрятал ее за спину. — Я должен поговорить с сэром Хью, а затем пойду спать. Тебе тоже пора.

Лео стоял, глядя в пол. Он медленно кивнул, затем повернулся и бросился обратно к коврику, где упал среди разбросанных здесь деревянных игрушек спиной к Родерику. Хью протянул руку исполнявшись, потрепал волосы мальчика.

— Можешь еще немного поиграть, Тошнилка, потом отправимся спать.

— Холосо, Хю.

Родерик сел в свое кресло, Хью подтащил другое кресло к нему.

— Похоже, наша мисс Форчун получила письмо.

— От кого? Я не видел сегодня никого из посторонних.

— А как ты мог увидеть? Ты не выходишь из комнаты до наступления темноты, когда все уже покинули замок.

Родерик пожал плечами.

— На самом деле письмо пришло на прошлой неделе, когда Коуп вернулся из Шербона. Он принес с собой записку от дочки Торнфилда, Элизабет.

Ах, так вот в чем дело!

Родерик ни за что не признался бы, даже Хью, о своих тайных путешествиях в свою

бывшую детскую, и поскольку знал, что Хью не умел хранить секреты, изобразил полное отсутствие интереса к сообщению друга.

— Микаэла, разумеется, обрадовалась, — сказал он таким тоном, чтобы не был слышен сарказм.

— Они хотят, чтобы она вернулась.

На мгновение рука с кубком, которую Родерик подносил ко рту, замерла. Но он надеялся, что Хью этого не заметил.

— Да? — Он выпил.

— М-м-м... Похоже, Торнфилд был немало удивлен, что мисс Форчун оставила его усадьбу и имение таким образом. Очевидно, он хотел поговорить с ней, прояснить кое-что.

— Что ж, тем хуже для него, не так ли? — Родерик помедлил. — Значит, она собирается обратно?

— Нет. Так она сказала мне и брату Коупу. Говорит, что не уедет, пока ты не выгонишь ее.

Родерик затаил дыхание.

— Очевидно, ее семья находится в крайне тяжелом положении, а ее гордость так ущемлена, что она не примет Алана Торнфилда даже на золотом блюдечке. Она намерена завоевать тебя.

Родерик вспомнил, как Лео рассказывал, что леди Ми-каэле что-то попало в глаз, после чего она легла спать. Что бы ни содержалось в письме от той девочки из Торнфилд-Мэнора, видимо, именно оно так огорчило Микаэлу.

— Почему ты рассказал мне об этом только сейчас, Хью? — рассердился Родерик. — Ведь ты обожаешь сплетничать...

— Я только предупреждаю тебя, — мягко сказал Хью, потягивая вино из кубка, который было отставил в сторону, когда привел Лео, чтобы поиграть с ним перед сном. — К тому же я сам узнал об этом только сегодня. Если Торнфилд будет давить на нее, а мисс Форчун, я подозреваю, питает к нему теплые чувства, она не выдержит и уедет.

Родерик пробормотал что-то, сердце громко стучало в груди.

— Чтобы прожить свои дни как няня? — усмехнулся он.

— Нет, Рик, как его любовница, — объяснил Хью, словно подобное положение девушки вовсе не обескуражило его. — Или как пожелает мисс Форчун. Помимо того, что она умеренно хорошенькая, если ты любишь тип бледных пастушек, ты не единственный, кто следит за текущими днями, остающимися до твоего тридцатилетия. Похоже, твой дорогой кузен попытается уговорить и увести мисс Форчун, лишь бы ты не унаследовал Шербон.

— Это смешно, — заявил Родерик и пристально посмотрел на друга: — Ты не находишь?

Хью пожал плечами:

— Осмелюсь сказать, что не удивлюсь, если будут прибывать другие письма. Затем последуют подарки, менестрели и тому подобное. — Он махнул рукой, словно тема утомила его.

— Отныне никаких записок — для всех в Шербоне, — пока они не пройдут через мои руки. Я буду просматривать всю корреспонденцию.

— Мисс Форчун оказалась на шаг впереди тебя в этом деле, Рик, — сообщил Хью. — Ее уязвленное самолюбие уже возобладало, она запретила брату Стоуну приносить ей записки из Торнфилд-Мэнора.

— Отлично! — Родерик чувствовал себя крайне неуверенно. — Нам надо поскорее усложнить наши упражнения, ты согласен? Может быть, если я почувствую себя достаточно крепким...

— Думаю, это наилучший выход. И кто знает? Возможно, тогда ты не оттолкнешь мисс Форчун своим видом.

— Спасибо, друг, — поблагодарил Родерик, насмешливо вскинув бровь.

— Ну, Рик, брось — ты же знаешь, я не это имел в виду. — Хью протянул руку и положил ее на предплечье Родерика, но тот сбросил ее. — Это только то...

— Я знаю, Хью. — Родерик наклонился и начал вечернюю борьбу с сапогами. — Я утомился. Ты перенесешь солдатские игрушки сегодня ночью?

— Да. Как только Лео...

— Отлично. Спокойной ночи, Хью.

Хью посидел еще минуту, словно хотел сказать что-то еще, но, увидев свирепый взгляд Родерика, раздумал, лишь вздохнул:

— Хорошо, Рик. — Хью поднялся и поставил свой кубок на тумбочку. — Пойдем, Личинка. Ночь-ночь, волки прочь. Пожелай доброй ночи Родерику.

Лео неохотно поднялся с пола и подбежал к Родерику, который должен был бросить развязывать шнурки сапог и удержать шалуна, чтобы тот не врезался в него. Когда он схватил Лео за плечи, тот воспринял это как объятия и обвил ручонками шею Родерика.

— Покойной очи, Вод-вик. До завта.

— Спокойной ночи, Лео. — Родерик испытал неловкость, когда мальчик повис на нем. Не говоря ни слова, он похлопал Лео по хрупкой спине, прежде чем оторвать его от себя. — Теперь беги, — проворчал он.

Хью стоял у двери, со странной улыбкой на губах. Он вытянул руку, направляя Лео, когда тот промчался мимо него. Малыш всегда бегал с максимальной скоростью.

— О, я почти забыл, — сказал Хью, обращаясь к Родерику, затем выглянул в коридор: — Лео, остановись! Жди меня. Не двигайся с места.

Хью вошел в комнату и приблизился к креслу Родерика, запустив руку в карман своей нарядной туники. Он извлек оттуда сложенный листок пергамента.

— От самой мисс Форчун. Я ей сказал, что тебе это не понравится, но она слушать ничего не желает, делает все по-своему. — Хью протянул сложенную записку Родерику, отдал ему честь и покинул комнату.

Оставшись один, в замешательстве от неожиданного объятия Лео и нежданного письма от женщины, за которой он только что шпионил, Родерик некоторое время сидел, устремив взгляд на послание. Затем глубоко вздохнул и раскрыл его.

Милорд,

Мне представляется неподобающим, что я беру на себя роль хозяйки Шербона без ваших указаний относительно некоторых дел. Мое самое искреннее желание — чтобы мы должным образом познакомились и смогли обсудить некоторые аспекты моих обязанностей. Я буду ждать вас в большом зале в полдень, так как сэр Хью сообщил мне, что вы не выносите утро.

С уважением, Микаэла Форчун

Родерик несколько раз прочитал записку. Никто, кроме Хью, не осмеливался требовать

чего-то от него, и почти час, пока он боролся с сапогами и избавлялся от тяжелых одежд, Родерик кипел от злости. Такой дерзости он от нее не ожидал. Но потом вспомнил залитое слезами лицо в лунном свете, письмо девочки из Торнфилд-Мэнора, которая умоляла Микаэлу вернуться, сообщив старому монаху, как отчаянно желают ее возвращения, и Родерика охватили сомнения.

Если бы он встретился с мисс Форчун при свете дня, вскоре после ее приезда, вероятнее всего, она тут же упаковала бы свои вещи и к закату уже оказалась бы в Торнфилд-Мэноре.

Но если он откажет ей во встрече, скорее всего он столкнется с таким же концом. Как долго могла раненая птичка, какой он воображал ее, ютиться на холодной железной жердочке? Особенно когда ее ожидало уютное гнездышко? Родерик помнил, что она не встретила радушно-то приема в Шербоне, его не оказали ни слуги, ни Хью, ни тем более он сам. Возможно, она находила немного радости в Лео, но ведь он всего лишь ребенок. От него нельзя было ожидать, чтобы он нес на своих маленьких плечиках весь Шербон.

«Ты тоже был ребенком, — напомнил ему тихий голос. — Кто заботился о тебе в детстве? Не твой отец. Не Харлисс. Не твоя бедная, рано умершая мать». Но он заглушил этот голос, словно закрыл за ним черную дверь, за которой жил.

Если Алан Торнфилд разбил сердце Микаэлы Форчун и если она была столь невыносимо твердолюба, как рассказывал Хью, Родерик не думал, что она вернется к его кузену достаточно скоро. Кроме того, мисс Форчун должна была узнать, что никто не может управлять Щербон-ским дьяволом. Ни сейчас, ни в будущем.

Ей придется подождать его завтра в полдень.

Это было странное чувство — сидеть в огромном зале за столом лорда в полном одиночестве. С прибытием Микаэлы десять дней назад комната начала выглядеть значительно лучше: в дальнем углу уже не было груды столов, скамеек и кресел. Мебель вытащили, отполировали и расставили. В центре каждого стола стоял канделябр, ожидающий, чтобы в нем зажгли свечу, а по краям стояли маленькие горшочки с лавандой и розмарином. Пол не только подмели, но и вымыли, и воздух в комнате слегка напоминал влажную пещеру — запах не был неприятным, но все равно Микаэла вздрогнула, словно вспомнила какой-то старый кошмарный сон.

В квадратном открытом очаге горел огонь, поленья потрескивали и были уложены так, чтобы в нужный момент огонь мог разгореться. Она заказала новые ткани, чтобы украсить побеленное пространство между старинными фресками на стенах, но они будут готовы только через несколько недель. Она была довольна уже тем, что больше не приходилось смотреть на свисавшую со стен паутину, мрачные гирлянды мертвых виноградных лоз и черные пятна старой копоти.

Итак, большой зал постепенно восстанавливался, обретая, как подозревала Микаэла, свое прежнее величие — он был чистым, опрятным и в нем приятно пахло. Наступил полдень, по крайней мере так думала Микаэла. Около часа Микаэла сидела за столом, тщетно ожидая появления Родерика Шербона. Он не прислал ответ на ее послание — ни да, ни нет, поэтому она собрала весь свой оптимизм и терпеливо ждала. Она должна поговорить с ним — о своих обязанностях, их общем будущем, сэре Хью, Лео... обо всем. Она искренне гордилась собой, пробыв в замке гораздо дольше всех прибывавших в Шербон предыдущих женщин. Теперь она чувствовала, что настало время получить аудиенцию у самого лорда, владельца всех земель в округе. Это вовсе не было неразумной просьбой, и она считала, что вполне достойна этого после того ада, который устроили ей обитатели Шербона.

И вот она сидела одна, не отрывая глаз от двери, откуда ожидала его появления, пока секунды превращались в минуты, а минуты переходили в длинный, напряженный час. Слуги проходили по залу быстрыми, деловитыми шагами, двое даже осведомились, не нужно ли ей чего. И все же Микаэла начала чувствовать себя довольно глупо, сидя в зале в одиночестве, без всякой видимой цели.

Что ей делать, если он вообще не придет? Проигнорирует ее просьбу. Покинуть Шербон? А потом? Вернуться домой, на их скромный участок земли, и ждать, когда ее семью выбросят с него?

Вернуться в Торнфилд-Мэнор? К Алану, к милой Элизабет? Как она скучает по ним здесь, в мрачном, огромном замке, полном теней из прошлого!

Ее внимание привлек звук дверных петель, но не со стороны коридора, куда был устремлен ее взгляд. Главная входная дверь в зал отворилась за ее спиной, и она обернулась, удивляясь изменению в привычках Родерика Шербона — появиться в доме и во дворе до наступления темноты. Микаэла испытала странную смесь страха и облегчения, что наконец встретится со своим женихом.

Но вместо искривленного чудовища, каким она его себе представляла после всех слухов, в зал вошел весьма крепкий мужчина, светловолосый, усатый, снимая на ходу мокрый от.

дождя плащ. Красивый мужчина, с твердым подбородком и прикованными к ней глазами.

Это был Алан Торнфилд.

— Немедленно собирайте вещи, — обратился он к ней, даже еще не подойдя к ее столу, до удивления сердитым голосом, какого она никогда не слышала от него. — Если вы поторопитесь, мы сможем вернуться в Торнфилд-Мэнор до наступления темноты.

Какой-то момент Микаэла сидела, тупо глядя на него, не веря, что это он стоял в зале замка Шербон. В то же время она была счастлива видеть его.

— Что вы здесь делаете? — едва слышно спросила она.

— Не будьте смешной, Микаэла, — я приехал забрать вас домой. Так что поторопитесь. — Он обошел стол, приблизился к ней, сжал ее руку своими теплыми, сильными пальцами и привлек к себе. — Пойдемте, где ваша комната?

Но затем воспоминание о том, когда она видела Алана в последний раз, обрушилось на нее, и Микаэла вырвала руку, причем лорд Алан сделал еще пару шагов, прежде чем обнаружил, что больше не удерживает ее.

— Я не сделаю ничего подобного! Вы слишком много берете на себя, милорд, если думаете, что я составлю вам компанию в ваших путешествиях куда бы то ни было, особенно в Торнфилд-Мэнор, чтобы находиться рядом с вашей новой женой.

Алан воздел руки к небу:

— Так именно поэтому вы и убежали! Микаэла в изумлении взглянула на него:

— А почему же еще? И я не убежала, я просто покинула ваш дом! После унижительного удара, который вы нанесли мне перед обитателями всех окрестных земельных владений, как вы можете меня обвинять?!

— Нет, вы именно убежали, не дав мне возможности объясниться, даже не попрощавшись со мной, как того требуют приличия!

— О! — вскрикнула Микаэла и вскочила на ноги. — И это вы, кто говорит со мной о приличиях? И всерьез? Вы соблюдали приличия, когда решили жениться на той ужасной женщине и привести ее в наш дом, без малейшего намека на это мне или вашей дочери?

Алан бросился к ней, глаза его горели.

— Я сделал то, что должен был сделать для нас — для вас! — продолжал настаивать он, стуча костяшками пальцев по крышке стола. — Да, леди Джульетта убедила меня в разумности этой схемы, должен признаться, ее денежные средства именно то, что спасет Торнфилд-Мэнор! Если бы я взял в жены вас, а Родерик женился, кто бы тогда платил наши налоги? Счастливое кольцо, которое вы носите на шее? Оно золотое? Или серебряное?

Микаэла буквально рассвирепела и была так оскорблена, что не могла сразу дать достойный ответ незваному гостю, и Алан продолжил:

— Нет. Ничего подобного. И затем Родерик потребует полагающиеся ему сборы, так как это его право, и что бы тогда с нами стало, Микаэла? Нас выбросили бы из Торн-филд-Мэнора. Без единого пенни. Кто бы тогда заботился о нас, поддерживал нас? Кто позаботился бы тогда о ваших родителях? О моей Элизабет? А теперь мы свободны, и тень нищеты никогда больше не будет преследовать нас! Все, что вам нужно сейчас, — это вернуться домой. Поедьте со мной, Микаэла.

— Я не могу — я не буду любить мужа другой женщины.

— Значит, вы предпочитаете не меня, а Родерика? Изуродованного зверя вместо человека, который женится на вас лишь от безнадёжности своего положения?

— Разве не поэтому вы женились на Джульетте? От отчаяния? Или вы влюблены в нее?

— Это совсем иное.

— Ничего подобного. Алан покачал головой.

— На деле это совсем иное, — спокойно заявил он. — Я знаю вас, Микаэла. В отличие от всех, кто ходит по этой земле, я знаю вас, понимаю вас...

— Прекратите!

— ...ваше сердце. Родерик, сколько бы он ни пытался, никогда не сможет заботиться о вас так, как я.

— Вы правы. Он никогда не будет заботиться обо мне так, как намерены вы, потому что он собирается жениться на мне! Вам не известно, Алан, что это значит — жить на грани признания, когда тебя никуда не приглашают, невзирая на то, кто или что ты есть. Согласна, Родерик Шербон, вероятно, выбрал бы любую другую из женщин, которые приходили в его дом, если бы они там остались. Но ни одна из них не сделала этого, а я сейчас здесь, в Шербоне, и верю, что для этого есть причина. Только это и имеет для меня значение.

— А как же Элизабет? Неужели вы захотите наказать ее за грехи отца? Невинную девочку, которая любит вас, как не любила ни одну из женщин, кроме матери?

— Уходите.

— Что я скажу ей, Микаэла? Что вам нет никакого дела до нас, что вы предпочли Шербонского дьявола?

— Немедленно уходите!

— Она любит вас. И. я знаю, что вы любите меня, — я вижу это по вашим глазам. — К ее удивлению, Алан неожиданно упал перед ней на колени и взял ее руку в свои ладони. — Пожалуйста, Микаэла. Пожалуйста. Умоляю вас. Поедьте со мной в Торнфилд-Мэнор.

Микаэла смотрела вниз, на красивое лицо, к которому так привыкла, чьи черты расплывались от слез в ее глазах. Разве не этого она всегда хотела и ждала от Алана? Признания в любви, мольбы вернуться в Торнфилд-Мэнор?

— Вы хотите меня только потому, что я здесь, Алан, — прошептала Микаэла. — Дело не в том, какие чувства вы или Элизабет испытываете ко мне в действительности, — все дело в Шербоне. Только в Шербоне, как и было всегда.

Алан нахмурился и открыл было рот, но прежде, чем он успел заговорить, грубый смех, похожий на лай, позади него заставил Микаэлу поднять глаза, из которых полились слезы.

Сэр Хью Гилберт покачивался на каблуках, сцепив за спиной руки.

— Как трогательно! Он избежал поднесения подарков и баллад менестрелей и сам пришел торговаться в твой дом, Рик. Я признаю свою ошибку.

Рядом с Хью стояла огромная скрюченная фигура в длинном черном плаще с накинутым на голову капюшоном, словно огромная старуха-смерть, пугающая и опасная. Ей не хватало только блестящей косы и светящихся красных глаз.

Микаэла поняла, что это Родерик Шербон, которого она видит впервые с момента прибытия в замок, и у нее перехватило дыхание.

Значит, он не проигнорировал ее приглашение.

Родерик пропустил мимо ушей язвительные слова Хью, захваченный видом своего физически безупречного кузена — его соперника в борьбе за Шербон и теперь, совершенно очевидно, за Микаэлу Форчун, — стоящего на коленях перед женщиной в его собственном зале.

На Микаэле было то же платье, что и в день ее приезда, ее руку все еще сжимал удивленный и глупо выглядевший Алан Торнфилд. По ее щекам текли слезы.

«Говори же, дурак!» — приказал он себе.

Однако стоявший на коленях мужчина опередил его. Он встал и повернулся к Родерику, и шок на его лице, пока его глаза открыто скользили по фигуре кузена, был унизительно откровенен. Затем Алан отвел глаза и сухо поклонился:

— Лорд Шербон, прости мне это вторжение.

— Нет, не прощу, — заявил Родерик. — Что за дело привело тебя в Шербон?

Хью простер руку между двумя мужчинами:

— Лорд Алан, пожалуй, пришел заплатить то, что должен тебе, Рик! Ну, конечно же, почему еще человек, который в долгу у своего сюзерена, рискнет приблизиться к владениям своего господина? Ведь не сумасшедший же он! Родерик прекрасно понимал, что все было не так, понимал это и Хью. Но на этот раз Родерик был склонен поддержать детскую подначку друга:

— Оставь деньги и уходи, — сказал Родерик. — Я не принимаю сегодня.

К удовлетворению Родерика, Торнфилд почувствовал себя неловко.

— У меня пока нет денег, чтобы оставить тебе. Хью рассмеялся:

— Забыли свой кошелек?

Торнфилд с ненавистью посмотрел на Хью, затем перевел взгляд на Родерика.

— Я пришел за леди Микаэлой.

Родерик воспользовался своей тростью и преодолел около десяти футов, отделявших его от Торнфилда; Ми-каэла все еще стояла у стола позади Алана, словно он прикрывал ее.

Это как раз отвечало намерениям Родерика.

— Ты пришел за леди Микаэлой? — спокойно повторил он, по-прежнему скрывая поврежденную часть лица под капюшоном.

— Д-да. Именно... именно так! — Хотя Родерик облакачивался на свою трость, Торнфилд все равно оказался ниже его на добрых два дюйма. — Она принадлежит Торнфилд-Мэнору, и я хочу, чтобы она вернулась туда со мной сегодня же.

— Ха, — раздраженно произнес Родерик. Затем издал глухой смешок и приблизил лицо к лицу кузена, так чтобы его слова услышал только он. — Леди Микаэла... моя невеста. — Родерик произнес эти слова почти шепотом. — Она принадлежит... мне. — Он помедлил. — Ты способен украсть ее у меня, кузен?

— Разумеется, нет, милорд, — запинаясь, ответил Торнфилд. — Но ведь ты понимаешь, что Шербон не место для такой девушки, как Микаэла, — она... — Торнфилд замолчал и судорожно сглотнул. — У меня юная дочь, Элизабет, которая очень скучает по ней, и...

— У меня тоже есть ребенок, который очень привязался к леди Микаэле, — сообщил Родерик. — Сын. Наследник Шербона.

— Что?! — завизжал Торнфилд. Родерик кивнул.

— Ах так... — Торнфилд откашлялся. Казалось, он собрался и попытался выпятить грудь. — Что ж, мне жаль сообщать вам, милорд, но леди Микаэла любит меня. Она пришла сюда, только чтобы наказать меня за ссору, которая произошла между нами, но она больше не хочет находиться здесь. Извините, если это причинит вам некоторое неудобство.

— Это действительно неудобство, — решительно и спокойно заявил Родерик. — Тяжелое, серьезное неудобство для меня, Торнфилд. — Не сводя глаз с блондина, Родерик спросил: — Вы хотите уйти отсюда, леди Микаэла?

И из-за спины Торнфилда раздался ее музыкальный, хотя и недовольный ответ:

— Ни за что! Этот человек женат.

Видимая часть лица Родерика расслабилась и почти превратилась в улыбку, на какую были способны его черты.

— Ну вот. Ты и получил ответ.

— Нет. Нет! Я не принимаю этот ответ! — выкрикнул Торнфилд. — Она просто сердится на меня! Если дать время...

— Время, которое будет тебе дано, — это когда я сосчитаю до пяти, — прервал его Родерик. — Если ты еще будешь здесь, когда я произнесу «пять», я нападу на тебя и дам возможность ознакомиться с невыносимой болью, которую я перенес в моих недавних странствиях. Клянусь, этот опыт останется с тобой на долгие-долгие годы. — С этими словами Родерик сбросил капюшон и повернулся к Алану Торнфилду, испытав при этом удовольствие от выражения ужаса, появившегося на побледневшем лице последнего.

— О Господи! — задохнулся Торнфилд.

— Раз, — почти прошептал Родерик.

— Ты ведь не собираешься...

— Два...

Хью прошел вперед и встал между кузенами.

— Уверяю вас, он не шутит. Этот человек полностью лишен чувства юмора.

Торнфилд взглянул на Хью, затем на Родерика, потом оглянулся на Микаэлу, все еще стоявшую у него за спиной.

— Три...

— Вышвырнуть вас? — любезным тоном предложил Хью. — Не хотелось бы пролить кровь на ваши красивые башмаки. Где вы их раздобыли, Торнфилд?

— Я... Я...

— Четыре...

Алан Торнфилд быстро повернулся и вышел, точнее, выбежал из зала, причем Хью лениво следовал за ним, бросая вслед ему вопросы и замечания:

— Они из кожи теленка? Цвет восхитительный! У меня есть пара коротких сапог красного цвета, я сам...

Родерик повернулся лицом к Микаэле, стоявшей теперь напротив него. Только сейчас он вспомнил, что шрамы на его лице не прикрыты капюшоном.

Ее ясные голубые глаза округлились, дыхание перехватило, она прижала руки ко рту.

Родерик ждал, когда она закричит от ужаса.

Микаэла не задумывалась о том, как выглядит Родерик, но то, что она увидела, потрясло.

Слухи, которые ходили об этом человеке, подтверждались. Шербонский дьявол, хотя говорили, что он не может ходить без помощи длинной, отполированной трости из черного дерева с широкой гнутой ручкой, которую он сжимал в левой ладони. Но огромные квадратные сапоги свидетельствовали о том, что его ноги получили львиную долю повреждений в Святой земле. Особенно левое колено, которое, казалось, вывернуто наружу, хотя сапог смотрел прямо вперед.

Правая рука была согнута и прижата к боку, кулак — сжат, словно так было задумано, и он не мог разжать пальцы. Родерик был одет в черное и темно-серое. Его туника была черной как смоль, рубашка — как деготь; только лицо и крепкая, жилистая шея выделялись на фоне черного капюшона его плаща. У Шербонского дьявола были бледные впалые щеки, квадратные скулы, выступающий подбородок. Губы полные, шрам тянулся вдоль линии волос, по диагонали пересекая изогнутый рубец. Нос был длинный, на переносице расположилась пара шишек, но Микаэла знала, что нос у Родерика сломан. Толстый, плоский шрам нашел свое место между острыми точками его носа и прошел над правой скулой, как раз рядом с внешним углом его правого глаза.

Над скулами — одной со шрамом и второй гладкой — располагались глубоко посаженные глаза, взгляд был настороженный, как у дикого зверя, который оценивает нечуждого посетителя, проникшего в его берлогу. Именно в этот момент Микаэла увидела его глаза, которые буквально очаровали ее; кончиками пальцев она почти до боли прижимала губы к зубам, а сердце так гулко стучало, что ей казалось, будто она слышит его стук, эхом отдававшийся в зале.

Они были зелеными, да, но этого скромного слова было явно недостаточно. Его глаза были цвета весенних листьев, самого бледного изумруда; они напоминали тихий пруд, окаймленный белым мелким песком в лучах утреннего солнца. Искрящиеся, чисто зеленые, словно драгоценности чистой воды, увлажненные, прозрачные...

— Вы потрясены? — проворчал он, обращаясь к ней, и его тон не содержал ни малейшего самоосуждения, чему помогло то, что легко поднялся один краешек его рта. Это было похоже на то, что он счел ее реакцию забавной.

— Да, — прошептала Микаэла, слово к тому же было приглушено положением ее рук. Она пребывала не в своем обычном состоянии, а в том, которое испытывала, когда погружалась в исполнение песен. Она медленно отвела руки ото рта. — Вы...

— Я? Да, мисс Форчун? Что вы хотите сказать? Что я чудовищно изуродован? Покрыт шрамами? Так оно и есть. Но вы наверняка слышали об этом до того, как появились здесь.

Он выгнул бровь над изуродованной щекой.

— Разве я не калека?

Микаэла на мгновение зажмурилась, собралась с мыслями и заговорила.

— У вас самые прекрасные глаза, какие мне когда-либо, доводилось видеть, — выдохнула она.

— О чем вы говорите? — прорычал Родерик. — Это ваша игра — пытаетесь натравить

меня на Торнфилда? Не потому ли вы здесь? Если это так, вы можете собрать свои вещи и убраться хоть к черту на кулички. Я не играю в такие игры, особенно с теми, кого считаю ниже себя.

— Прошу прощения?

— Вы можете просить, черт подери, сколько угодно, но я преследую единственную цель: завоевать Шербон. Если у вас другая цель, вам здесь нечего делать.

— Почему вы сердитесь на меня? Я не звала Алана Торнфилда в Шербон. Я остаюсь здесь дольше, чем осмелилась любая другая женщина до меня, и я провела это время, выполняя свои обязанности в замке и руководя слугами. Уверяю вас, милорд, если бы я хотела вернуться с Аланом Торнфилдом в качестве его любовницы...

— Но вас вполне устраивало это положение до того, как он женился, — глумливо заметил Родерик.

— Вам ничего не известно о моем пребывании в Торнфилд-Мэноре! И я нахожу ваши предположения отвратительными!

— Существует множество вещей в Шербоне, которые вы сочтете отвратительными, мисс Форчун. Вам придется свыкнуться с этим, чтобы избежать оскорблений.

Микаэла едва сдерживала гнев.

— Лорд Шербон, я пригласила вас сюда, потому что хотела поговорить с вами о нашей договоренности и управлении этим домом. Благодарю вас за ваше, хотя и запоздалое, появление...

Родерик расхохотался:

— Мое появление здесь не ответ на ваше приглашение, мисс Форчун. И наше соглашение, как вы назвали его, было изложено достаточно ясно в моем послании, все остальное вам изложил сэр Хью Гилберт. Это все, что вам надо знать. Вы вполне удовлетворительно выполняете свои обязанности, во всяком случае, так было до сих пор. Если же вы сделаете что-то, с чем я не согласен, я заставлю вас это переделать. — Родерик крепко сжал в руке трость. — Атеперь, извините, я вынужден вас покинуть, у меня много дел.

Родерик направился к двери.

— Лорд Шербон, подождите! — Микаэла топнула ногой. Он остановился, но не повернулся к ней лицом. — Я нахожу чрезвычайно необычным, что человек не проявляет ни малейшего интереса к женщине, которая должна не только стать его женой, но и мачехой его сына! Особенно человек благородный, который хочет создать семью. Я... Я настаиваю, чтобы мы регулярно встречались, особенно если и я, и вы хотим добиться успеха в вашем намерении удержать Шербон.

Облаченный в черное Родерик медленно повернулся, и когда взглянул на собеседницу, его лицо напоминало маску из камня, олицетворяющую гнев, что заставило Микаэлу отступить на шаг.

— Может быть, это ускользнуло от вашего внимания, мисс Форчун, но я не благородный человек. Вы поступите правильно, если будете заботиться обо мне, вместо того чтобы беспокоиться, словно жалкая, слезливая, бесполезная монахиня, по поводу того, как я намереваюсь поступить со своим сыном. Черт подери, мне совершенно не интересно, что вы обо мне думаете. Если вам не нравится, как я управляю Шербоном, дверь там. — Он указал тростью на дверь. С этими словами Шербонский дьявол покинул зал.

Микаэла еще раз осталась стоять в одиночестве в тишине огромного зала, размышляя о

том, что, Христа ради, она делает в замке Шербон.

Как только Родерик вышел во двор, он пожалел о грубых и жестоких словах, сказанных им Микаэле Форчун. Даже больше чем пожалел — он почувствовал себя так, словно только что лишил себя шанса обрести Шербон. Он остановился возле колодца и оперся о него рукой.

Не то чтобы его беспокоило, что он причинил Микаэле боль. Разумеется, нет. Его беспокоил только Шербон.

Родерик повернулся спиной к залу и вновь пересек короткое, покрытое грязью пространство — то, на что у здорового человека ушли бы секунды, заняло у него больше минуты. Он распахнул дверь зала, злясь на себя. В заде никого не было.

Он решил было последовать за ней в ее комнату, но тут же прогнал эту мысль прочь. Скорее всего Микаэла уже упаковывает свои вещи, и к тому времени, когда он проделает длинный и трудный путь в свою бывшую детскую, уже уйдет. Он не мог преследовать ее, как это сделал Алан Торнфилд. Кроме того, он не мог придумать, за что ему следует извиняться. Он таков, каков есть сейчас и каким останется на всю оставшуюся жизнь, аминь. Его пребывание на Святой земле обусловило этот факт.

Родерик проделал обратный путь из дверей и прошел примерно двадцать метров вдоль южной стены, чтобы обогнуть угол замка. Через восточную часть двора, между суесящимися крепостными, которые никогда не смотрели в его сторону — это им было категорически запрещено, — Родерик увидел Хью, въезжавшего верхом через северо-восточные ворота внешней стены и держащего за повод еще одну лошадь.

Родерик прекрасно понимал, что его физическое состояние ухудшится после прогулки верхом, но это могло упорядочить его мысли.

Как бы то ни было, он воспользуется возможностью проскакать по землям, которые уже очень скоро не будут принадлежать ему.

Микаэла с такой силой захлопнула дверь своей комнаты, что та, отскочив от рамы, раскрылась вновь, ударившись о стену. Микаэла продолжила борьбу с дверью, вернув ее в надлежащее место, и с такой силой задвинула засов, что до крови ободрала костяшки трех пальцев.

— Проклятие! — вскричала она, произнеся слово, которого никогда не произносила» и поднесла пораненные пальцы ко рту. Прежде она себе этого не позволяла. Слушались'мать. Мать объясняла ей, что леди следует делать, а чего — не следует. И куда это ее привело? Никто никогда не обращался с ней как с леди. Куда девались ее богатства, должное к ней уважение? Над ней насмехались, ее оскорбляли в родной деревне, шептались о ней в Торнфилд-Мэноре. Теперь же она находилась в компании мужчины, который, как она наконец поняла, настоящий дикий зверь, поэтому у нее нет выбора, она вынуждена остаться здесь и мириться с этим.

То, что она произнесла бранное слово, принесло ей некоторое облегчение. Она продолжит в том же духе.

— Проклятое дерьмо! — прошептала она, заимствуя выражение у своего угрюмого нареченного.

Удар молнии не поразил ее в этой мрачной комнате. Не слышно было громового выговора с небес, который заставил бы ее упасть распростертой на пол.

— Проклятый поддон!

Огненная земля не разверзлась у нее под домашними туфлями, но веселый смешок за

спиной заставил Микаэлу подпрыгнуть.

На ее кровати, сложив ножки крест-накрест, сидел Лео Шербон, прикрыв ладошками рот, и смеялся.

— Лео, что ты тут делаешь? — спросила Микаэла, густо покраснев.

— Эди Микэ-а седита на Эо?

— О нет, нет! — Микаэла бросилась к кровати, взобралась на нее и опустилась на колени перед мальчиком. — Я не сержусь на тебя. Ты просто удивил меня. Разве ты должен находиться здесь в это время?

На лице Лео появилась лукавая улыбка.

— Эо не пал сегоня. Хю нет! — Он поднял ручки вверх, и его глаза округлились, словно то, куда мог исчезнуть сэр Хью, было огромной тайной.

— Хью ушел? — Микаэла искоса посмотрела на Лео и не могла не рассмеяться. Он был неотразим.

Лео кивнул.

— Эо пать с тобой. — Мальчик плюхнулся на спину и уткнул головку в подушку Микаэлы.

— А почему бы и нет? — Она вздохнула и устроилась в изголовье кровати. Лео тут же придвинулся к ней и обхватил ее руку маленькой ладошкой.

— Поему седита?

— Почему я сердита? — Малыш кивнул и еще теснее прижался к ней. Микаэла вздохнула: — Это очень хороший вопрос, Лео. Почему я сердита? Давай подумаем. Положим, я сердита на твоего отца.

— Вод-вик?

— Да, Родерик. — Микаэла нахмурилась. — Ты называешь его Родерик?

Лео кивнул:

— Вод-вик бошой.

Микаэла подумала, что могла бы добавить еще несколько слов к описанию лорда Шербона, которого Лео называл большим, но она воздержалась, снова вспомнив об уроках матери, касающихся того, что является правильным и уместным. Ведь ребенку всего три года.

— Да, ты прав, Лео. Но почему ты не называешь Родерика отцом или папой?

Лео покачал головой.

— Вод-вик.

— Почему? — Микаэле показалось это странным. Лео пожал плечиками:

— Вод-вик овоит: «Мое имя — Вод-вик». Но Хю овоит «Ик».

На этот раз кивнула Микаэла:

— Да, сэр Хью называет его Рик, ты прав. Но тебе хотелось бы называть его по-другому?

Казалось, Лео обдумывал ее слова целую вечность, а ведь он был малышом, лишь недавно научившимся ходить.

— Эо хует скаать «папа».

— Думаешь, он будет ругать тебя за то, что ты будешь называть его папой?

Лео покачал головой и захихикал:

— Вод-вик никогда не угал Эо. Эо юбит Вод-вик.

— Что ж, если ты хочешь называть его папой и лорд Родерик не возражает, тебе так и

следует его называть.

— Да? — Лицо Лео просветлело, словно это никогда не приходило ему на ум.

— Да, я так думаю. Точнее, уверена в этом.

Лео кивнул:

— Но Эо не видит Вод-вик.

— Нет?

— Он не игает с Эо. Деа, деа, всегда деа. Микаэла ушам своим не поверила.

— Ты бы хотел проводить с лордом Родериком больше времени?

Глаза мальчика стали печальными.

— Убю ео. Ольше сех.

Он любит его больше всех. Микаэла почувствовала, что у нее разрывается сердце. Бедный, обманутый, брошенный малыш.

— Ну что же, — Микаэла обняла малыша, — давай тогда действовать вместе. Что скажешь на это?

— Уху. — Лео зевнул. — Ш-ш, эди Микэ-а. Эо пит се-час, хо-о-со?

Микаэла обрадовалась. Пусть малыш спит. Ей нужно о многом подумать. Она погладила шелковистые волосы Лео, когда тот начал тихонько посапывать.

У нее в уме зарождался план.

Микаэла все еще оставалась в Шербоне. Когда Родерик и Хью вернулись с прогулки верхом, Родерик воспользовался потайной дверью, чтобы утвердиться в своих подозрениях, не обращая внимания на усилившуюся скованность во всем теле. Он толкнул деревянную дверь-ловушку своей тростью и шагнул внутрь, ожидая увидеть покинутую комнату со следами побега.

Но оттого что он увидел, у него перехватило дыхание и он застыл на месте. На кровати мирно спала мисс Форчун, явно наслаждаясь послеобеденным отдыхом, обнимая Лео. Оба прижимались друг к другу, словно кролики, и крепко спали. Мисс Микаэла лишь слегка пошевелилась, поправляя рыжевато-золотистые волосы на подушке, но, как ни странно, не проснулась.

Родерик не осмелился войти в комнату. Было далеко за полдень, и если бы кто-то из них проснулся, они отчетливо увидели бы лорда Шербона, застигнутого у открытой двери, словно трусливого воришку, каким он и был. Родерик нахмурился, в животе что-то сжалось, он почувствовал тошноту. Возможно, это была всего лишь боль от прогулки или результат пропущенной трапезы. Однако Родерик чувствовал скользкий, толстый комок, пробирающийся из его горла в кишки. При виде этой пары на кровати он почувствовал, как этот комок увеличивается, что его крайне удивило.

«Какая же вы дурочка, мисс Форчун!» — мысленно произнес он, отчетливо слыша уничижительную жалость своих произнесенных мыслей. На какое-то мгновение Родерик почти испытал уважение к Микаэле Форчун за то, что у нее хватило сил устоять против замыслов Алана Торнфилда. Но после того как он сам с такой ненавистью говорил с ней и она все же осталась в замке, его мнение о ней изменилось.

Должно быть, она просто жадная, отчаявшаяся, полностью лишенная гордости дура. Однако Родерик мог хотя бы немного расслабиться — если мисс Форчун осталась после его злых, едких слов, существовала вероятность того, что она выдержит все до конца.

Комок в горле возник снова, и на этот раз внутри у него поселился привкус страха, хотя он и не понимал, чем это вызвано. Но у него не было времени над этим раздумывать, поскольку раздался оглушительный стук в настоящую дверь комнаты.

— Мисс Форчун! — Это был Хью. — Мисс Форчун, немедленно откройте дверь! Мисс Форчун!

Родерик проскользнул за открывающуюся панель и исчез из комнаты, когда ступни мисс Форчун начали сбрасывать легкое покрывало с ног. Хью расстался с Родериком после их возвращения с прогулки, отправившись искать Лео, и был явно расстроен, что мальчика не оказалось в его комнате.

Не то чтобы Микаэле начал нравиться сэр Хью Гилберт, вовсе нет, но она невольно улыбнулась при воспоминании о его красивом лице, более чем растерянном, когда она предложила провести с Лео весь остаток дня.

Он согласился, хотя и оставил мальчика с ворчливыми напутствиями.

— Веди себя прилично, Тошнилка, так, чтобы я не слышал о проделках плохого мальчика от леди Микаэлы.

— Холосо, Ху.

Микаэла готова была поспорить на свою порцию сокровищ Шербона, что рыцарь уже скучал по ребенку.

Да и как могло быть иначе? Микаэла знакома с Лео всего две недели, но уже обожает его. После того как они вместе немного вздремнули, стали вновь гулять по двору, собирая «сети», и спели пару песенок. На холме за стеной Шербона, возле конюшен под кроной низкого раскидистого дерева и одного длинного и тонкого креста Микаэла заметила очертание чего-то темного и массивного, припавшего к земле в сияющем свете дня. Это мог быть только Родерик.

Его положение казалось странным. Что привело его на этот пустынный холм и заставило принять такую задумчивую позу?

Возможно, могилы? Его отца?

Но Лео тянул ее за руку, нетерпеливо приплясывая и приседая, так что Микаэла неохотно покинула двор, чтобы проводить Лео в уборную. Потом они спустились в кухню, чтобы вымыться перед ужином, который ели, сидя бок о бок, не переставая болтать, словно ровесники, обсуждающие события дня. Микаэла всячески пыталась отогнать от себя образ массивной, неуклюжей фигуры и его таинственного занятия и целиком посвятить свое внимание Лео.

Она была очарована мальчиком, уже не младенцем, но еще не взрослым мальчиком, каким он в свое время станет. В нем чудесным образом будут сочетаться разум и наивность, Микаэле радостно было думать об этом.

Но сейчас она старалась сосредоточить все внимание на Лео, она не могла не думать о его матери — где она сейчас? Что случилось, почему она ушла из жизни сына? Каковы были ее отношения с Родериком Шербоном? Но Лео был совсем маленьким, он не мог ответить на такие вопросы. Микаэла взяла малыша за руку и вывела из зала. На Шербон спустилась ночь, и пришло время найти сэра Хью, чтобы тот уложил Лео спать, как она пообещала ранее.:

— Эди Микэ-а поет Э-о?

Она улыбнулась ему в полутемном коридоре — по ее просьбе во многие канделябры были вставлены тонкие восковые свечи, но еще оставались пустые, неосвещенные промежутки.

— Конечно, если сэр Хью даст свое согласие. — Камни замка уже начали источать зловещий холод, и она повернула мальчика к своей комнате. — Давай зайдем ко мне, я накину что-нибудь потеплее, и мы вместе попросим его.

Они уже подходили к ее комнате, когда Микаэла увидела, что дверь широко распахнута. Она остановила Лео и присела, поднеся палец к губам с готовым «ш-ш» в ответ на его вопросительный взгляд. Вместе они тихо подошли к входу в комнату и остановились.

Микаэла почувствовала, как в груди у нее поднимается мрачный гнев при виде старой тощей Харлисс, которая, сердито ворча, рылась в ее сундуке. Лео немедленно спрятался за Микаэлу.

— Харлисс! — воскликнула Микаэла, заставив старую каргу резко подняться, стукнувшись при этом головой о поднятую крышку сундука. — Полагаю, у тебя имеется очень веское объяснение твоего пребывания в моей комнате, не говоря уже о том, что ты суешь нос в мои личные вещи?

— Простите, миледи, — натянуто извинилась Харлисс. Она нарочито медленно закрыла крышку сундука и направилась к Микаэле. — Ах... горничная потеряла свое... кольцо. И я подумала, что, может быть, она уронила его, когда убирала вашу комнату.

Микаэла прищурила глаза:

— Поскольку нет никакой надобности убирать внутри моего сундука, сомневаюсь, что кольцо могло очутиться там. Если вообще существовало какое-то кольцо, — подчеркнула она. — Кто из горничных заявил о пропаже?

Харлисс попыталась обойти Микаэлу, стоявшую в дверях.

— Я забыла ее имя, миледи. Извините. У меня много дел.

Но Микаэла встала перед Харлисс, не давая ей возможности сбежать.

— Не думаю, что смогу, — сказала она. — Я имею в виду — извинить тебя. Я устала от твоей лжи и твоих выходок. Если дорожишь своим местом в Шербоне, то скажешь мне правду, зачем тебе понадобилось заходить в мою комнату.

— Это просто недоразумение, миледи, — настаивала Харлисс, затем снова попыталась протиснуться мимо Микаэлы, зайдя так далеко, что даже оттолкнула ее плечом.

Микаэла схватила Харлисс за руку.

— Ты никуда не уйдешь, пока не признаешься, что шпионила за мной! Ты не только лгунья, но и воровка?

— Убери от меня свои руки, жалкая нищенка! — выкрикнула Харлисс, отскочив от Микаэлы. — Мне нет дела до того, что говорят Родерик и этот попрошайка Хью Гилберт. Ты не моя хозяйка, и я не потерплю, чтобы ты лапала меня своими блудливыми руками. Я жила в Шербоне еще до того, как тебя произвели на свет, и не собираюсь выполнять твои приказания! Ты — позор для имени Шербона!

Микаэла была смущена внезапным гневом Харлисс, но, поскольку Лео был рядом, дрожа от страха, сумела сохранить соответствующее ее положению достоинство.

— Забота об уборной не устраивает тебя? — мягко спросила она. — Тогда тебе следует узнать свое место!

— Это ты, кто не устраивает меня! — прорычала Харлисс. — И будь уверена, я еще увижу, как тебя вышвырнут из Шербона, а также недостойного, непочтительного Родерика и его тупого выроodka! Тогда мы увидим, кто здесь правит.

— Не думаю, — засмеялась Микаэла, хотя дикий взгляд Харлисс сильно огорчил ее. Она подумала, что Харлисс очень встревожена. Сочтет ли Родерик, что она преступила границы своих обязанностей или нет, Микаэла не хотела, чтобы такая опасная, неуравновешенная старуха находилась рядом с Лео. — Я укладываю Лео спать. Когда закончу, найду тебя. И самое лучшее будет, если ты соберешь свои вещи к этому времени, иначе, если я встречу тебя в следующий раз, ты уберешься из Шербона навсегда — с пожитками или без них.

Харлисс фыркнула.

— У тебя здесь нет власти. Возвращайся в свой свинарник, свинья, и валяйся сколько хочешь в грязи и разврате, заведенных Родериком. Нет никого в Шербоне, кто мог бы выгнать меня отсюда, — хотела бы я взглянуть на того, кто попытается!

Из тени коридора прогремел мрачный голос:

— Я готов принять твой вызов, Харлисс.

Микаэла повернулась на голос, а Лео оторвался от ее юбок и бросился вперед с криком:

— Вод-вик!

Родерик выступил из темноты каменного коридора, и лишь сейчас стала слышна его неловкая поступь. Капюшон был откинут назад, и впервые Микаэла увидела длинные волны густых каштановых волос. Его зеленые глаза зловеще сверкали в дрожащем свете свечей.

Харлисс издала звук, словно задохнулась, прежде чем снова засмеяться:

— Ты проиграешь! У меня здесь право на проживание, дарованное много лет назад твоим отцом. Мне обеспечено место в Шербоне до конца жизни, щенок!

Родерик тоже сдержанно засмеялся, и если Микаэла сочла веселье Харлисс злым, то смех лорда Шербона был просто ужасен.

— Тогда я устрою так, что ты отправишься в могилу, — заявил он.

Харлисс задохнулась. Ее серые глаза сузились.

— Где тебе, ты же слабак в мужском плане!

— Хотя многие части моей персоны действительно сильно повреждены, уверяю тебя, в этом месте у меня все в порядке, — сообщил Родерик.

Он слегка повернул подбородок к плечу, полностью открывая извилистые шрамы на лице при свете свечей.

— Хью! — громко позвал он.

Через мгновение из темноты донесся резкий звук, издаваемый сапогами Гилберта.

— Да, Рик? В чем дело?.. Черт побери! — Он вращал глазами, когда появился из глубокой тени и остановился возле Родерика, но Лео оставался рядом с отцом, обхватив его ногу. — Кто сделал это на этот раз? — спросил он, глядя поочередно на Микаэлу и кипящую от злости старую служанку рядом с ней.

— Отведи Лео в его комнату — нам с леди Микаэлой нужно решить одно неприятное дело, и я не хочу, чтобы он присутствовал при этом.

— Да? — заинтересованно произнес Хью. — Так-так, Бессердечная. Так это опять ты?

— Заткни свой мерзкий рот, ты... ты... приживала! Пиявка! Потаскун!

Брови Хью взлетели вверх, когда он с трудом оторвал Лео от Родерика и подхватил его на руки.

— Мне больше всего понравилось последнее определение. Я могу ввести его в свой словарь?

— Хью, — строгим голосом тихо сказал Родерик, словно предупреждая его не вступать в перепалку с сумасшедшей старухой.

— Да-да, хорошо. Пойдем, Вошка. Ночь-ночь, волки прочь! — Он повернулся, чтобы нырнуть в темноту, но Лео протянул ручку Микаэле:

— Эди Микэ-а поет Эо, Хю!

— Не сегодня, Вошка. Ей и Рику нужно избавиться от кое-какого хлама. Увидишься с ней завтра утром.

— Покойной носи, эди Микэ-а.

— Спокойной ночи, Лео. — Она попыталась улыбнуться ему, но это было нелегко, зная, что через минуту она останется одна в сыром коридоре с двумя самыми ужасными людьми, которых она когда-либо знала. — Счастливых сновидений.

— Покойной ночи... папа! — Улыбка Лео была такой же широкой, как его личико, и Микаэла увидела, как Родерик Шербон словно заledenел, а его черты не выражали никаких эмоций.

И хотя в данный момент Родерик был ошеломлен, он быстро оправился.

— Теперь, — прорычал он, снова обратив внимание на седую старуху, — собирай свои вещи, иначе я выброшу их тебе вслед!

— Ты глупее, чем кажешься, — ухмыльнулась Хар-лисс. — Я уже сказала тебе, что твой отец даровал мне право...

— Я знаю про твое право, — перебил ее Родерик. — Ты действительно имеешь право на рабское положение во владениях Шербона до конца твоей жизни.

— Ха! — бросила Харлисс в лицо Микаэла. — Видишь? Я никуда не уйду, мисс Несчастье! ^[3] — Ее даже не побеспокоило, что она соединила два слова, создав уничижительное обращение.

— Думаю, уйдешь, — спокойно произнес Родерик. — Я решил, так сказать, одним выстрелом убить двух зайцев. Ты завершишь свою связь с Шербоном, Харлисс, в Торнфилд-Мэноре.

— Что?! — взвизгнула Харлисс. — Ты не можешь...

— Могу, и именно так и поступлю, поэтому считай, что это дело закончено. Торнфилд-Мэнор принадлежит Шербону, и твои льготы будут соблюдены. Ты можешь прожить там остаток своей проклятой жизни или навсегда убраться с земель Шербона. Решай сама. — Он пожал плечами и прислонился к каменной стене, чтобы, как предположила Микаэла, дать отдых ноге, и, как это ни странно, она подумала, больно ли было его поврежденной руке опираться о холодные камни. — Но знай, если ты решишь покинуть Торнфилд-Мэнор, то нарушишь договор, и я не буду обязан сохранять твое положение — или твою жизнь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Твой отец был прав — ты гнусный, отвратительный, бесхребетный червяк!

Родерик вновь пожал плечами:

— Тогда ты будешь рада избавиться от меня. У тебя — четверть часа, чтобы собраться. Леди Микаэла и я будем в зале и проводим тебя.

Микаэла вздрогнула, ее глаза округлились, но она поступила мудро, кивнув, словно тоже была посвящена в план.

— Ты еще пожалеешь об этом, — прошипела Харлисс, тыча в Родерика костлявым, дрожащим пальцем. Через мгновение этот палец, принадлежавший скорее трупу, чем живому человеку, был направлен на Микаэлу. — И ты тоже, мисс Несчастье!

— Мне есть о чем пожалеть, Харлисс, — спокойно произнесла Микаэла, — но, уж конечно, не о том, что ты покинешь Шербон.

— Это мы еще посмотрим! — С этими словами старуха повернулась и исчезла в темноте.

Сердце Микаэлы билось со скоростью ста ударов в минуту, прежде чем лорд Шербон заговорил.

— Может быть, продолжим в зале, леди Микаэла? — любезно предложил он, и в его рычащем голосе слышалось сдержанное терпение. — Я не хочу пропустить отъезд Харлисс и готов согласиться с. вашей идеей, что нам с вами нужно поговорить.

Микаэла судорожно сглотнула.

— Вы согласны?

Он кивнул, выпрямился, и наступила тишина. Не важно, что вызвало мысль, пришедшую ему в голову после размышлений, но он протянул руку, предлагая ей выйти первой.

— После вас.

Микаэла быстро кивнула и пошла по коридору, слыша за собой хромающую поступь лорда Шербона.

Она молилась про себя, чтобы, не дай Бог, не споткнуться и не распластаться перед ним. Ибо если этот огромный человек упадет на нее, трость понадобится уже им обоим.

— Итак, вы планируете увидеть это до конца, не так ли? — Родерик не хотел, чтобы произнесенные слова прозвучали как обвинение, но он позабыл, как обращаться с женщиной, — поскольку давно уже не разговаривал ни с кем, кроме Хью и Лео, — поэтому вырвавшиеся слова прозвучали грубовато.

Леди Микаэла нахмурилась:

— Да, разумеется. Иначе почему я все еще остаюсь здесь?

Родерик лишь кивнул и крякнул. Он вдруг понял, что его капюшон все еще откинут на плечи, и сжал руки, чтобы удержаться от рефлекторного желания вновь накинуть черную тяжелую ткань на голову. Но какое это теперь имело значение? Она увидела его в зале днем и теперь при свечах в коридоре.

И все же Родерик испытывал болезненное чувство обнаженности.

— Я видел вас с Лео — но, в отличие от Торнфилда, не собираюсь предложить вам место няни в Шербоне.

— Понимаю. Однако мне очень приятно бывать с Лео. Похоже, женское общество идет ему на пользу, вы не согласны? С, его матерью... — Микаэла решила не заканчивать фразы, а ее щеки вспыхнули. Очевидно, ей было любопытно узнать о матери Лео, и все же она чувствовала себя неловко, касаясь этой темы.

— Да, думаю, время, проведенное с вами, пойдет ему на пользу. — Однако Родерику вовсе не хотелось обсуждать Аурелию с этой странной молодой женщиной. — Благословляю вас на дружбу с ним, так долго, как вам этого захочется. Когда устанете от Лео, отошлите его к Хью.

Морщинка вновь появилась на чистом челе Микаэлы, на этот раз более глубокая, словно она была недовольна щедростью Родерика по отношению к сыну. На мгновение она прищурилась, затем лицо ее озарила улыбка.

— Может быть, вы захотите присоединиться к нам в дневное время, милорд? Лео без конца говорит о вас, и я знаю, как он будет рад оказаться в вашей компании. У нас вошло в привычку гулять по двору, но мы можем пойти куда угодно...

— Вы достаточно медлительны, леди Микаэла? — проворчал Родерик, его внешняя натянутая воспитанность скрипела и готова была рассыпаться от ее возмутительного предложения. Она хочет, чтобы он отправился с ними на прогулку? На прогулку? Проклятым днем? Вряд ли она была настолько тупой, чтобы не заметить его неустойчивую, хромающую походку, сутулую спину, искривленную ногу, его трость, изуродованное лицо, бессильную руку. Она нарочно подстрекает его признать свое поражение как личности?

— Медлительна? Что ж, да, полагаю, так и есть. — Микаэла не пришла в замешательство и, казалось, лишь на минуту задумалась. — Разумеется, я не могу шагать очень быстро, потому что ножки Лео значительно короче моих собственных, но он часто бегает, и тогда, осмелюсь сказать, я несколько ускоряю шаги.

Родерик долго взирал на наивное выражение надежды, появившееся на ее лице, и не смог подавить смех. Медлительная! О, проклятие!

— Не вижу в этом ничего смешного, — фыркнула Ми-каэла. — Но я рада, что развеселила вас, милорд.

Родерик сдержал почти незнакомое ему желание посмеяться, хотя ее реакция толкала его нато, чтобы не сдерживаться. Что она за девушка?

— Вы действительно развеселили меня, леди Микаэ-ла, — признался Родерик. — Это единственная причина, почему вы все еще остаетесь в Шербоне. Увы, боюсь, хозяйственные дела оставляют мне мало времени, чтобы играть во дворе с женщиной и ребенком, но, пожалуйста, проводите день как вам заблагорассудится.

— Отлично. Потом мы встретимся в зале?

— Что? Когда?

— Завтра? Во время трапезы? А может быть, послезавтра? — Она протянула к нему ладони. — Или мы можем поговорить в вашей комнате, или в моей, или...

— Поговорить о чем?

— О чем? О... ну, обо всем.

— Разве мы не занимаемся этим сейчас?

— Ну, в общем, да, но все меняется каждый день, не так ли?

— Вы хотите беседовать регулярно?

Микаэла нахмурилась и скрестила руки на груди.

— А вы — нет?

— Нет!

Она приоткрыла рот, но затем сказала:

— Это не годится.

Родерик опять не мог не рассмеяться. Что только не слетает с уст этой девицы!

— Извините, леди Микаэла, но у меня нет ни времени, ни желания болтать о делах, которые не относятся к моим прямым обязанностям.

— К вашим прямым... — Теперь она подбоченилась. — Ваш сын — не ваша обязанность? Женщина, которая должна стать вашей... вы забыли, что мы должны пожениться, милорд?

— Я не забыл, нет. — Да и как он мог забыть, особенно сейчас, глядя на ее покрасневшее лицо, необычного цвета волосы, сияющие при свечах в полумраке пустого зала? Она была невинно-чувственной в своем гневе, и все это лишь напомнило Родерику о его недостатках. Неожиданно он подумал о том, наслаждался ли ею Алан Торн-филд в своей постели. Очевидно, это было так, иначе почему он пришел за ней?

Алан Торнфилд, которому не нужно скрывать лицо и тело, как ему?

Она долго смотрела на него, затем ее гнев, казалось, утих.

— Лорд Шербон, разумеется, мы не будем притворяться, что каждый из нас очутился в нынешнем полбжении в результате нежных чувств по отношению друг к другу. Я ответила на ваше объявление из необходимости спасти мою семью от бедности — как это ни смешно, из-за налогов, наложенных Шербоном, — и да, низкие мотивы во мне хотят быть уверенными в том, что Алан Торнфилд не унаследует замок.

— Я почти забыл. Благодарю.

— И вот что я хочу подчеркнуть. Хотя мы оказались вместе по разным причинам, я не хочу приговорить себя к отдельной жизни с моим мужем и отцом моего пасынка, которого я буквально обожаю. Я никогда не соглашусь на это.

Родерик был смущен.

— О чем вы говорите, леди Микаэла?

— Я говорю, что если вы не в состоянии проявлять ко мне хоть капельку уважения, чего

ежедневно заслуживает ваша семья, — она глубоко вздохнула, — тогда я отправлюсь вслед за Харлисс.

— Вы шутите.

— Нет. Ничего подобного. Лорд Шербон, хотя изначально это брак по расчету для каждого из нас, это все же будет союз, и я не вижу, почему бы нам не установить партнерские отношения.

Теперь она взяла верх над ним, и Родерик не знал, как это получилось. Во всех его предыдущих встречах с Микаэлой Форчун именно он держал все под контролем, ведь именно он владел богатствами Шербона, в которых она так нуждалась, ибо ее семья была по уши в долгах. Как надменно и самонадеянно он вел себя, не подумав, что теперь они поменялись ролями, и лишь сейчас осознав, что его нужды были столь же насущными — а может быть, даже более, чем ее!

Микаэла Форчун ему необходима, и, по правде говоря, она его заинтересовала. Он хотел, чтобы она осталась. Хотел видеть ее рядом с Лео — хотя бы издали, хотел, чтобы она продолжала колдовать над его холодным, мрачным домом, чье величие было давно позабыто и на смену которому пришла и нищета, трагедия, грусть. Но брошенный ею вызов также переносил Родерика на три года назад, когда отец предъявил ему свой собственный ультиматум:

«Ты отправишься в Святую землю, чтобы из тебя хоть что-то получилось, иначе я отлучу тебя от Шербона. Мне не нужно, чтобы ты торчал здесь без дела, — битва укрепит тебя или же убьет. Мне не важно, каков будет исход, но одно предпочтительнее другого. Таков, какой ты есть сейчас — изнеженный, испорченный, слабый, — ты не заслуживаешь даже одного камня замка Шербон».

Родерик заметил, что сжимает и разжимает кулаки, и чем дольше Микаэла Форчун стояла здесь со вздернутым подбородком, полная решимости, тем больше ее образ расплывался и таял при воспоминании о Магнусе, стоявшем почти на том же месте, что и она. И вместо того чтобы слушать разумные доводы леди Микаэлы, он слышал проклятия отца.

Он оказался возле нее быстрее, чем, как он думал, позволит ему его хромота, лишив тем самым Микаэлу возможности убежать. Он схватил ее за предплечье и привлек к себе, поразившись на мгновение, какой крошкой она оказалась, когда он смотрел на нее сверху вниз. Она подняла лицо, и хотя в ее глазах на мгновение появилась искра страха, ее упрямый подбородок по-прежнему смотрел вверх, словно она не хотела, чтобы он увидел ее робость.

Родерик должен ее сломать. Он не мог позволить, чтобы она взяла над ним верх, — это слишком опасно для него.

— Значит, вы хотите стать моей женой?

Она судорожно сглотнула, но ничего не ответила, просто кивнула.

— Вы пустите меня в свою постель? — Родерик склонился к ее щеке и, ощутив ее аромат, почувствовал головокружение. Он видел, что она задержала дыхание, и решил продолжить ухаживание, почти прижавшись губами к ее щеке. — Человек-зверь, погубленный, жестокий и свирепый, который разорвет вас на части, раньше чем любезное слово сорвется с его губ?

Она с трудом выдохнула, и, к удивлению Родерика, ее дрожащий голос прозвучал в его ухе так громко, как колокола с кафедрального собора.

— Не погубленный человек. А мой муж.

Родерик оттолкнул Микаэлу, словно она оказалась объятай пламенем, и его сердце стучало, словно копыта скачущих диких коней. Грудь Микаэлы вздымалась, и он видел, как дрожали упавшие ей налицо выющиеся пряди волос.

«Не погубленный человек. А мой муж».

— Она пыталась сбежать с серебром, Рик. — Голос Хью врезался, словно ведро ледяной воды, вылитой на угли, в которые превратилось противостояние Родерика и Микаэлы. Они оба повернулись, чтобы увидеть Хью Гилберта с большим мешком в одной руке и ругавшейся, пытающейся вырваться Харлисс — в другой. Они стояли у дальней двери, которая вела из комнат для слуг, и Родерик подумал, как давно Хью находился там.

Ни Родерик, ни Микаэла не заговорили, так что Харлисс освободилась от хватки Хью и стремительно двинулась к ним со значительно меньшим мешочком, зажатым в ее кулаке-клешне. Она не сказала ни слова, проносясь мимо них к двери, хотя ее глаза метали огненные стрелы в сторону обоих. Она распахнула тяжелую дубовую дверь, не позаботясь даже о том, чтобы прикрыть ее за собой, и исчезла в ночи.

Хью приблизился к паре с выражением любопытства на лице.

— Я отдал ей одну из старых кобыл, надеюсь, ты не станешь возражать, Рик.

— Конечно, не стану, — ответил Родерик. Он не мог встретиться глазами с Микаэлой Форчун, однако не мог отвести от нее взгляд, застывший на длинном золотистом локоне, упавшем ей на плечо. — Ты правильно поступил, Хью.

Хью ослепительно улыбнулся и низко склонился перед Микаэлой. Родерик испытал укол ревности, еще раз столкнувшись с фактом, что его лучший друг красив, очарователен и... невредим.

— Мисс Форчун, должен рассказать вам, как Лео оценил проведенное с вами время. Он не переставая болтал о «эди Микэ-а, сетах» и прочей чепухе, пока у него не закрылись глаза. Я тоже благодарю вас за вашу щедрость.

— Мне очень нравится проводить время с Лео, так что нет нужды благодарить меня, — сказала Микаэла, слегка вздернув носик. Затем, без предупреждения, ее взгляд пронзил Родерика, и в ее глазах стоял вопрос, который невозможно было ни с чем спутать. — Полагаю, если я стану его мачехой, мы будем постоянно вместе.

Родерик почувствовал себя беспомощным, находясь между этими двумя красивыми, неискалеченными людьми.

— Встретимся завтра вечером, леди Микаэла. После того, как Лео уложат спать — в вашей комнате.

Микаэла кивнула, и в уголках ее губ промелькнула тень улыбки.

— Я буду ждать.

Родерику хотелось удалиться как можно скорее, и он выругал себя за то, что, выходя из своей комнаты, не захватил с собой трость. Когда он прошел, хромая, мимо Хью, резко размахивая рукой, чтобы сбалансировать тело, он даже не пожелал им спокойной ночи. Хью с подозрением прищурился.

Когда Родерик выходил из большого зала, ему показалось, что он слышит торжествующий смех отца.

После того как Родерик, топая, покинул зал, Микаэла опустилась в ближайшее кресло, чувствуя себя так, словно ее вот-вот стошнит. Она понимала, что ему не понравилось ее требование, но была только рада, что ее уловка удалась.

На какой риск она пошла, выставив ему такой опрометчивый и безрассудный

ультиматум! Оказаться один на один с этим огромным, могучим человеком с искрящимися зелеными глазами, говорящим низким, хрипловатым, гипнотизирующим голосом о постели, которую они разделят и где он овладеет ею...

Ее крайне удивило, что она не упала в обморок.

Она также удивилась, когда сэр Хью Гилберт — о котором она забыла в ту же минуту, как ушел Родерик, — со скрипом отодвинул назад свое кресло и сел за столик напротив нее. Во взгляде его можно было прочесть заинтересованность, смущение и, разумеется, веселье.

— Как вы думаете, вы его вычислили? — спросил Хью, подперев высокую, словно скульптурно вылепленную скулу кулаком.

— Что? Нет. Нет, я вовсе так не думаю, — проворчала Микаэла, неосознанно копируя позу сэра Хью.

— Хорошо. Потому что вы не достигли этого, — не принося извинений, заявил Хью. Микаэла бросила на него быстрый взгляд, прежде чем он продолжил: — Вы хотите попытаться завоевать его, так ведь?

— С вашей стороны было бы разумнее удалиться! — простонала Микаэла. — Я не желаю обсуждать с вами мои личные дела, сэр Хью.

Хью поднял руки, словно сдаваясь, и отклонился от стола.

— Отлично. Я просто стараюсь помочь. Я надеялся, что вы с готовностью примете содействие со стороны единственного человека в Шербоне, который знает Рика лучше, чем кто-либо еще, но... — Его кресло отъехало назад по каменному полу, когда он встал. — Я вижу, моя помощь нежелательна, ее не оценили. Так что извините меня за мою дерзость и спокойной ночи, мисс Форчун. — Он повернулся, чтобы уйти.

Микаэла сидела, подперев голову рукой, невольно размышляя над словами сэра Хью. Конечно, этот несносный человек прав — кто мог знать Родерика лучше, чем тот, кто участвовал вместе с ним в битвах? Путешествовал с ним из далеких земель обратно в Шербон и преданно служил другу, помогая воспитывать Лео и восстанавливать Шербон из праха?

Микаэла подняла голову.

— Вы предлагаете мне свою помощь? — воскликнула она вслед Хью, надеясь, впрочем, что тот уже окажется достаточно далеко, чтобы услышать ее.

Этого не случилось.

Хью возник из мрака и остался в периметре света, словно серебристый дымок.

— Разумеется, иначе я не заговорил бы об этом.

Микаэла нахмурилась. Она по-прежнему недолюбливала сэра Хью, сама не зная почему. Поэтому она задала первый пришедший ей на ум вопрос:

— Почему вы хотите мне помочь?

Хью медленно направился к столу со сложенными за спиной руками. Он снова был одет так, будто собирался на утренний прием в королевский дворец, и Микаэла должна была признать, что он очень красив, хотя, к своему удивлению, обнаружила, что внешность Хью Гилберта проигрывает по сравнению с ликом лорда Шербона. Хью был скульптурно совершенен, очарователен; Родерик Шербон — высокий и таинственный — и от этого буквально захватывало дух.

— Если Рик потеряет Шербон, у меня не будет другого дома, — спокойно сообщил Хью. — Я занял денег подо все, чем владел, чтобы принять участие в крестовом походе, и если я вернусь домой, мне нечем будет платить моим кредиторам... — Хью пожал плечами,

затем ироническая улыбка вновь вернулась на его лицо. — Боюсь, я не обладаю качествами, которые можно было бы продать. Я достаточно хорошо одеваюсь, могу сочинить приличные вирши и сижу на лошади лучше любого в этих краях. Но куда это может меня привести, а? Странствующий менестрель, и только? — Он хмыкнул и покачал головой: — Я не что иное, как ненужное украшение, всюду, кроме Шербона.

Микаэла кивнула. Жизнь многих людей зависела от замка Шербон. И больше всех, пожалуй, самого лорда.

Возможно, что она слишком поспешно и слишком строго оценила Хью Гилберта.

— Наша дружба может быть благотворна для всех, — задумчиво произнесла она.

У Хью взлетели брови.

— Разумеется.

— Отлично. Что я должна делать? — спросила Микаэла.

Родерик допивал четвертый кубок вина в течение часа, когда Хью тихо постучался, а затем открыл дверь.

Родерик знал, что его друг придет к нему. Хью не мог удалиться на ночь без того, чтобы не поделиться своими впечатлениями о событиях вечера, — иначе он лопнул бы прежде, чем пропоет петух.

Хотя Родерик ценил дружбу Хью, который был его единственным другом с момента возвращения в Шербон, он многое отдал бы, чтобы провести долгие ночные часы в одиночестве, размышляя над тем, как обстоят его дела с Микаэлой Форчун.

Вот уж действительно леди Удача.

— Ни минуты покоя, согласен? — выразительно спросил Хью. Он подошел к Родерику, сидевшему в кресле, плюхнулся в кресло напротив и взял графин с вином. — Клянусь, Рик, здесь больше интриг, чем в борделе Аурелии.

Родерик фыркнул и осушил свой кубок. Хью сделал большой глоток и удовлетворенно вздохнул.

— Продолжим упражнения сегодня ночью? Знаю, что ты весь в ссадинах после нашей прогулки верхом, но это пойдет тебе на пользу.

— Не сегодня, Хью, — ответил Родерик, совершенно забыв об этих мучительных для него прогулках. — Я буду беспомощен на ринге — моя нога...

— Да, твоя нога, моя задница, — глумливо произнес Хью. — Уверен, мисс Форчун тебя соблазнила. Именно это меня беспокоит.

— Ничего подобного, — как-то по-детски возразил Родерик, не желая обсуждать с Хью свои чувства к Микаэле.

— Нет? — с вызовом спросил Хью. — Я понимаю, время быстро летит. Отпусти мисс Форчун, женись на следующей, какой бы она ни была.

— Почему тебе не нравится мисс Форчун? Ей нет и двадцати, она не уродлива, не хуже других. Не ты ли пилил меня за то, что я отпугиваю женщин? А сейчас уговариваешь меня поступить точно так же с мисс Форчун.

— Значит, ты находишь ее привлекательной? — спросил Хью.

Родерик снова фыркнул:

— Во всяком случае, не безобразной.

— Собираешься уложить ее в постель?

— Хью, — вздохнул Родерик.

— Только твоя гордость удерживала тебя, — отрезал Хью, — что бы ты ни говорил,

Рик. Кроме того, не думаю, что мисс Форчун выбросит тебя из своей постели.

— Нет?

— Впрочем, особо не обнадеживай себя. По-моему, она шлюшка.

— Черт тебя подери! — рассмеялся Родерик.

— Смейся сколько угодно, но... — Хью пожал плечами и поднес кубок к губам.

Родерик снова посерьезнел.

— С чего ты взял, что она шлюшка? В каком бы отчаянном положении ни находился мой кузен, вряд ли он поселил бы проститутку в своем доме, чтобы она составила компанию его дочери.

— Но мисс Форчун с ним спала, а они не были женаты, даже помолвлены не были...

— Почему ты так уверен в том, что мисс Форчун с ним спала?

— Брось, Рик, в Торнфилд-Мэноре на пиру все об этом говорили. Почему она сочла себя такой униженной, когда Торнфилд женился на другой? Каждую ночь он провожал мисс Форчун в ее комнату, после того как его дочь ложилась спать.

— То, что произошло между леди Микаэлой и Торнфилдом до ее приезда в Шербон, не имеет значения ни для настоящего, ни для будущего. Она предпочла не возвращаться туда, и это главное.

— Думай что хочешь, но мисс Форчун любит его, — как бы между прочим сообщил Хью. — Твой брак с ней поставит тебя в неловкое положение, поскольку она наверняка останется любовницей твоего кузена.

— Ты все слишком драматизируешь, Хью.

— Ты так считаешь? А каково тебе будет, если она начнет просить тебя простить Алану Торнфилду его долги? Когда она будет выставять свои отношения с ним здесь и в Торнфилд-Мэноре? Ты станешь посмешищем для всей округи. И можно даже допустить, что ее пребывание в Шербоине не что иное, как план, разработанный ею вместе с Торнфилдом.

— Она не вернется в Торнфилд-Мэнор. — Родерик был в этом уверен. Какие бы чувства ни питала Микаэла Форчун к Алану Торнфилду, все это были лишь девичьи мечты, которые Торнфилд разбил, женившись на другой. Родерик не верил, что Алан Торнфилд сочтет в своих высших интересах внедрить Микаэлу — как любовницу или в каком-нибудь ином качестве — в логово Шербонского дьявола.

— Хорошо, пусть не Торнфилд, — снизошел Хью. — Но такая женщина вряд ли останется одна в своей постели надолго.

Родерик пожал плечами:

— Меня это не заботит. Если захочет, пусть заведет себе любовника, лишь бы все оставалось в тайне.

— Ты готов растить ребенка от другого мужчины? Родерик бросил на друга быстрый мрачный взгляд.

— Я просто сказал это, чтобы испытать твою щедрую натуру, Рик. — Хью вытянул ноги и осушил кубок. — Поверь мне, первой задачей мисс Форчун будет окрутить тебя вокруг своего маленького пальчика и с помощью блестящей уловки сделать вас двоих близкими друзьями. Меня несколько не удивит, если она зайдет так далеко, что соблазнит тебя.

Родерик грубо рассмеялся, хотя образ Микаэлы Форчун, увлекающей его в ее постель, разбудил в нем его мужское начало. Он пошевелился в кресле.

— Сомневаюсь, что она зайдет так далеко.

— Не знаю, Рик, мне она кажется какой-то отчаявшейся, — сказал Хью.

Родерик почувствовал себя так, словно Хью нанес ему удар. Одно дело, если такие низкие мысли о себе бродили у него в душе, и совсем иное — услышать их из уст лучшего друга.

Однако Хью как ни в чем не бывало продолжал:

— Знаешь, готов поспорить на серебряную монету, что в следующий раз, когда вы окажетесь наедине, она попытается заставить тебя поцеловать ее.

Родерик рассмеялся, думая про себя, насколько он был близок к этому, когда появились Хью и Харлисс.

— Хью, ты перегибаешь палку.

— Боишься проиграть? Или боишься, что я выиграю? — поддразнил его с ухмылкой Хью. Из кармана своей туники он извлек маленький кожаный кошелек и дернул за шнурок. — Так, давай. — Хью швырнул на столик между их креслами серебряную монету. — Клади свою монету там, где прячутся твои убеждения, лорд Родерик Шербон, ты, дьявол!

Родерик не мог не рассмеяться.

— Хорошо, хорошо! Я принимаю это пари, сэр Хью Гилберт, лорд Ничтожество.

— Ты прав, черт подери. — Хью протянул руку через стол Родерику, и тот с готовностью пожал ее, скрепляя пари. — Теперь отрывай свой зад — мне нужно подвергнуть тебя пыткам, ты заслуживаешь их после твоего обращения с Харлисс. Пойдем, Рик.

Когда Родерик с трудом поднимался с кресла, он еще раз осознал, как ему повезло, что Хью — его друг. Пусть грубый, прямолинейный, но именно благодаря ему Родерик остался жив. А это дорогого стоит.

Днем Микаэла проводила время с Лео, и это немного отвлекло ее, тем не менее она чувствовала, как колючие узлы все крепче и крепче сжимались у нее в животе, по мере того как приближался вечер.

Она сама потребовала этой встречи, но сейчас у нее не было ни малейшего представления, о чем они будут говорить. Правда, совет Хью Гилберта дал ей хороший толчок: постараться стать его другом. Расспросить о его прошлом, проявить интерес к семье, отцу и к тому времени, которое он провел вдали от Шербона. Быть с ним смелой. Хью предупредил ее, что он мог упираться поначалу, но она должна проявить упорство и настойчивость.

Отлично. Микаэла будет и упорной, и настойчивой.

Если, конечно, не упадет в обморок при его первом рычании.

— Эди Микэ-а петъ Эо ечеом, да? — спросил малыш, лежащий рядом с ней на постели. Они играли с коллекцией деревянных животных, и на покрывале был рассыпан целый зверинец четвероногих.

— Да, конечно, — согласилась она. — Но твой папа должен прийти поговорить со мной после того, как ты отправишься спать, поэтому мы лучше споем одну-две песенки здесь, в моей комнате, прежде чем за тобой зайдет сэр Хью. Хорошо?

— Холосо. — Лео бросил корову, которую держал в руке, и придвинулся к Микаэле, положив головку ей на грудь, что вызвало у нее теплую улыбку. — Пой о эди и коабе.

— О леди и корабле? Лео кивнул.

— Это очень грустная песня, не стоит петъ ее перед сном, ну да ладно. — Микаэла откашлялась и запела: — В Суррее жила-была девушка, которая любила моряка. Однажды он уплыл далеко в море на корабле, который шел на звезду. Девушка плакала и молила его остаться, но молодой моряк не внял ей: он бросил ее, ожидая богатств, его сердцем овладела жадность. «Ху-ла, ху-ла! Моя милая ждет меня там, где море встречается с берегом! Ху-ла, хула! Она будет ждать там целую вечность, потому что корабль туда больше не вернется».

В трех последующих четверостишиях говорилось о верной и преданной девушке и судьбе ее алчного возлюбленного — сильный шторм, морская могила для бессердечного юноши. Микаэла пела свою печальную песню, крепко обнимая Лео. Последний припев она спела почти шепотом:

— «Ху-ла, ху-ла! Она будет ждать там целую вечность, потому что корабль туда больше не вернется».

— Хорошо, если после этого парнишке не будут сниться кошмары.

Микаэла вздрогнула, Лео завожился у нее на руках и сел. Она была так глубоко погружена в песню и в ощущение от прижавшегося к ней маленького мальчика, что не слышала, как открылась дверь ее комнаты и как вошел Хью Гилберт. У нее в животе что-то перевернулось, когда она увидела маячившего в дверном проеме позади него Родерика Шербона.

— В чем дело? — спросил рыцарь, подходя к кровати и протягивая руки к Лео. — Мы стучали. Очевидно, вы не слышали нас из-за вашего кошачьего концерта. Привет, шалун. Хорошо провел день?

— Да, Хью. Папа! — Лео увернулся от рук Хью, соскользнул на спине с постели и побежал навстречу Родерику. Малыш обхватил ручонками ногу Родерика под туникой, и хотя Микаэла увидела выражение боли на лице Родерика, она была довольна, что он опустил руку на спину Лео. Похлопывания были неловкими, но все же это была ласка.

— Лео, — резко воскликнул Родерик, — почему ты вдруг стал называть меня папой?

— Ты — мой папа, — просто ответил Лео, и Микаэла выдохнула, даже не заметив, что затаила дыхание, опасаясь, что Лео признается относительно ее участия в этом вопросе с папой. — И эди Микэ-а говоит называй тебя папа. Папа! — Лео вздернул голову и улыбнулся Родерику.

Микаэла сжалась, когда Родерик бросил на нее вопросительный взгляд, но ее пощадил Хью, который нежно, но крепко взял Лео за руку:

— Пойдем, малыш. Ночь-ночь, волки прочь.

— Пока, папа.

— Спокойной ночи, Лео.

— Пока, эди Микэ-а.

— Спокойной ночи, Лео. Приятных сновидений. Дверь закрылась, и Микаэла осталась в своей темной, тихой комнате наедине с Шербонским дьяволом. «Будь стойкой», — напомнила она себе.

— Добрый вечер, милорд. — Она улыбнулась ему, как ей казалось, дружелюбной улыбкой, хотя ее губы нервно подрагивали.

Хотя Родерик весьма охотно разговаривал с сыном, ответ лорда Шербона скорее напоминал рычание зверя. Он все еще стоял возле двери, словно ожидал, что их первая встреча продлится несколько мгновений и он сможет быстро исчезнуть.

— Может быть, вы войдете? — пригласила Микаэла, указывая рукой на маленький столик и пару кресел возле очага. Микаэла приказала развести, такой огонь, что, хотя несколько свечей освещали темные углы комнаты и постель, где она играла с Лео, это место было самым ярким и теплым.

И несомненно, самым интимным.

Постоянное угрюмое выражение на лице Родерика было едва заметно под накинутым на голову капюшоном, но Микаэла разглядела, что морщины по обе стороны рта углубились. Он скрестил руки на груди, и его трость свешивалась с согнутой в локте руки.

— Простите, если не воспользуюсь вашим приглашением, — начал он. — Есть ли что-то такое...

Его торопливые извинения были прерваны тихим стуком в дверь, и Микаэла молча поблагодарила небеса за это вторжение — некоторые слуги в замке на деле начали постоянно заботиться о ней.

— Миледи, — донесся из-за двери голос служанки. — Я принесла поднос, который вы заказали.

— Извините, милорд. — Микаэла ласково улыбнулась, когда приблизилась к Родерику, заставив его сделать именно то, что она ожидала и на что надеялась: он отошел в сторону, пройдя дальше в комнату. Прежде чем открыть дверь, Микаэла увидела, что Родерик повернулся лицом к полыхающему в очаге огню.

Микаэла с улыбкой и тихой благодарностью приняла от служанки поднос и носком туфли прикрыла дверь, затем осторожно пошла к гигантской черной тени возле стола. Она споткнулась о край ковра, но, охнув от страха, устояла на ногах под угрожающее

дребезжание посуды. Она напонила себе, что должна улыбаться, хотя ей больше всего хотелось закусить дрожавшие губы, когда он обернулся на ее возглас, чтобы убедиться, на ногах она или уже на полу.

— Вот, — весело сообщила она, ставя на столик поднос со свежим хлебом, вином и куском брынзы.

Капюшон лорда Шербона закачался, когда он бросил взгляд на стол.

— Вы пропустили ужин?

— Ах нет! Нет. — Микаэла постаралась не заикаться. Это было нелегко — мужчина перед ней казался самым устрашающим из всех, кого она когда-либо встречала, не говоря уже о том, что одна развлекала в своей спальне. — Зная вашу привычку поздно обедать, я подумала, что мы можем немного перекусить, пока разговариваем.

— Я не голоден. — Он повернулся к огню, все его тело было напряжено.

Неужели она ему абсолютно не нравится?

— Хорошо. — Микаэла отчаянно боролась со своими нервами. Она протянула руку за графином. — Тогда немного вина?

— Я не желаю и вашего чертова вина! — буквально пролаял лорд Шербон, что заставило Микаэлу вздрогнуть, отчего вино из графина не попало в кубок, а разлилось по подносу. Сосуд выскользнул у нее из рук, хотя она пыталась держать его еще крепче, перевернулся над хлебом, звякнул об пол и закатился в темноту.

— Видите, что я из-за вас наделала! — вскричала Микаэла. Ее смущение заставило произнести эти слова, прежде чем она задумалась над их смыслом.

— Я ничего не заставлял вас делать, — проворчал лорд Шербон. — Я не хотел этой встречи и не желаю больше оставаться здесь. Я не люблю, когда мне приказывают в моем собственном доме, и, будьте уверены, мое терпение на исходе. Оставьте ваше гостеприимство, леди Микаэла, и если у вас есть что сказать мне, прошу вас, сделайте это немедленно.

Для Микаэлы это была последняя капля. Несмотря на ее решимость быть более сильной, более волевой, теперь, когда она находится в Шербоне, напряжение от пребывания здесь было слишком велико, чтобы, образно говоря, показывать храбрый фасад. Алан Торнфилд был прав: Шербон не место для такой женщины, как она. И эта мысль вызвала первые слезы. Облитая вином, дрожа от страха и нервного напряжения, находясь на пределе собственных сил и вовсе не заботясь о том, что подумает лорд Родерик, Микаэла села в одно из кресел и, опустив голову на руки, зарыдала.

— Вы ужасный, ужасный человек! — причитала она, уткнувшись в крышку стола. Какое теперь имело значение, что она скажет ему? Никто в Шербоне не заботился о чувствах других людей, и если Родерик Шербон захочет выбросить ее за то, что она откровенно высказалась о своих невзгодах, пусть так и будет.

— Не понимаю, почему вы так шокированы, — проворчал Родерик. — Я сам достаточно рассказал вам о себе.

Она не обратила внимания на его попытки оправдаться.

— С момента моего приезда в Шербон я делала все, чтобы улучшить этот замок. Я пыталась подружиться с Лео и даже с тем... тем неприятным Хью Гилбертом! — Затем она понемногу овладела собой, подняла голову и ладошками вытерла глаза. — Я скучаю по маме и отцу — мне здесь не с кем поговорить, кроме мальчика, которому даже не исполнилось трех лет! Я терпеливо переносила грубость и неповиновение слуг — не говоря уже о Харлисс

— и все это время должна была удаляться в эту жалкую, ужасную, печальную комнату. Я в одиночестве проводила здесь вечера, размышляя, почему мужчина, который в один прекрасный день может стать моим мужем, не желает иметь ничего общего ни со мной, ни со своим сыном. Впрочем, как и с любым другим, кто не носит... который не носит красные сапоги из телячьей кожи!

Микаэла глубоко вздохнула, со свистом выдохнула и вытерла нос краем юбки. Наконец она перестала дрожать. Теперь она ожидала, что Родерик повернется и с громким стуком выйдет из комнаты, но он молча продолжал стоять возле огня.

— А по Торнфилду вы тоже скучаете? — резко спросил он, и Микаэла готова была упасть из кресла в шоке от услышанного вопроса. Он застал ее настолько врасплох, что ее ответ был прямым и честным.

— Да. По лорду Алану и Элизабет... они стали для меня второй семьей. Я никогда не была счастливее в своей жизни, чем когда жила в Торнфилд-Мэноре.

— Тогда почему вы сбежали оттуда? Почему не вернулись, когда Торнфилд вторгся в мой дом и молил вас уехать с ним как бесхребетный трус?

— Это вас не касается.

— Это потому, что он наставил вам рога, не так ли? Вы были его любовницей, и все же он выбрал в жены другую, отбросив вас как ненужный мусор.

Микаэла пришла в такую ярость, что не могла произнести ни слова.

— Это действительно меня не касается, — мягко продолжил лорд Шербон. — Вы можете завести любовника, если пожелаете.

— Что ж, благодарю, милорд, — едва смогла выговорить она!

Ее сарказм, очевидно, не дошел до него, потому что он только пожал плечами. Наступило долгое молчание, в течение которого Микаэла вдруг осознала, что стоявший перед ней Родерик проявил сейчас наивысшую галантность с момента ее появления в замке. И время их беседы оказалось самым продолжительным. Он по-прежнему стоял у огня, словно сам был изваян из тех же тяжелых камней, что и камин.

— Так вы поступите таким образом? — неожиданно спросил он, поворачивая к ней черный овал капюшона.

— Каким образом?

— Возьмете себе любовника?

Что за странное место этот замок Шербон! И что за странный человек ее будущий муж! Он сильно смущал ее тем, что молниеносно менял тему разговора. Микаэла пожала плечами, не зная, что еще сделать.

— Я еще не решила. — Настала пауза, ещё одна пауза, прежде чем она спросила: — Вы этого хотите, милорд?

Черная массивная фигура вздрогнула.

— Если это доставит вам удовольствие. Может быть, лорда Алана?

— Вы забыли, лорд Алан женат.

Родерик, казалось, смотрел себе под ноги.

— Но вы тоже будете замужем.

Микаэла кивнула и не могла не почувствовать, что Родерик Шербон хочет испытать ее таким образом.

— Да, вы правы.

Возможно, такова была его манера попытаться узнать силу ее характера. Если это так,

она оплатит ему той же монетой. Она уже ничем не могла навредить себе.

— А что, если моим любовником станете вы, Родерик? — Произнеся эти слова, она почувствовала, как бешено застучало ее сердце и затрепетал пульс, словно у нее в горле билась маленькая птичка.

Лорд Шербон оставался совершенно неподвижным, и пока Микаэла считала до двадцати, он не пошевелился и не заговорил.

Наконец она вздохнула:

— Но к сожалению, это не годится..

Родерик повернул лицо в ее сторону, капюшон немного сдвинулся, и на раненую щеку упала полоска трепещущего золота.

— Почему?

— Потому что вы тоже будете женатым мужчиной. — Микаэла улыбнулась.

Грубый изгиб его шва поднялся на щеке, словно сдвинулся скалистый утес, скользя в каменное поле призрачной улыбки.

— Да, это так, — согласился он.

Прежде чем бравада покинула Микаэлу, она встала и сделала шаг, оказавшись перпендикулярно к лорду Шер-бону. К ее удивлению — и ее боязливому возбуждению, — он тоже повернулся, так что они оказались лицом к лицу, на расстоянии вытянутой руки. Микаэла взглянула в его снова потемневшее лицо и, отбросив колебания, откинула его капюшон назад.

Он вздрогнул, но Микаэла не обратила на это никакого внимания, медленно опустив руки. Ее взгляд бродил по его лицу, шрамам, полным губам, его прекрасным, ослепительным глазам, она удовлетворяла свое любопытство после того первого раза, когда утонула в их зеленой глубине. Единственными звуками в комнате было их дыхание, встречающееся и сливающееся вместе, прежде чем устремиться к потрескивающему огню, чтобы быть унесенным вверх по трубе.

— Вам не нравится эта комната? — неожиданно спросил он спокойным тоном, и Микаэла наблюдала за его ртом, когда он говорил.

— Я терпеть ее не могу, — призналась она. Родерик кивнул:

— Здесь находилась моя детская, я тоже ее ненавидел.

— Неудивительно, что никакая другая женщина не осталась в замке, если вы заточали ее здесь.

Рот Родерика изогнулся в улыбке, но лишь мельком, словно это движение было чуждо ему.

— Можете двигаться, если захотите.

— А почему вы ненавидели эту комнату? — поинтересовалась Микаэла, думая о том, что вынес Родерик в детстве от рук Магнуса Шербона. Она попыталась представить его себе маленьким мальчиком, Лео с каштановыми волосами. Но задать такой вопрос было ошибкой. Лицо Родерика замкнулось, чуть ли не со слышимым звуком, и он попытался отступить.

Микаэла схватила его за руку, но слишком поздно, понимая, что эта рука была ужасно изуродована. Она скорее почувствовала, чем услышала, как, у него перехватило дыхание, и ослабила пальцы, хотя не отпустила его руку полностью.

— Вам больно? — шепотом спросила она, указывая на место, где лежали ее пальцы, но тут же осознав, что этот вопрос означал столько разных вещей.

— Временами, — прошептал в ответ Родерик. — Но не часто, сейчас.

Двигаясь медленно, словно она приближалась к кролику, а не к огромной, пугающей глыбе человека, Микаэ-ла еще раз поднесла руки к его лицу, на этот раз дотронувшись до его щеки. Левым большим пальцем она осторожно провела по его длинному шву.

— Здесь? — спросила она.

Он едва заметно покачал головой.

— Здесь? — Она легко провела указательным пальцем правой руки по переносице.

Он снова покачал головой. Глаза Микаэлы сосредоточились на диагональном шраме, проходившем через его рот, и она коснулась его краев двумя большими пальцами, пристально глядя ему в глаза и подняв брови в молчаливом вопросе.

— Нет, — ответил он.

Руки Микаэлы заскользили мимо его ушей к задней стороне шеи и нежно нажали там. Она привстала на цыпочки и прижалась губами к его щеке, затем к носу, затем к белой полоске над его губами, теплой, гладкой и мягкой. Потом отпустила его.

Родерик долгое время смотрел на Микаэлу, затем, довольно неожиданно для нее, фыркнул и покачал головой.

— Он всегда прав, — пробормотал Родерик.

— Кто всегда прав? — нахмурилась Микаэла.

— Ну конечно. — Родерик снова накинул капюшон и отошел от Микаэлы, направившись к двери. Его трость нетерпеливо стучала по каменному полу. — Спокойной ночи, мисс Форчун, — угрюмо попрощался он.

— Но...

— Встретимся завтра вечером, — прервал он ее, распахивая дверь и выходя в коридор, оставив ее лишь с громким звуком захлопнувшейся за ним двери и полным беспорядком на полу.

Микаэла вздохнула:

— Черт подери!

Родерик шел, тяжело ступая, по лабиринту коридоров к своей комнате так быстро, как позволяло его искалеченное, бесполезное тело, и на протяжении всего пути у него в ушах звенел накликавший беду голос отца. Его рот был болезненно сжат, когда он топал, таща свое тело, а губы все еще чувствовали теплый огонь поцелуя Микаэлы.

— Дурак, дурак, дурак... — твердил он про себя, и все это время его живот сжимался в предательском возбуждении. — Дурак!

Он приблизился к своей двери и распахнул ее так, что она ударилась о стену, вспугнув Хью, который вскочил со своего привычного места в высоком кресле, которое он обычно занимал после того, как укладывал Лео спать.

— Господи, Рик! Что случилось? Посмотри — из-за тебя я пролил вино на мою лучшую тунику! — воскликнул он, стряхивая с груди красные капли.

Уже второй раз в течение одного часа Родерика обвиняли в одном и том же.

Он, топая, приблизился к гардеробу, рывком открыл половину дверцы свободной рукой, широким жестом смахнул с полки кучу мелочей, обнаружив маленький ящик, где хранились несколько монет. Он открыл крышку, выловил монетку и обернулся к Хью, не закрывая дверцы шкафа.

Родерик едва не разрушил стол, ударив по нему ладонью с кусочком серебра. Крышка стола издала звук, словно раскололась, и наклонилась в сторону, заставив Хью подхватить

монетку, прежде чем та соскользнула на пол.

— Я буду на площадке для занятий. Хочешь, можешь присоединиться. — Родерик повернулся и, прихрамывая, вышел из комнаты.

«Черт с ними со всеми!»

Исчезнув в темном коридоре, он не видел удовлетворенную улыбку, появившуюся на губах Хью, зажавшего в кулаке монетку.

— Ты должен носить башмаки, Лео.

— Нет! Не хочу.

— Но настоящий мальчик не должен ходить босиком. Полы в замке словно лед — ты простудишься.

— Не хочу!

Микаэла вздохнула, когда малыш решительно слез с ее колен, подбежал к ковру, где были разбросаны его игрушки, и растянулся там. Она подбросила в воздух маленький кожаный башмак и дала ему упасть.

Не говоря уже о том, как глупо она ведет себя с лордом замка, ей даже не удастся заставить трехлетнего малыша носить башмаки. Как она может стать настоящей леди из Шербона? Каждую минуту она ожидала, что появится самоуверенный щеголеватый Хью Гилберт с сообщением, что Родерик требует ее немедленного отъезда из Шербона.

И все же она надеялась, что Хью вот-вот явит свое красивое, самодовольное лицо. Из-за его сумасшедшего совета она сейчас была в большом затруднении. Возможно, его маленький план действовал безупречно, когда он соблазнял бесчисленное множество простых девушек, но вряд ли он годился для израненного, необъяснимого человека. Определенно — нет.

Ей необходимо было на время выйти из замка, чтобы прояснить голову, дать себе время хорошенько подумать.

Она встала и громко вздохнула, вспомнив его прощальные слова: «Встретимся завтра вечером».

Малыш задержал свою пухлую ручку, державшую фигурку конного солдата, которую он намеревался направить на Другие игрушки, и с любопытством посмотрел на нее:

— Куда ты, эди Микэ-а?

— Я собиралась прогуляться по двору. Жаль, что ты не сможешь составить мне компанию.

Лео вскочил, солдатик был оставлен на растерзание поверженных жертв.

— Эо идет тосе!

— Нет, боюсь, что нет. — Микаэла печально покачала головой. — Видишь ли, сейчас слишком сыро, чтобы ходить босиком по улице. А поскольку ты не хочешь носить башмаки... — Микаэла пожала плечами. — Но я приду повидаться с тобой, когда вернусь, хорошо? — Она направилась к двери.

— Нет, нет, нет! — завопил Лео, и Микаэла обернулась, чтобы увидеть, как малыш ползает по ковру в поисках второго башмака. — У Эо есть башмаки! Есть башмаки! Зди Эо! — Он упал на спину, пытаясь натянуть башмак.

Микаэла улыбнулась про себя и подошла к нему, опустившись на колени..

— Тебе помочь?

— Да. — В спешке Лео буквально кинул в нее башмак.

— Ну а дальше?

— Пожалуйста.

Микаэла приложила ладонь к его щеке, довольная как мальчиком, так и собой.

Прошло несколько минут, и Микаэла с Лео освободились от угнетающей темноты замка

Шербон. Они бродили в прохладном внутреннем дворе, обвеваемые ветерком при ярком солнечном свете. Они обходили замок с северо-восточной стороны, когда знакомая округлая фигура брата Коупа появилась из-за маленькой, почти невидимой двери.

— Бат Коп! — закричал Лео, который, как всегда, был рад каждому встречному, и побежал навстречу святому отцу.

— Добрый день, Лео. Вижу, ты не расстаешься с леди Микаэлой. — Он поднял глаза на девушку: — Добрый день, дорогая. Как дела?

— Очень хорошо, брат, — солгала Микаэла. — Отправляетесь на другую миссию? — спросила она, глядя на дорожную сумку, висевшую на его плече.

— Еще один круг по владениям, пока позволяет погода. — Он быстро взглянул на небо, словно ожидая, что вот-вот начнется метель. — Вы видели сегодня лорда Родерика?

— Нет, еще нет. — Микаэла помедлила, думая о том, увидятся ли они сегодня вечером, как он обещал. Она попыталась подавить нервное возбуждение, которое вызвала в ней эта мысль.

— Может быть, вам стоит отыскать его, — загадочно предложил брат. — У него свидание с человеком, которого, я уверен, вам будет приятно увидеть.

Микаэла не смогла подавить стон.

— Надеюсь, это не Алан Торнфилд. — Господи, этот человек принес ей достаточно неприятностей, и если лорд Торнфилд снова приехал поговорить с Родериком, у того будет мрачайшее настроение, после того как этот блондин уедет.

Монах покачал головой:

— Не могу ничего сказать. Вы должны обнаружить это сами — они в церкви. — Он кивнул на дверь, из которой только что вышел, и, потрепав Лео по волосам, отправился прочь со словами: — Да благословит Господь вас обоих.

В замке Шербон имелась церковь? Ну разумеется, это не лишено смысла, если здесь резиденция брата Коупа, но, насколько известно Микаэле, там не происходило церковных служб. Никто из слуг не упоминал о ней, так же как и Хью Гилберт или Родерик. Ни даже сам Коуп.

— Послушайте, брат, подождите! — позвала Микаэла. Она неожиданно вспомнила постоянно преследовавший ее важный вопрос, ответ на который мог дать только брат Коуп.

Он повернулся, но продолжал идти спиной, подняв вверх ладонь.

— Не требуйте от меня невозможного, Микаэла. Лорд Шербон и так...

— Нет-нет, это не о посетителе. — Микаэла бросилась вперед, радуясь тому, что ее слова вынудили пожилого человека остановиться. Она указала на отдаленный холмик, едва видимый поверх стены: — Там могилы?

Взгляд брата последовал за рукой Микаэлы, и он кивнул:

— Да. Там их восемь.

Ага, подумала Микаэла, довольная тем, что инстинкт не обманул ее.

— Кто же там похоронен?

Брат Коуп взглянул на замок, словно ожидая осуждения.

— Магнус Шербон, отец Родерика; Дорис Шербон, мать Родерика. И шесть из их семи детей. Прощайте.

Брат Коуп снова повернулся и через несколько мгновений исчез, выйдя в северо-восточные ворота, в направлении конюшен и места, где была захоронена вся семья Родерика Шербона, за исключением его самого и сына, который сейчас держался за ее юбки.

— Лорд Шербон, умоляю вас, — нахмурившись, сказал старый человек Родерику. — Брат ушел, я знаю, где находится ящик, и мы не причиним вреда алтарю. Если только вы позволите мне доказать...

— Лорд Форчун, — проворчал Родерик, который совершенно не знал, что делать с отцом своей нареченной. — Меня нисколько не заботит, какой ущерб будет нанесен этому ничемному месту в моем доме. — Он с пренебрежением оглядел длинную, нарядно украшенную комнату с высоким потолком, которая выглядела величественнее большого зала. — Мой отказ, однако, двоякого рода: я не хочу поддаваться подобным религиозным предрассудкам, которыми вы введены в заблуждение. И я не допущу эксгумацию предмета, который захоронил мой отец. Он был злым человеком, от чего страдало все, чего касалась его рука. Пусть это останется похороненным здесь навсегда.

— Вы не понимаете. — Уолтер Форчун нетерпеливо покачал головой. — Лорд Шербон, я хорошо знал вашего отца — да, он был злобным, недоброжелательным человеком. Но он захоронил здесь вещь, оказав любезность мне, моей жене и дочери. Микаэле. Я должен получить ее обратно — она не может оставаться в тех же стенах, что и Микаэла. Это слишком опасно для всех в Шербо-не. Особенно для вас, милорд.

— Вы что, забыли об этой вещи, когда доставили вашу дочь к моему порогу, Форчун? — с вызовом спросил Родерик гостя. — Возможно, вы слишком спешили открыть ей — и себе — доступ к моим сундукам с деньгами?

Лицо пожилого человека вспыхнуло.

— Нет, сэр. Я не забывал. Я просто не надеялся, что Микаэла останется здесь.

Родерик фыркнул и пристально взгляделся в напряженное лицо старика, форчун, Форчун. Уолтер Форчун...

Это было связано с его женой? Она что-то потеряла, или ее прокляли?..

Краем глаза Родерик поймал слабый луч света. Когда он повернул голову, то ничего не увидел, приписав это одному из неприятных моментов, вызванных его ранами.

Но как бы то ни было, Родерик все еще не мог определить место этого человека в своей памяти, что неудивительно — Магнус редко снисходил до разговоров с сыном.

— То, что вы ищете, — ценная вещь? Уолтер покачал головой:

— Нет, милорд. Она не имеет никакой ценности. Возможно, за все эти долгие годы она превратилась в пыль, и все же я не рискую...

— Где она, точно?

Пожилой мужчина бросил взгляд через плечо, к нише, где огромное каменное изваяние крылатого воина на вздыбленном коне белело слева от церковного алтаря.

— Она захоронена под единственным квадратным камнем под поднятыми копытами коня, — почти шепотом сообщил Уолтер и, к великому удивлению Родерика, начал извлекать длинный тонкий металлический стержень из своей туники. — Я могу легко приподнять камень и...

— Нет, — перебил его Родерик, покачав головой. — Если это часть Шербона, то предмет принадлежит мне.

— Но послушайте, милорд, — заторопился гость. — Если вы сочтете, что эта вещь имеет какую-то ценность, я оставлю ее вам. Но, клянусь, она бесполезна для любого, кроме ме...

Мольба Уолтера была прервана звуком шагов возле холла, где, как показалось Родерику, он раньше увидел луч света. Кто-то проскользнул в дверь?

Уолтер Форчун тоже услышал шорох, и его поза, как в зеркале, повторила позу хозяина. — Кто там? — требовательно спросил Родерик. — Ну-ка, выходите!

Лео стремительно выбежал из тени, его счастливое личико попало в калейдоскоп пятен от витражей окон, расположенных высоко в стенах. Родерик застонал, когда малыш подбежал к нему, зная, что там, где ходит Лео, также ходит...

— Папа! — Лицо Микаэлы Форчун выражало одновременно изумление и радость, когда она увидела отца, стоящего перед Родериком. Она бросилась к пожилому человеку и обвила руками его шею. — Как замечательно, что ты приехал! Мама с тобой?

— Здравствуй, моя дорогая, — сказал Уолтер, натянуто улыбаясь и тоже обнимая дочь, взгляд, который он бросил на Родерика поверх плеча Микаэлы, казалось, молил: «Не говорите ей».

— Нет, твоя мать осталась дома. Я собирался только заглянуть сюда и посмотреть, как ты поживаешь. — Он отстранил дочь и оглядел ее с ног до головы. — А ты похудела.

— Возможно, — уклончиво ответила Микаэла. — Лео не оставляет мне ни минуты покоя. Папа, это сын лорда Шербона.. — Лео. Лео, это мой папа, лорд Форчун. Покажи свои манеры.

Лео отступил на полшага от ног Родерика и склонил подбородок к груди:

— Добый день, ми-од.

— Добрый день, Лео. — Уолтер улыбнулся мальчику, затем вновь взглянул на Родерика. — У вас прекрасный сын, милорд. Вы должны служить ему защитой.

Родерик промолчал в ответ.

— Ты останешься здесь, папа? Может быть, на день-два?

— Нет-нет, боюсь, что не смогу. — Уолтер Форчун посмотрел на дочь, но Родерик знал, что следующие слова пожилого человека предназначались ему одному. — Я еще вернусь. Я не могу надолго расставаться с моим единственным ребенком.

— О, папа! — Микаэла улыбнулась. — Но ты же не уедешь немедленно? Ты ведь только что приехал! Дорога до дома длинная, а ты уже не молод.

Уолтер Форчун для вида нахмурился:

— Рад, что ты не забываешь о своем дерзком язычке, дочь моя. — Затем его лицо вновь осветила бесшабашно веселая, добрая улыбка.

Родерик подивился, каким образом этот такой, очевидно, простой и безобидный человек мог быть связанным с Магнусом Шербоном.

— Но ты права. Я дам отдых моим костям этой ночью и отправлюсь обратно с рассветом. Мы сможем вместе разделить сегодняшнюю трапезу, если захотим.

Что касалось Родерика, то он сегодня уже вдоволь наболтался с Уолтером Форчуном.

Охотник...

Где-то глубоко в мозгу Родерика это слово нажало спусковой крючок, но он отмахнулся от него как от пустяка и предпочел обратиться к будущему тестю:

— Вам не требуется моего разрешения на то, чтобы остаться, Форчун, — Шербон теперь также дом и вашей дочери. Но я не ем в большом зале, так что... желаю вам хорошо провести время в замке. — Родерик повернулся к Микаэле, и его взгляд задержался на ее губах, он не мог забыть их с прошлой дурацкой ночи. — Прошу извинить меня, леди Микаэла.

— Милорд. — Микаэла слегка склонила голову, и Родерику показалось, что мисс Форчун тоже смотрит на его губы.

Родерик двигался, позабыв про груз на колене, которым был Лео.

— Отпусти меня, Лео. Мне нужно заняться делами.

— Эо идет с тобой. Эо идет с папой.

Родерик многозначительно взглянул на Микаэлу, ожидая, что она вмешается, как это всегда делал Хью.

Она лишь взглянула в ответ на Родерика с загадочной улыбкой на полных розовых губах.

— Лео, ты... Я должен... — Родерик пытался придумать какое-нибудь оправдание — любое объяснение, — чтобы малыш отпустил его. Было бы нетрудно придумать причину, которая показалась бы весьма убедительной этому трехлетке, но когда Родерик взглянул вниз, в широко распахнутые карие глаза, так напоминавшие глаза прекрасной, экзотической Аурелии, к горлу подступил комок.

Родерик смотрел на Микаэлу, зная, что ее молчание было нарочитым. Она не спасет его — черт подери, вероятно, именно она научила мальчика так поступить.

— Приходите забрать его у меня через час! — прорычал он.

— Хорошо, милорд. Откуда мне его забрать? Родерик задумался. Его единственным намерением было удалиться в свою комнату после того, как он избавится от Уолтера Форчуна. Он отвык бывать за пределами замка при свете дня.

— Мы будем в моей конторе. — Родерик нагнулся и с трудом оторвал мальчика от своей ноги. — Пойдем, только не вертись у меня под ногами. — Родерик направился к задней стороне проклятой церкви, тяжело волоча ногу.

Звук быстро передвигающихся ножек скоро достиг Родерика, Лео обежал его, чтобы проскользнуть рукой в складки его плаща с другой стороны.

— Бум ситатьденьи, папа?

— Да, Лео, — вздохнул Родерик. Он должен будет поговорить с Хью о деле, которое уже обсудил с малышом. — Мы пойдем считать мои деньги.

Время между тем, когда Родерик оставил их с отцом в церкви, и тем, когда она ждала его в своей комнате вечером, показалось Микаэле вечностью.

Придет ли он, как обещал? Или же его прощальные слова были лишь попыткой проявить любезность? Но так она не думала — лорд Шербон, похоже, мало заботился о приличиях и о том, чтобы пощадить ее чувства, Микаэла знала об этом не понаслышке.

Она надеялась узнать у него, действительно ли он посетит ее комнату, когда придет забрать Лео, но в бухгалтерии Микаэла застала только малыша и самодовольно усмехающегося Хью Гилберта. И хотя она была разочарована, что Родерик снова исчез для нее — и для Лео, — у нее появилась возможность пожаловаться Хью по поводу предложенного им метода — как извлечь лорда Шербона из его раковины и завоевать его доверие.

Но красавец вовсе не был выведен из себя гневными обвинениями Микаэлы — хотя и смягченными ради Лео. Ведь он уверял ее, что знал «Рика» лучше, чем кого-либо другого, и что его план непременно сработает.

— Упорство, — напомнил он ей снова, затем, подмигнув, предложил: — Будьте смелее! Подтолкните его!

Итак, Микаэла сидела в одном из кресел, поеживаясь от холода. Она сняла туфли и спрятала голые ступни под край юбки.

Микаэла решила, что это будет проявлением смелости с ее стороны.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть, и она задохнулась, прижав руку к груди. Она глубоко вдохнула и выдохнула, затем произнесла как можно спокойнее:

— Да?

Дверь отворилась, и там стоял он, высокий, широкоплечий, завернутый в черный плащ, с тростью, прижатой к боку его находящейся в тени фигуры. Воспоминание о его зеленых глазах, спрятанных в темноте капюшона; шершавости верхней губы, натянутой гладкости рубца на щеке. Воспоминание о его запахе, огромности его фигуры, когда она стояла в его тени; мысль о маленьком, одиноком мальчике, посещавшем могилы родных на ближайшем холме, — все это заставило ее сердце биться в три раза быстрее.

На этот раз он вошел, не дожидаясь приглашениями Микаэла удовлетворенно отметила про себя, что он закрыл за собой дверь.

— Добрый вечер, милорд, — приветствовала она его. В ответ Родерик Шербон что-то проворчал. Микаэла улыбнулась ему и вытянула ноги, высунув озябшие ступни из-под юбки. Она не считала, что они были хороши. То есть ее ступни.

В этот момент его капюшон соскользнул на спину, но он вновь накинул его, когда повернулся к ней лицом.

— Вы потеряли туфли?

Микаэла почувствовала, как жар кинулся в лицо, и была рада, что находилась спиной к огню, — это могло скрыть ее смущение.

— Нет, но я... я почувствовала, что сегодня вечером мне будет удобнее без них, — призналась она, причем ее слова прозвучали даже для ее ушей так, словно она оборонялась. Она испытала потребность, больше чем когда-либо, привести в замешательство этого

огромного человека. Ее голос прозвучал низко и хрипловато. — Мне нравится... нравится чувствовать огонь на коже.

Он пересек комнату в своей неторопливой, осторожной манере, и Микаэла увидела, сколько умения и чувства равновесия требуется, чтобы заставить двигаться тело таких огромных размеров. Он остановился в паре шагов от нее и свободной от трости рукой откинул капюшон. При свете огня его захватывающие дух глаза засверкали, словно изумруды.

— Тогда почему вы повернули ноги в мою сторону, а не к огню?

Ей показалось, что она увидела его улыбку, и едва не задохнулась от унижения.

— Я... они...

Но он избавил ее от неуклюжих объяснений, сев в кресло напротив. Его фигура подчеркнула небольшие размеры мебели, но поза поражала своей грациозностью.

Микаэле захотелось узнать, как выглядят мускулы его рук и плеч под сорочкой. Как они поведут себя под ее ладонями...

— О чем мы поговорим сегодня, мисс Форчун? — спросил Родерик, взяв со столика графин с вином. Он помолчал, с недоумением вскинув бровь: — Нет хлеба? И сыра?

Микаэла покачала головой, чувствуя себя смущенной, когда он, налив себе вина, вопросительно поднес графин к ее кубку.

— Да, благодарю. Нет, вы же говорили, что...

— Я передумал, — прервал ее Родерик. — Попросите, чтобы завтра вечером прислали поднос с едой. Итак, наш разговор?..

— О да! — Теперь Микаэла была так смущена, что не знала, с чего начать. — Как Лео вел себя сегодня днем?

— Отлично. — Родерик глотнул из кубка и взглянул в огонь, сразу загипнотизировав Микаэлу своим профилем.

— Но вас не было в комнате, когда я пришла забрать его.

— Да. Это так.

Микаэла нахмурилась:

— Где же вы были?

На лице Родерика отразилось недовольство.

— Вы видели, как устроили вашего отца?

— Да. Он уедет завтра утром. — Микаэла на мгновение закусил губу. — Он сказал, что ему еще нужно с вами поговорить. Вы...

— Мы с лордом Форчуном уже обо всем поговорили. Уверен, в следующий раз мы встретимся уже на нашей свадьбе.

Ну что ж, по крайней мере этим вечером он все еще готов был на ней жениться.

— Мы поженимся в часовне?

На его лице снова отразилось недовольство.

— Вы этого хотите?

— Разумеется, она очень красивая.

— Вы так считаете? — Родерик вновь повернулся лицом к очагу и ворчливо произнес: — Это можно устроить. Мне это безразлично.

— Я вижу, — ответила Микаэла. — Значит, вы поссорились с братом Коупом?

— Если бы у меня с Коупом произошла ссора, невероятно, что он продолжал бы дышать, не говоря уже о том, чтобы жить в Шербоне. — Родерик поднес кубок к губам. —

Часовня — лишь напрасно занимаемое место. Полагаю, использование ее для свадьбы принесет хоть какую-то пользу. — Он глотнул вина.

— Напрасно занимаемое место? — Микаэла была заинтригована. — Возможно, вы не считали бы так, если бы она использовалась по своему прямому назначению.

Теперь пламя охватило толстые поленья, и ступни Ми-каэлы — к сожалению, спрятанные от взгляда лорда под столом — были теплыми, как свежеподжаренный хлеб.

Родерик грубо рассмеялся:

— Тогда это также будет напрасной тратой времени.

— Что за грешное замечание! — сказала Микаэла, подняв свой кубок. — Как вам не стыдно, лорд Шербон! — Она сделала глоток, не отрывая от него глаз.

— Я уже получил полную дозу религии, мисс Фор-чун, — ровным голосом сообщил ее гость. — Или вы не слышали о моем святом походе? — Слова прозвучали как ругательство.

— Конечно, слышала. — Микаэла поняла, что приближается к познанию сути этого человека, и она уже слышала голос Хью Гилберта, подталкивающий ее двигаться и дальше в этом направлении. — Я также слышала о вашей храбрости и бескорыстии.

— Вы не имеете никакого представления об этом, — пробормотал он и снова глотнул вина.

— Вы правы, — согласилась Микаэла. — Не имею. — Наступило молчание, Микаэла нарушила его: — Возможно, если бы вы рассказали мне об этом, я...

— Нет!

В комнате становилось все теплее, и Микаэла подумала, сочтет ли сэр Хью ее слишком распушенной, если она снимет накидку. Жара делала ее несколько опрометчивой.

— А могу я спросить о вашей семье? О вашей матери? Ваших... ваших братьях? Сестрах? Я бы тогда сумела рассказать Лео о его родословной, когда он вырастет.

— Моя мать умерла. У меня нет ни сестер, ни братьев. Я — это все, о чем должен знать Лео.

— Но брат Коуп сказал...

— У Коупа есть привычка все драматизировать. Микаэла нахмурилась.

— Милорд... — начала она.

— Почему бы нам не поговорить о вашей семье, а?

Родерик неожиданно повернулся к ней лицом, и Микаэла буквально задохнулась от свирепости, промелькнувшей в его глазах.

— С тех пор как вы появились здесь, имя вашего отца кажется мне очень знакомым, но я не могу ни с чем связать его. Но когда он приехал сюда сегодня, я начал припоминать, что его имя, если не ошибаюсь, связано со скандалом. Что-то о вашей матери, рассказавшей, что ее украл Дикий Охотник. Это так?

Теперь пришла очередь Микаэлы оцепенеть от слов Родерика.

— Все это бред. Моя мама...

— Сумасшедшая? — холодно предположил Родерик. — Или слабоумная?

— Не говорите так о ней, — резко заявила Микаэла. — Вы ее совсем не знаете!

— Значит, она лгала. Там не было Охотника. — Родерик опорожнил кубок и откинулся в кресле. — Слуги говорят, что вы были рождены от самого дьявола, — именно поэтому вас и называют мисс Форчун. ^[4]Но вас, похоже, преследуют неудачи.

— Очевидно, вы не в настроении вести со мной разумный разговор. — Микаэла встала, надеясь, что Родерик последует ее примеру и удалится.

Этого не случилось.

— Вы или верите ее заявлению, или нет. Одни делают из вас дочь умалишенной, которая разрушила свою семью, другие... — Родерик пожал плечами. — Мисс Форчун.

— Моя мама не умалишенная.

— Значит, вы верите ей?

— Да! — вскричала Микаэла. — Я верю ей. Вы это хотели услышать?

Родерик впился в нее взглядом.

Микаэла никогда не испытывала большего беспокойства, чем сейчас. Она чувствовала себя так, словно что-то дикое и опасное кружилось у нее внутри, ища путь освободиться и все опустошить.

— Расскажите мне о вашей матери, — бросила она ему вызов вопреки всякому здравому смыслу. — И обо всех могилах на холме. Я видела вас возле них.

Родерик пожал плечами, словно эта тема не имела смысла для него.

— Моя мать — Дорис Шербон. Она умерла, когда мне было девять лет. Рядом с могилой Магнуса — могилы моих сестер, шесть из них умерли, не прожив и месяца.

Микаэла затаила дыхание.

— Ну что ж, — произнес Родерик, беря в руки графин и вновь наполняя свой кубок. — Вам это хотелось услышать?

— Значит, вас воспитывал отец? — Микаэла ответила вопросом на его вопрос: хотя ответы и не доставили ей радости, именно их ей хотелось услышать. — О нем не было сказано ни одного доброго слова.

— Потому что их просто нет, — сказал Родерик. — То, что вы слышали о нем, — чистая правда, а может быть, все было еще хуже. Да, меня воспитывал отец, если это можно назвать воспитанием. Он и Харлисс.

— И поэтому... именно поэтому вы ведете себя по отношению к Лео так, будто он не ваш сын, не приласкаете его?

— О чем, черт подери, вы говорите? — прорычал Родерик. — То, как я обращаюсь с Лео, вас не касается.

— Касается, если я стану вашей женой и мачехой Лео, — спокойно возразила Микаэла. — Мой отец был почти сломлен произошедшим — тем, что, как верила моя мать, случилось с ней до моего рождения. Смею сказать, что, по ассоциации, я была частично сломлена. А вы... вы...

— Все мы в той или иной степени сломлены, мисс Форчун, — сказал Родерик и встал. — Весь вопрос в том, кто продолжает хранить все эти осколки. — Он подошел к ней так близко, что она чувствовала жар от его тела, и у нее на лбу выступил пот. — Мне нечего хранить. Я оставил все в проклятом бараке в Константинополе. Поэтому нет смысла пытаться собрать меня.

— Я не хочу собирать вас. — Голос Микаэлы дрогнул.

Он поднял брови.

— Нет?

Она покачала головой.

— Я хочу узнать вас — узнать и понять.

— Я то, что вы видите. Зверь. Новый Шербонский дьявол. Сломленный, покрытый шрамами, весьма неприятный.

Микаэла покачала головой. Родерик словно заморозил ее. Казалось, он притягивал ее к

себе словно магнитом.

— Вы снова собираетесь поцеловать меня? — Родерик хищно усмехнулся, шрам на щеке возле глаза побелел.

— Почему бы нет? — Микаэла провела языком по губам. — Вы возражаете?

Родерик порывисто обнял ее и поцеловал. Микаэла приникла к его тунике, у нее кружилась голова, сердце бешено колотилось.

Неожиданно Родерик выпустил ее из объятий, повернулся, схватил свою трость и вновь повернулся к ней лицом:

— Полагаю, на сегодня наш разговор окончен, мисс Форчун. Передайте вашему отцу, что я желаю ему счастливого пути. — Родерик затопал к двери, но остановился, прежде чем переступить порог. — И не забудьте заказать поднос с едой на завтрашний вечер.

С этими словами Родерик вышел.

Родерик, словно шторм, пронесся по темным извилистым коридорам, врезаясь в стены и отскакивая от них, как раненый зверь, с рычанием гася свечи в канделябрах. Оставшись один, он наконец позволил себе почувствовать свое трепещущее сердце, дрожащие мускулы, свой гнев, свой...

Страх. Его боязнь женщины с блестящими волосами, которую он только что оставил. Его страх того, что она заставляла его чувствовать, когда он находился рядом с ней.

Родерик не хотел вновь обрести способность чувствовать. Та его часть, которая должна чувствовать, мертва, и это его полностью устраивает. Зачем Микаэла Форчун пытается воскресить ту его часть, которая практически мертва?

Какой он идиот! Обращается с Микаэлой так, как обращался бы с женщиной три года назад. Изображает из себя соблазнителя, словно может предложить что-то еще, кроме богатства. Словно может уложить ее в постель. Он только дурачил себя то короткое время, которое проводил в ее комнате, — когда целовал ее, как мужчина должен целовать женщину, когда она ответила на его поцелуй. Какой же он идиот!

Он не знал, куда двигался в сердитом беге по внутреннему пространству Шербона, пока бессознательно не остановился, тяжело дыша, перед резными дверями часовни. На каждой стороне портала горела толстая свеча, Родерик не загасил их, используя их слабый свет, чтобы прочесть латинские слова, вырезанные на притолоке: «*A porta inferi erue Domine animas eorum*» — «Из врат ада верни их души, Господи».

Слова заставили Родерика помедлить, но он стряхнул последние остатки предрассудков, оставшихся похороненными с самого детства в глубинах его души, и распахнул двери, так что они ударились о камни стен и заставили пламя свечей заколыхаться и лечь почти параллельно земле. Он с шумом прошагал по центральному проходу к алтарю. Там он остановился, его грудь вздымалась и опускалась, как мехи, когда он во мраке искал какой-нибудь инструмент. Он с трудом поднялся на ступень алтаря, не глядя на двадцати футовое распятие наверху. Через мгновение Родерик сжал в кулаке колпачок с длинной ручкой для тушения свечей и спустился вниз на ступеньку слева от алтаря так быстро, как только позволило ему его изувеченное тело. Он поднял инструмент высоко над головой и изо всех сил ударил колокольчатый концом по краю каменной ограды. Безобидный колокольчик со звоном улетел в темноту часовни, а длинный заостренный прут заблестел в руке Родерика.

Через мгновение он стоял перед каменной статуей крылатого всадника, и, за исключением того, что Родерик не сидел на коне, он понимал, что его поза и поза неодушевленного человека были одинаковыми — воинственными, готовыми к мести, — и

каждый держал в руке оружие для разрушения.

— Теперь ты могуч, а? — проворчал он, глядя в холодные, словно стеклянные глаза статуи. — Но пройдет время, и кто-нибудь бросит в твою ногу копье с отравленным наконечником. Посмотрим, спасет ли тебя тогда твой Бог или же люди, за которых ты так отважно сражался, стараясь их защитить!

С этими словами Родерик отбросил трость и воткнул сломанное приспособление для тушения свеч точно в стык между ровным квадратом камня под передними копытами коня и прилегающим полом.

Родерик колол и скреб засохшую жесткую грязь, затем опустился на правое колено, его искалеченная нога была неловко вытянута перед ним. Он почти сел верхом на камень под вздыбленными копытами коня. Через мгновение он вставил конец своего сломанного инструмента под нижний край тонкого каменного квадрата и попробовал приподнять его. Камень легко поддался и соскользнул в темноту под всадником.

Родерик со звоном отбросил в сторону ненужный прут, наклонился, не обращая внимания на пронзительную боль в бедре и колене, чтобы стряхнуть старую грязь, сухую, как песок, и его ладонь пробежала по гладкому дереву. Кончики пальцев коснулись уголков ящика, лежавшего под полом, он освободил его из могилы и положил на здоровое бедро.

Ящик не был заколочен, и крышку ничто не держало, так что она легко поднялась, когда Родерик потрогал ее.

На дне ничем не украшенного ящика без записки о его принадлежности лежал старый, стоптанный коричневый кожаный сапог.

Когда Микаэла наконец уснула, ее преследовали ночные кошмары. Она летела через серо-черный дым и облака, бросавшие тень на мрачное, печальное поле брани, видела смерть и кровь, искалеченные тела, сложенные в кучу на песке, на вересковой пустоши, в грязи, в лесах и темных, глубоких долинах. Войны и восстания, ржавших боевых лошадей, слышала призывы отступить; свистящие стрелы и воспламеняемые метательные снаряды, разрывающиеся и превращающие все вокруг в огненный ад, распространяющийся по земле подобно эпидемии. Стук копыт, лай гончих псов, снова стук копыт-, хлопанье крыльев, стук копыт, уносящих ее куда-то навеки.

Уолтер Форчун тоже казался озабоченным и умолял Микаэлу соблюдать осторожность и вернуться домой, если ей будет грозить опасность.

— Тебе не нужно оставаться здесь, — тихо произнес Уолтер. — Мы втроем все вынесем.

Но Микаэла не знала, как сообщить отцу, что ее сердце было поймано в ловушку двумя Шербонами, отцом и сыном, обитавшими в мрачном замке, поэтому она лишь согласилась с самой теплой улыбкой, на какую была способна, и помахала ему рукой с подъемного моста.

Едва она вошла в зал, как Хью Гилберт приветствовал ее, выходя из дверей, ведущих из кухни, следом за ним шел счастливый Лео с бисквитом, зажатым в руке.

— Мисс Форчун! — воскликнул Хью с широкой улыбкой. Радость, казалось, просачивалась сквозь ткань его тонкой туники цвета шафрана, и Микаэла не могла с подозрением не задуматься о причине его торжествующего настроения. — Вот та женщина, которую я искал.

— Сэр Хью. Доброе утро, — холодно поздоровалась Микаэла, затем с улыбкой присела перед мальчиком: — Привет, Лео. Оставь кусочек мне. Я еще не завтракала и буквально умираю с голоду.

Лео рассмеялся и протянул ей мокрый бисквит. Микаэла открыла рот и сомкнула зубы на тонком предплечье Лео.

— М-м-м! Как вкусно! Малыш захихикал:

— Не кусай Эо, эди Микэ-а.

— О, дорогой, извини меня! Но ты такой сладкий, что я не могла удержаться. — Она ущипнула его за носик, потом встала.

На лице Хью все еще играла усмешка, и он низко поклонился Микаэле.

— Мое почтение, миледи.

Теперь она всерьез встревожилась.

— Почему? Что вы сделали?

Хью рассмеялся:

— Дело не в том, что сделал я, а в том, что сделали вы. Не знаю, что произошло, но вчера вечером Рик вернулся в свою комнату в ужасном настроении!

Микаэла еще больше встревожилась.

— Хорошо, но не вижу в этом ничего забавного. Очевидно, мой советчик оставляет желать лучшего в его наставлениях.

— Нет-нет! Напротив, — настаивал Хью. Он обернул вокруг пальца колечко волос

Лео. — Иди и поиграй возле очага, Вонючка. Я должен поговорить с леди Микаэлой.

— Холосо, Хью.

— Мы должны продолжать в том же духе, — сказал Хью, как только Лео оказался вне пределов слышимости. — Клянусь, Родерик попался вам на крючок, и это именно то, что ему нужно.

Некоторое время Микаэла смотрела на Хью, размышляя, какие чувства двигают этим человеком. По какой-то причине ей не хотелось сообщать ему, что прошлым вечером именно Родерик вел себя как агрессор. Разумеется, в планы Микаэлы входило приблизиться к нему, но он опередил ее, поцеловав первым.

. — Вы уверены? — уклончиво поинтересовалась она.

— В этом нет никаких сомнений, — заключил Хью с видом ученого мужа. — Он едва сказал мне пару слов вчера, а когда говорил, это напоминало лай. Вы должны рассказать мне, что случилось.

— Я... я сняла туфли. Спросила его о матери... и умерших сестрах.

— Правда? — радостно вскричал он. — О Боже, это изумительно! Неудивительно, что он... — Хью замолчал, казалось, чтобы тоже немного подумать, затем взял Микаэлу под локоть, и они оказались рядом, словно наперсники. — Дорис Шербон была полоумной и...

— Полоумной? С чего вы взяли? Вы знали ее?

Мгновение Хью выглядел несколько смущенным.

— Ну а как еще вы назовете женщину, которая накинута на шею петлю с привязанным камнем и вошла в море? А? Нормальной?

Микаэла почувствовала, как в животе у нее все перевернулось, но Хью продолжил, словно рассказывал ей о том, что им подадут на ужин.

— Сегодня утром он, видимо, все еще оставался под впечатлением от вчерашнего вечера, — сообщил Хью. — Настолько, что посылал меня в Торнфилд-Мэнор собрать налоги!

— О!

— Да. И пока я отсутствую, вы должны его добить. Должен признать, Рик слишком часто зависит от меня. Например, чтобы оградить его от вещей, которые он. находит... неприятными.

Микаэле очень хотелось сказать сэру Хью, что Родерик вовсе не нашел ее неприятной, когда целовал. Но она не проронила ни слова.

— Я, вероятнее всего, отлучусь на пару дней — мое появление застанет вашего бывшего любовника врасплох, и ему придется хорошо потрудиться, чтобы собрать такую огромную сумму денег. Тем временем вы должны продолжать преследовать Рика, заставить его разговариваться. — Он наклонился вперед с озорным блеском в глазах. — Продолжайте свою тактику и пригласите его к себе в постель!

Микаэла отпрянула:

— Что?

— Какое это имеет значение? Вы все равно выйдете за него замуж, вы ведь уже не девственница, а?

Микаэла дала ему пощечину. Какое-то время Хью казался шокированным, но затем снова усмехнулся:

— Что ж, это было весьма неожиданно.

— Не делайте предположений относительно меня, сэр Хью. Это повредит вашему

здоровью.

— Понятно, — мягко ответил он. — Как бы то ни было, приношу свои извинения, но вы понимаете, о чем я говорю, не так ли?

Микаэла понимала, что если последует совету Хью, Родерик Шербон не женится на ней. За то время, что она узнала этого человека, ей стало очевидно, что физическая близость была чем-то, что вызывало у него неловкость, особенно когда на него оказывали давление. Но тогда зачем Хью предлагает ей поступить именно так?

— Думаю, я так и поступлю, — осторожно сообщила она.

— Грандиозно, — сказал Хью, словно испытал облегчение. — И когда он будет отказывать вам, должен вас предупредить, что так и случится, будет самое время спросить его об Аурелии.

— Об Аурелии? — Хотя она была оскорблена, что сэр Хью решил, что Родерик сочтет ее безвкусной, Микаэла почувствовала себя заинтригованной при упоминании женского имени. — Кто это?

Хью холодно улыбнулся:

— Кто? Ну конечно же, мать Лео.

Родерик сидел один в своей комнате, размышляя над превратностями судьбы.

Женщина, на которой он должен был в ближайшее время жениться, не шла у него из головы.

В обычных условиях это можно было считать удачей. Однако он был не совсем обычный человек, и Микаэла.

Форчун не была обычной женщиной. Родерик знал, что никогда не сможет заставить себя взять собственную жену в постель. Он не смог бы вынести жалость в ее глазах при взгляде на его искалеченное тело, и от мысли о собственных неловких попытках любить ее у него выступил холодный пот.

Одетый и на расстоянии, он еще мог оставаться мужчиной в ее глазах. Но при близости в супружеской постели...

И потом, сама женщина и странная история ее семьи. Сапог, который Родерик отрыл в часовне, находился в ящике в его гардеробе и, казалось, взывал к его воображению и любопытству.

Почему Уолтер Форчун так отчаянно хотел обрести поношенный кожаный сапог? Родерик не мог не догадаться, что он имел отношение к вызывающим заявлениям его жены относительно Дикого Охотника, но каким образом? И как мог сапог представлять опасность? Даже пара сапог?

Родерика беспокоило, что он раздумывал над проблемой, не имеющей к нему никакого отношения. Он расстался с сопереживанием и сочувствием в Константинополе, после его последнего разговора с Аурелией, когда поклялся, что как только его нога вновь ступит на землю Англии, он будет заботиться только о сохранении самого себя. Себя и Лео. И к черту всех остальных!

Вот почему Родерик теперь знал, что ему определенно не следует жениться на Микаэле Форчун. Хью прав. Ему следует немедленно отослать ее домой после первой же встречи и тут же жениться на следующей женщине, которая появится в Шербоне. На любой женщине, только не на ней. На любой другой.

Но он хотел Микаэлу. И прекрасно понимал, что она не принадлежит к тому типу женщин, которые способны дать и не попросить ничего взамен. Ей нужно было многое, она

была ненасытна. Она уже сказала, что хочет понять его, узнать. На словах — достаточно благородные побуждения, но если он, Родерик, позволит ей это, она не сможет искренне любить его таким, каков он есть. Он увидит отвращение в ее глазах, шок и жалость, и это убьет его. Господи, как он ненавидел свою слабость! Он не подходит Микаэле, негодный отец для Лео, неспособен управлять Шербоном. Его отец был прав, пусть его душа пребывает в аду. Дорис Шербон спасла себя от многих лет боли и горя, лишив себя жизни, но Родерик не мог простить ее за то, что она оставила его одного в этом мире.

Никто не хотел его таким, каков он был. Никто, кроме его друга Хью и Лео. Только им он и мог доверять.

И поэтому он перенес весь свой гнев и крах своей личности на Алана Торнфилда, человека, у которого в доме жила та, которая была вне досягаемости Родерика и от которой Алан потом избавился. Самая темная часть натуры Родерика надеялась, что у Торнфилда не было денег, чтобы вручить их Хью, — Родерик готов был пойти на то, чтобы отрубить ему голову и насадить ее на стену замка Шербон. И эта мысль заставила Родерика наконец улыбнуться.

Он повернул голову на стук в дверь его комнаты. Скорее всего это Хью, который забыл о чем-то или хотел получить подтверждение немедленно отправиться в Торн-филд-Мэнор.

— Входи.

Дверь отворилась, и, к великому смущению Родерика, в комнату вошла Микаэла Форчун, а затем к нему бросился Лео.

Слава Богу, что Хью помог ему с сапогами перед отъездом.

Микаэле, когда она вошла, закрыв за собой дверь, казалось, было любопытно оглядеть комнату, но ее взгляд был прикован к Родерику. Он отчетливо вспомнил свое необдуманное поведение прошлым вечером, неожиданно поцеловав ее, когда она стояла босиком, и Родерик почувствовал, как его лицо запылало.

— Что вам надо? — грубо спросил он. — Я думал, вы знаете, что моя комната предназначена лишь для меня лично.

— Это... — Микаэла судорожно сглотнула. — Сегодня чудесный день, милорд. Мы с Лео будем очень рады, если вы присоединитесь к нам на прогулке вокруг замка.

Она совсем рехнулась. Снова приглашает его прогуляться, словно он полноценный человек. Прогуляться! Следующее, чего ей захочется, — это посоревноваться в ходьбе.

— Нет, благодарю, — отозвался Родерик. — Лео, не облакачивайся на мою...

— Ну пожалуйста! — Микаэла приблизилась к его креслу, и Родерику показалось, что в глубине этих голубых глаз затаилось отчаяние, какого он никогда не замечал прежде.

— Пожауста, папа! — подражая ей, попросил Лео. Чем меньше он будет находиться в обществе Микаэлы.

Форчун до их свадьбы, тем лучше. Черт, он просто не понимал, кем он был, оставаясь рядом с ней. И Лео все льнул, льнул к нему, словно...

— Хорошо. — Родерик услышал голос, звучащий до удивления как его собственный. — Но не больше часа. У меня сегодня очень трудный день.

День действительно выдался чудесным. Прохладная утренняя влажность исчезла под лучами ласкового зимнего солнца, а в защищенной чаше внутреннего двора камни стен вокруг замка отбрасывали на троицу слабое тепло. Крепостные торопились по тропинкам замка по хозяйственным делам, и несколько раз слуга чуть ли не падал, споткнувшись о собственные ноги, при виде огромной, закутанной в темный плащ фигуры, шагавшей среди

них.

Когда они обошли половину замка, Микаэла решила сократить путь и замедлила шаги, чтобы поравняться с их спутником, но была удивлена, когда заметила, что его шаги были столь же быстры, как и ее, благодаря его длинным ногам. Лео бегал кругами вокруг них, иногда отбегая в сторону, чтобы поднять камешек, палочку, длинный стебель виноградного куста, прятавшегося под южной стеной, показывая свои сокровища по очереди им обоим.

Краем глаза Микаэла взглянула на лорда Шербона. Сейчас его капюшон все еще был поднят, но в ярком свете она видела бледность его кожи, сжатую линию рта, сосредоточенную морщину.

В его зеленых глазах в свете дня отразилась усталость... или что-то, чему она не могла придумать название.

— Мы идем не слишком быстро? — поинтересовалась она.

— Разумеется, нет! — пролаял Родерик, с каждым шагом вдавливая конец своей трости в землю.

— Не нужно кричать на меня, — мягко заметила Микаэла. — Я не упрекаю вас за вашу обычную хромоту, милорд.

Родерик рассмеялся, но как-то невесело.

— «Обычная хромота», — она говорит, — пробормотал он.

Микаэла подняла брови, но когда не последовало дальнейшего объяснения, пожала плечами и опустила глаза на гальку и отпечатки копыт в земле, чтобы легче преодолеть тяжелый участок. Они приближались к северным воротам, где за конюшнями виднелся холм с могилами, а по краю утеса Шербона пролежала тропинка, которая вела к узкому каменистому побережью. Микаэла снова взглянула на спутника:

— Мы с Лео можем посидеть на скалах, глядя на море, — ему нравится бросать камушки в...

— Меня это не касается, — пробурчал Родерик, и Микаэла подумала о том, почему вообще он согласился сопровождать их, если собирается все время демонстрировать свое дурное расположение духа.

Однако она улыбнулась ему, и они вдвоем последовали за маленьким мальчиком через ворота, туда, где засохшая трава длинной гирляндой легла от леса вдоль дороги, где островерхие серые скалы стояли в ряд, словно часовые. Вверх по склону, ведущему к утесу, Родерик поднимался более осторожно, но Микаэла не проявила своей заботы, предоставив ему вместо этого возможность проделать путь самостоятельно, без зрителей. В нескольких шагах впереди она обнаружила относительно ровный пригорок и присела на него, согнув ноги и опершись на локоть.

Через мгновение Родерик догнал ее, но продолжал стоять, глядя на перекатывавшиеся под ветром волны безбрежного океана.

— Отойди от края! — рявкнул он, нахмурясь. — Лео!

— Холосо, папа! — долетел до них смягченный ветром ответ мальчика.

Микаэла улыбнулась про себя при этом проявлении заботы Родерика о сыне, затем вспомнила, что сказал ей Хью Гилберт этим утром.

«А как бы вы назвали женщину, которая привязала камень к шее и вошла в море? А? Нормальной?»

Какой же она была дурой, заставляя этого скрытного человека рассказывать о душераздирающей трагедии! Это было все равно что взобраться на холм и станцевать джигу

на семейных могилах. Микаэла пришла в такой ужас от этого, что не могла заставить себя заговорить.

Его голос заставил ее вздрогнуть.

— Почему вы верите вашей матери?

— Извините, милорд?

— Эта ее история про Охотника, — пояснил Родерик. — Что убеждает вас в том, что эта история — правда?

— Для этого нужно знать мою мать, — сказала Микаэла, сорвав жесткую травинку рядом с собой. — Она... она самая благочестивая женщина из всех, кого я знаю. Любой, кто знаком с ней, скажет вам то же самое, хотя многим ее рассказ представляется несколько преувеличенным. Она посвятила себя Богу, благополучию других людей. Она самая благородная женщина в наших краях. Ее не волнует, что люди злословят о ней за ее спиной. «Они не знают правды, в отличие от нас, Микаэла» — так она извиняет их всех. Всегда.

— Они считают ее сумасшедшей, не так ли?

Микаэла сдержала отрицание, прежде чем оно вырвалось у нее, снова вспомнив ужасные вещи, которые сэр Хью рассказал про Дорис Шербон.

— Да, — наконец спокойно произнесла Микаэла. — Некоторые действительно так думают.

— Но не вы. — Слова Родерика стояли между ними, словно вызов.

— Она никогда, никогда не лгала мне. И она так искренне верит в это. — Микаэла заколебалась лишь на мгновение, затем опустила руку в разрез платья и извлекла цепочку. — Как только я родилась, она надела мне ее на шею.

Родерик несколько мгновений смотрел на нее и теплый металл между указательным и большим пальцами, потом поправил правую ногу и, укрепив себя с помощью трости, медленно опустился на землю рядом с ней. Не дожидаясь разрешения, он взял звено цепочки своими большими пальцами, его глаза рассматривали его, и в них отразилась туманность моря.

— Это кусочек послания?

Микаэла кивнула:

— Она сказала мне, что это подарок от главного лица, Охотника, и что я никогда не должна снимать ее.

Родерик снова внимательно рассмотрел кусочек металла, а Микаэла рассматривала его самого.

— Он старый, — определил Родерик. — Не английского происхождения. Выполнен очень изящно.

— Вы так думаете? — Микаэла пожала плечами. — Не знаю. И меня это не интересует.

Родерик кивнул, словно понял ее чувства, и позволил звену упасть на свое прежнее место.

— А почему вы не должны ее снимать?

— О, что-то о двух предметах, находящихся во владении кого-то... Я почти все забыла, правда.

— Вы просто повинуетесь ей. Даже если это тот самый предмет, из-за которого, как говорят люди, вы прокляты.

Микаэла кивнула:

— Я люблю ее.

Казалось, Родерик долгое время обдумывал что-то, глядя на Лео, игравшего среди камней. Один раз малыш оглянулся на них и помахал сжатым кулачком:

— Эо нашел уйтку!

Микаэла улыбнулась и помахала в ответ.

— А что за второй предмет? — неожиданно спросил Родерик.

— Простите? — Микаэла забыла, о чем они только что говорили, сидя так близко от Родерика, ощущая его тепло, когда холодный ветер гнал волны, слушая веселую болтовню Лео.

— Вы сказали, что там было две вещи.

— Это не важно, — отмахнулась Микаэла. — Вторую так и не нашли. Подозреваю, она была давно утеряна.

— Но что это была за вещь? — настаивал Родерик и протянул руку, чтобы снова извлечь кусочек металла из-под корсажа ее платья, при этом его пальцы коснулись пряди ее волос.

Микаэла затаила дыхание. Его присутствие, сама его личность пленяли ее. Его голова склонилась к ней так близко, что она видела каштановые и золотисто-каштановые пряди его волос, льдинки в его зеленых глазах. Как же ей хотелось растопить эти льдинки!

— Башмак! — прошептала она, и рука Родерика застыла у нее на груди, поверх сердца.

— Что?

Микаэла откашлялась и подумала, не собирается ли он снова поцеловать ее. Ей очень этого хотелось.

— Башмак. Сапожок моей матери. Она потеряла его той ночью, его долго искали, но так и не нашли.

Глаза Родерика были прикованы к металлической штучке, лежавшей на ладони.

— И вы не знаете, что случится, если этот металл и тот потерянный башмак снова соединятся?

Хотя по телу Микаэлы побежали мурашки, она попыталась засмеяться, но фрагмент ночного кошмара, который она пережила прошлой ночью, промчался по успокаивающимся серым волнам и когтями вцепился ей в волосы.

— Полагаю, что явится Охотник и унесет меня с собой. — Она склонилась к нему, зная, что это слишком смело с ее стороны, но она нуждалась в его силе, огромной мрачной силе, чтобы ее нелепые страхи отступили. — Вы защитите меня, Родерик?

Он взглянул в ее глаза, и что-то испугало ее в его взгляде, испугало сильнее остатков древнего суеверия. Жесткость, тяжелый груз, опасные обещания. Он выпустил из рук цепочку, которая упала ей на лиф платья, и взял подбородок Микаэлы в свою большую ладонь.

— Конечно, — сказал он, нахмурившись. — Конечно, Защищу. — Его глаза остановились на ее губах, он медленно наклонился и с нежностью поцеловал их.

Микаэла осторожно прислонилась к его груди, положив руку на переднюю складку его плаща, и, тая, отдалась его поцелую. Он не был похож на два предыдущих — не был ни нерешительным, ни настойчивым — он был настоящим.

И он становился все глубже. Микаэла ощущала запах кожи Родерика Шербона, ей хотелось коснуться его прекрасного лица, пробежать пальцами по его волосам. Здоровой рукой Родерик обнял ее за плечи, так что она оказалась словно прикованной к нему. Она скорее чувствовала, чем слышала низкий глухой рокот глубоко в его горле, говорящий о его возбуждении и желании, и сердце Мика-элы готово было выскочить у нее из груди.

Он хотел ее.

А он разве уже не покори́л ее сердце? Этот прекрасный, удивительный, израненный мужчина с прошлым, темнее, чем сам Шербон? Шербонский дьявол, у которого нет близких друзей, кроме человека, которого девушка подозревала в том, что им движут скрытые, эгоистичные мотивы? Родерик, который держался в стороне от собственного сына? Было ли это вызвано тем, как с ним обращался его собственный отец? Или отсутствием матери, которая бы любила их обоих?

Жар пробежал у нее по телу, гусиная кожа изумительно покалывала; она услышала свое собственное мурлыканье...

И вдруг оба они оказались лежащими на земле — это Лео, радостно смеясь, упал на них. — Цеовать! Эо тоже цеовать!

Родерик заворчал и тихо выругался, когда упал на правую руку, и Микаэла быстро перетаскила малыша на себя.

— Лео, перестань пинаться! Ты расквасишь мне нос!

В ответ мальчик лишь весело рассмеялся, затем обеими ладошками, мокрыми и перепачканными в песке от игры, обнял лицо Микаэлы и запечатлел быстрый влажный поцелуй где-то около глаза.

— Эо цеовать эди Микэ-а!

Микаэла рассмеялась и поцеловала малыша в щеку.

— Ты такой замечательный, Лео, — вздохнула она. — Я люблю тебя.

Мальчик поднял на нее широко-широко раскрытые карие глаза:

— Да?

— Да, очень.

— Холосо, — решительно заявил Лео, кивая, словно она дала ему правильный ответ на загадку. — И ты убишь папу, да?

Микаэла взглянула на Родерика, который все еще оставался на земле, и было видно, что ему не по себе.

Микаэла улыбнулась малышу и тихо ответила, словно доверив ему секрет:

— Да, я люблю твоего папу.

— И я! — прошептал Лео.

И тут Родерик с поразительной быстротой вскочил на ноги. Не глядя на Микаэлу, он поднял свою трость с земли.

— Ядолжен вернуться в замок. У меня масса... — Он оборвал фразу, по-прежнему избегая встретиться с ней взглядом. — Приятной прогулки вам обоим.

Микаэла сидела, держа Лео на коленях, и у нее вырвался тяжелый вздох. Он снова убежал от нее. Убежал от сына. Не так надо было начинать строить семейную жизнь.

Она смотрела вслед Родерику Шербону, пока он не исчез из виду.

— Нет, — тихо сказала она себе. — Нет, я не допущу этого.

— Што ты говоишь, эди Микэ-а?

Микаэла встала, отряхнула юбки и взяла мальчика за руку:

— Пойдем, Лео, мы сейчас догоним папу.

— Милорд! — услышал Родерик голос Микаэлы, когда влачил свое тело через зал, и был несколько встревожен тем, что она последовала за ним. Неужели эта женщина не знает, когда нужно остановиться? Ему не хотелось видеть ни ее, ни Лео. Не хотелось разговаривать с ними. Он мечтал уединиться в своей комнате.

Он почти приблизился к лестнице и не замедлил шага.

— Милорд! Родерик!

Услышав это обращение, он остановился, повернулся к ней и прорычал:

— Да, леди Микаэла? Вдруг возникло неотложное и важное дело?

Она быстро шла к нему, сжав запястье Лео, который пытался помахать отцу. Мальчик улыбался. На лице Микаэлы не было и тени улыбки.

— Да. Возникло. — Она остановилась перед ним. В слабом свете зала она, казалось, вся светилась: ее кожа, волосы, глаза. Словно она была фигурой с одного из витражей в бесполезной часовне.

«Да, я люблю твоего папу», — вспомнилось ему. Родерик устремил на нее, как ему казалось, самый угрожающий взгляд.

— Итак? — проревел он.

— Вы обещали провести с нами час, — напомнила ему Микаэла. — И с вашей стороны было грубо покинуть нас так, как вы это сделали.

— Покинуть вас? — насмешливо повторил Родерик. — Вы определенно уже не ребенок, Микаэла, чтобы я не мог оставить вас и заняться делами замка. У вас есть Лео, а у него — вы.

— Но мы хотим побыть с вами, милорд, — настаивала Микаэла. Услышав это, Родерик не знал, смеяться ему или же чертыхнуться из-за того, что она такая дура.

Лео освободился от Микаэлы и сделал шаг к Родерику, протягивая к нему пухлый кулачок:

— Эо пинес уитку. Вот, папа.

— Она мне не нужна. У меня нет времени играть с грязнулями вроде тебя, Лео. — И Родерик вдруг услышал в своем голосе интонации Магнуса Шербона.

Личико мальчика сморщилось, глаза наполнились слезами.

— Папа не хочет уитку Эо?

Родерик почти физически ощутил волну гнева, исходящую от девушки, стоявшей перед ним.

— О, этого вполне достаточно, — процедила она сквозь зубы. — Пойдем, Лео, мы зайдем на кухню и посмотрим, нет ли у кухарки чего-нибудь вкусенького для тебя перед обедом.

Хотя Родерик и испытал некоторое облегчение, все же он был подавлен.

— До свидания, — сдержанно сказал он, когда Микаэла повернулась, крепко сжимая руку мальчика.

Она взглянула на Родерика:

— Я еще не закончила с вами, милорд. Когда найду кого-то, кто позаботится о Лео, присоединюсь к вам в вашей комнате.

— Не думаю, — мягко сказал Родерик. — У меня...

— Меня не интересует, какие воображаемые дела вы придумали себе в вашем укрытии.

Мы должны поговорить.

— Не командуйте мной, леди Микаэла, — предупредил Родерик.

Она выгнула бровь, затем повела Лео к кухне, шелестя юбками, а ее слова были адресованы Родерику, когда она обращалась к мальчику.

— О нет, Лео, конечно, твой папа любит тебя. Он просто до смерти боится улиток.

Родерик снова повернулся к лестнице и начал подниматься вверх так быстро, как позволяла его искалеченная нога. Может быть, ему удастся добраться до своей комнаты и запереть дверь до появления леди.

Затем он сможет съежиться внутри, как жалкое, бесхребетное, несчастное существо, каковым он и являлся.

С сильно бьющимся сердцем Микаэла постучала в дверь комнаты Родерика.

— Это я, милорд. Пожалуйста, откройте. Ответа не последовало.

Она дрожала от страха и гнева. Существовала вероят- ность того, что, бросив вызов этому непредсказуемому человеку, она обрекала себя на крушение собственных планов и надежд, но ради Лео — и ради их общего будущего в Шербоне — Микаэла должна быть храброй. Она еще раз постучала в дверь, другой рукой сжимая длинную тонкую полоску металла. Осмелится ли она воспользоваться ею?

— Милорд! Я не уйду, пока вы не поговорите со мной, так что вам лучше впустить меня.

По-прежнему никакого ответа.

Она взглянула на металлическую полоску, которую держала в руке. Ее ей дал сэр Хью, когда отправился в Торнфилд-Мэнор, — в случае если Лео закапризничает и закроется на щеколду в своей комнате. Микаэла была уверена, что тот и подумателе мог, что она воспользуется ею, чтобы попасть в комнату лорда.

Родерик, несомненно, даст нагоняй сэру Хью по его возвращении.

— Я вхожу! — предупредила она, давая ему — а скорее, себе — последний шанс.

В припадке отчаянного гнева Микаэла просунула кусок металла в щель между дверью и стеной и покрутила его, словно мешала в горшке с кашей. Толкнула.

Ничего.

Она снова подвигала тонкой металлической пластинкой, услышала обнадеживающий щелчок, но прежде, чем она попыталась снова толкнуть дверь, та неожиданно распахнулась, вырвав пластинку из ее руки и потянув Микаэ-лу через порог, где она упала к ногам Родерика Шербона.

— Кто вам это дал? — спросил он, подозрительно глядя на длинную полоску металла, лежавшую на полу. Ворча, Родерик поднял ее, неприязненно оглядел, затем снова бросил на пол, пробормотав: — Хью.

Микаэла поднялась на ноги и проскользнула мимо Родерика, чтобы тот не выпроводил ее из своей комнаты, но, похоже, у него не было желания избавиться от нее, поскольку он захлопнул за ней дверь.

— Что вам нужно, мисс Форчун? — проворчал он, со вздохом опускаясь в кресло. — Праздника? Чтобы мы все играли в шашки или катались на пони? Боюсь, я не составлю в этом конкуренцию ни мальчику, ни женщине.

— Я хочу узнать, почему вы так плохо обращаетесь с Лео.

Родерик повернул к ней голову с таким видом, словно она спросила, почему вода

мокрая.

— Почему я... — начал Родерик.

— И... — перебила его Микаэла, — и почему я вам то нравлюсь, то вы отталкиваете меня.

Мгновение Родерик пристально смотрел на нее, затем отвернулся, пробормотав:

— Вы полоумная. Не понимаю, чего вы ждете от меня.

— Вы разрываете сердце Лео — он вас так любит! И все, чего он хочет от вас, — это немного вашего, времени и ласки. Он должен знать, что вы его любите!

— Разве я не обеспечил ему дом? Не нашел людей, которые заботятся о нем? Разве он не находится здесь в безопасности? Его что, плохо кормят? Его не бьют, не так ли?

— Он не щенок, милорд! Он маленький мальчик, чье сердце разбито, потому что его отец притворяется, будто его не существует на свете!

— В жизни есть более страшные вещи, — сказал Родерик.

— Вы обращаетесь с ним так потому, что точно так же с вами обращался Магнус, когда вы были маленьким?

Родерик выбрался из кресла, схватил свою трость, но вместо того, чтобы опереться на нее, принялся размахивать ею, словно дубинкой, шагая прихрамывая к Микаэле.

— Нет! Если бы отец только игнорировал мое существование! Но он буквально преследовал меня, унижал. Я не выдержал и отправился в то проклятое паломничество, которое почти стоило мне жизни.

Микаэла заставила себя стоять прямо и твердо, несмотря на дрожь в коленях.

— То, как вы поступаете, столь же плохо. — Голос ее дрогнул.

— Уверяю вас, это не так. — Теперь Родерик возвышался над ней, его капюшон был откинут назад, спутанные волосы лежали поверх плаща, глаза горели зеленым огнем. — К тому же я не тот, кого Лео может идеализировать. Я не могу научить его ездить верхом, сражаться, быть мужчиной. Вы это хотели услышать, мисс Форчун? Вы так же, как и Магнус, настаиваете на том, чтобы я признал мои недостатки?

— Я не ваш отец. И на мой взгляд, у вас нет недостатков. — Микаэла произнесла все это на одном дыхании. Он сам не знает о своих достоинствах. Глядя на него в этом свете, на его большое, могучее, нависающее над ней тело, словно он готовился поглотить ее, Микаэла хотела лишь одного — чтобы Родерик снова поцеловал ее, как это случилось у моря.

Поцеловал — и даже больше.

Его губы тронула насмешливая улыбка.

— Вы или дурочка, или же обманщица.

— Может быть, дура, но не обманщица. Почему вам так трудно признать, что я нахожу вас приятным мужчиной? Почему вы считаете, что вас нельзя любить?

— Вы слишком уж стараетесь, мисс Форчун. — Родерик фыркнул. — Когда мы поженимся, вы получите вашу долю денег. Так что нет нужды ухаживать за мной как за девицей.

— Я вовсе не ухаживаю за вами, вы, упрямец! — выкрикнула Микаэла и топнула ногой. — Но вы не умрете, если поухаживаете за мной!

— Вы зря теряете время, ожидая этого от меня.

— А как насчет Лео? — нажимала Микаэла, взяв его за плащ, поскольку он собрался отвернуться.

Родерик попытался стряхнуть ее руку, размахивая кулаком, в котором была зажата его

трость.

— А что?

— Неужели вы не можете быть ласковее с ним? Разве вы можете не любить его? Если я всего лишь средство для достижения ваших целей, если вы никогда не сможете полюбить меня, умоляю вас: разбейте это наследство ненависти, доставшееся вам от отца, Родерик! Лео — ваш сын!

Родерик метнул свою трость в очаг, где она разбилась, словно во взрыве, на тысячи осколков.

— Он не мой сын!

В комнате воцарилась тишина. Теперь он стоял спиной к ней, и у нее голова пошла кругом. Что он имел в виду? Почему он не признает Лео?

— Не понимаю, вы говорите, что...

— Я говорю... — Голос Родерика звучал так, как Ми-каэла никогда не слышала раньше: устало, печально, слом-ленно. — Я говорю, что Лео не мой ребенок. В нем нет моей крови. Он не мой сын.

— Но... — Микаэле захотелось присесть, но она не в силах была дойти до ближайшего кресла. — Все говорят... Сэр Хью...

— Все думают, что он мой сын, именно так и должно быть. Ради Лео, — объяснил Родерик. — Я познакомился с матерью Лео, когда впервые прибыл в Константинополь. Ее звали Аурелия. Она была шлюхой. Я переспал с ней.

От этого признания сердце Микаэлы вновь бешено забилося, что было непонятно ей самой, поскольку она знала, что Родерик должен был заниматься любовью с матерью Лео. Микаэла удивилась, ощутив укол ревности.

— Но настоящий отец Лео находился в том городе прежде, чем туда прибыл я. Знайте, что я встречал его, — он сражался в моей роте, хотя в то время я не знал его имени.

— Он их бросил? Ау... Аурелию и ребенка?

— Нет. Он не вернулся к Аурелии и не узнал о рождении Лео. Его убили в Гераклее, там погибло много людей. Выжили только Хью, я и горстка других, те, что способны были быстро двигаться.

— Но как тогда Лео оказался с вами и с Хью? И почему вы объявили сына другого человека своим собственным?

— Когда меня ранили... хирург не думал, что я выживу. Он не мог ничего сделать и только дал Хью наркотик, чтобы облегчить мои страдания. Хью отнес меня к Аурелии, и она спасла мне жизнь.

— А потом она отдала вам своего сына? — Микаэла услышала недоверие в собственном голосе.

— Аурелия горячо любила мальчика. Она и не думала, что когда-нибудь они расстанутся. Но у нее не было выбора.

— Почему?

— Она была при смерти. — Родерик наконец отвернулся от очага и снова упал в свое кресло, словно силы покинули его. — Когда Хью принес меня к ней, она уже угасала. Она подцепила какую-то разновидность лихорадки, и та распространилась... распространилась... — Родерик замолчал на минуту. — Однажды она расстегнула свой капот — когда увидела, что я буду жить, а она — нет. Ее... груди были черно-багровыми и распухшими. Белки глаз пожелтели. Она знала, что доживет лишь до того момента, как мы

покинем Константинополь. И кто тогда будет заботиться о незаконнорожденном сыне проститутки? Никто. Аурелия прекрасно понимала это. Лео останется сиротой, выброшенным на улицу того города, станет добычей торговцев рабами. Когда я уезжал, она умолила меня взять его с собой и заботиться о нем как о собственном сыне. Это была плата за подаренную ею мне жизнь, и я с радостью согласился. То, как родился Лео, не было его виной. Он был младенцем, невинным младенцем. К тому же сыном одной из самых красивых и добрых женщин, каких я когда-либо встречал.

И если сегодня утром Микаэла подозревала, что, возможно, влюблена в Родерика, теперь она была в этом уверена. Ее сердце разрывалось от сочувствия и жалости к Лео, его несчастной матери, к Родерику.

— Но почему вы называли его своим сыном? Разве было недостаточно того, что вы взяли его с собой? Дали ему место в своем доме?

— Нет. Если я умру, у Лео не будет никаких прав на Шербон. Он окажется в том же положении, что и в Константинополе, а может быть, даже в худшем. Я обещал это Аурелии, зная, что она, вероятнее всего, умрет прежде, чем мы с Хью и ее сыном достигнем Англии, и я буду верен этому обещанию до конца своих дней. Я готов поклясться перед самым королем Генрихом, что Лео мой сын. Вот так.

Родерик Шербон умолк. Ничего подобного Микаэла даже представить себе не могла. Микаэле казалось, что перед ней совсем другой человек. Жертва, которую он принес ради той женщины и ее сына — очаровательного, невинного, прекрасного Лео. Да, мальчик был настоящим сокровищем, и Микаэла полюбила его, это правда, но то, что совершил Родерик, он сделал, зная, что если у него самого родится сын, наследником Шербона все равно останется Лео.

Родерик Шербон любил Лео больше, чем Микаэла могла себе представить. Какой счастливый, счастливый мальчик!

— Лео должен это знать, — спокойно пояснила она.

— Что он не мой сын? — Родерик покачал головой: — Не думаю, мисс Форчун.

— Он — ваш сын. Вы — его отец. Вот так. — Микаэла подошла, чтобы встать позади Родерика, и нерешительно положила руку на его правое плечо. — Но ему обязательно нужно знать, что вы любите его.

— Я забочусь о нем, — пояснил Родерик, слегка поворачивая голову, и Микаэла знала, что он смотрит на ее руку у него на плече.

Микаэла кивнула, хотя знала, что он не мог увидеть ее движение. Его душа была так ранена, что он не мог найти простых слов, чтобы описать свои чувства. Надо дать ему время оправиться. Родерика Шербона можно вылечить — и его тело, и его сердце.

Микаэла положила вторую руку на его противоположное плечо, слегка сжав его.

— А наступит ли день, когда вы поймете, что можете заботиться и обо мне, милорд?

Ее рука почувствовала, как он сжался.

— Возможно, — сказал он. — Но если вы ожидаете объяснений в вечной любви, можете убираться отсюда. Это не в моих привычках.

— Понимаю, — заметила Микаэла. Она разминала напряженные мускулы его шеи и плеч, испытывая трепет от ощущения его огромности и твердости. Под его свирепой внешностью скрывалось щедрое, уязвимое сердце. Микаэла была рада, что Родерик не видит ее лица, потому что на нем отразились все ее чувства и эмоции. Скорее всего он вышвырнул бы ее из своей комнаты.

Но, к удивлению Микаэлы, Родерик схватил ее руку. Она переплела их пальцы, левой рукой коснулась его волос, расчесывая их пальцами и отводя назад с висков.

— Но я попытаюсь, мисс Форчун. С Лео. Если это доставит вам удовольствие.

Микаэла расплылась в улыбке, наклонилась и коснулась губами уха Родерика.

— Мне это доставит огромное удовольствие, милорд. Благодарю. — Она прижалась губами к высокому, грубому выступу его щеки, но тут же отпрянула, а Родерик повернул к ней лицо.

Он склонился и поцеловал ее в губы, нежно, едва касаясь их, и Микаэла высунула язычок, чтобы попробовать его губы.

Она едва смогла вздохнуть, когда Родерик, отпустив ее правую руку, повернул ее через подлокотник кресла и посадил к себе на колени. Она обвила его шею руками, словно плети дикого винограда, когда-то хозяйничавшего в Шербоне, и Родерик поцеловал ее так, словно готов был целиком поглотить ее. Микаэла лежала в его объятиях, как в колыбели, а его руки обхватывали ее плечи и ягодицы. Она запустила пальцы в его волосы и привлекла к себе.

Ей хотелось оказаться во власти этого зверя, принадлежать ему. Он обхватил ее ягодицы, его рука скользнула по ее животу, коснулась груди, и он начал гладить ее, как делала она с его мускулами. Только прикосновения Родерика не были направлены на то, чтобы она расслабилась. Под своим бедром Микаэла ощущала твердость его эрекции, и интуитивно ей захотелось сесть верхом на его колено. Она ощущала себя так, словно внутри ее пылал огонь, и тело Родерика было единственным средством спасения...

После того, как он превратит ее в пепел.

— Я хочу вас, — сказала она, бормоча что-то, покусывая его, облизывая его. — Родерик, пожалуйста...

Его рука покинула ее грудь и начала скользить вниз, к тому месту, где платье было зажато между ее бедрами. Его ладонь проникла в это место, и когда он погладил ее там, через толстую шерсть, у нее внизу все сжалось.

— Да, — выдохнула Микаэла. — Родерик, возьмите меня в свою постель.

Он ничего не ответил, только вновь овладел ее губами, пока его пальцы собирали складки ее платья и медленно поднимали вверх тяжелую юбку, пока она наконец не собралась вокруг ее бедер. Его пальцы нащупали ее влажное лоно, и он снова тронул его, пока Микаэла выгибала бедра, шепча слова, смысл которых был непонятен даже ей самой. Он отвечал ей, но она тоже не понимала его. Через мгновение мир ее стал раскаленным добела, в ушах зазвенело, потом наступила мертвая тишина, когда пришел оргазм. Пережив высшую степень наслаждения, она покрыла лицо Родерика мелкими, с придыханием поцелуями, смеясь и, что было удивительно, вовсе не стесняясь того, что почти полуголая лежит у него на коленях.

Теперь положение дел в Шербонском замке должно коренным образом измениться, подумала Микаэла.

— Вы кончили? — спокойно спросил Родерик. Она запрокинула голову, чтобы взглянуть на него.

— Милорд? — Она улыбнулась ему. — Почему? Должно еще что-то произойти?

— Боюсь, нет. Но возможно, теперь вы перестанете вести себя как кобыла в жаркую пору, бесконечно цепляясь ко мне. Вставайте, мисс Форчун, у меня затекли ноги.

Если бы ее ударили ножом в сердце, это было бы менее болезненно, и Микаэла быстро вскочила на ноги. Она оставалась стоять на месте, глядя на него в надежде, что он улыбнется

и обратит свои слова пусть в бестактную, но все же шутку.

Но все, что он сделал, — это вытер руку о свои брюки. Затем взглянул на нее, его лицо было красным.

— Что-нибудь еще?

— Нет, — растерянно ответила она.

Родерик поднял одну бровь и многозначительно посмотрел на дверь.

Микаэла вздернула подбородок и вышла из комнаты с такой долей достоинства, которое ей могли позволить ноги, все еще дрожавшие после данного им облегчения. Но, очутившись в коридоре, за плотно захлопнутой Родериком дверью, она обнаружила, что не в состоянии двигаться дальше. Она прислонилась спиной к холодным камням стены, потом соскользнула на пол, никогда еще она не чувствовала себя такой униженной и ненужной. Она была так ошеломлена, что даже не могла плакать. Она сидела так, глядя на дверь, казалось, целый час, и дрожала, дрожала от того, как он поступило ней.

Затем раздался ужасающий звук разбитого предмета, заставивший ее подпрыгнуть и закричать, но ее крик невозможно было услышать в последующем грохоте. Все выглядело так, словно в комнате лорда разыгралась настоящая битва, — до нее доносились звуки расщепляемого дерева, разбитой посуды и резкие вопли самого Родерика. Скрежет мебели по камню; звон металла, когда он отскочил от неизвестного предмета.

Нет, не битва — настоящая война, в которой Родерик Шербон исполнял роль обеих армий.

Микаэла поднялась на ноги и приблизилась к двери, подпрыгнув, когда какой-то тяжелый предмет встретил свою гибель, ударившись о толстую дубовую дверь. Девушка стояла перед ней, медленно подняв руку и положив ладонь на дверь, словно пытаясь почувствовать человека за ней.

Через несколько минут, удивленная тем, что шторм продолжает бушевать, когда, казалось, уже не осталось ничего, что можно было разбить, она отступила от двери и медленно пошла по коридору, мысли путались, причиняя ей боль, звуки душевных мук Шербонского дьявола преследовали ее, словно привидения.

Наследующее утро, сидя в своей комнате, слишком усталый, чтобы начать борьбу, точнее, натянуть сапоги, Родерик испытывал стыд до самых глубин своей темной души — чувство, которого он не испытывал уже много лет.

Когда он направил свой гнев на предметы обихода прошлой ночью, он сказал себе, что сердит на Микаэлу Фор-чун за то, что она потворствовала его бессилию, притворяясь, что желает его. За то, что выступила в роли шлюхи, демонстрируя свой сексуальный опыт. Или за то, что она вытянула из него правду о Лео и Аурелии, которую хотел сохранить в тайне.

Но в холодном утреннем свете, когда жар эмоций трусливо покинул его, Родерик понял, что винить во всем может только себя самого. Свой страх, свою гордыню. Ему хотелось заняться любовью с Микаэлой, и когда она почти умоляла его об этом, решил, что так и поступит, не думая о последствиях. Но, видя ее расprostертой перед ним на пике удовольствия, ощущая атласную кожу ее ног, мягкость и округлость ее форм, когда она отбросила осторожность и застенчивость, Родерик словно оледенел.

Он пришел в ужас от мысли, что может ее потерять. Если не как свою жену, то просто ту ее безудержную, неконтролируемую часть, которая жаждала его тела. Теперь, когда она увидела его всего, целиком, она больше не захочет близости с ним, даже не взглянет на него как на мужчину. Ни одна женщина не смотрела на него так, как Микаэла Форчун, — ни до той трагической битвы, ни, разумеется, после. Сломленная часть Родерика нуждалась в тех взглядах, тех словах, хотя он и боялся этого, чтобы выжить в той оставшейся части жизни, которую он проведет в Шербоне. Он не смог обрести физическую близость с ней, но знал, что это не ее вина. Да он и не хотел, Господи! Она прекрасна, само совершенство, даже то, как она спотыкалась и падала, роняя любой предмет, которому не повезло оказаться в этот момент у нее в руках. Лео полюбил ее, она превосходно выполняет обязанности хозяйки замка. Стоило ему оказаться рядом с Микаэлой, как он забывал обо всем на свете. Он старался оскорбить Микаэлу, унижить, заставить ее страдать. Быть может, она не выдержит и покинет его.

Родерик не видел выхода из создавшейся ситуации. Он хотел обладать Микаэлой больше, чем Шербонем. Это желание превосходило все его прежние желания.

Он должен немедленно жениться на ней. После того как брак будет заключен, даже если она по какой-то причине покинет его, у него останется Шербон — место, где он сможет прожить остаток своей проклятой жизни. Место, где Лео будет находиться в безопасности до того, как сможет отправиться на поиски более яркого будущего, чем то, что выпало на долю Родерика.

Может быть, если он попытается доставить Микаэле другие удовольствия после того, как они поженятся, ей этого будет достаточно. Например, общение с Лео. Мика-эла сказала, что любит его, Родерика, в чем последний сомневался. Впервые с тех пор, как он лежал в госпитале в Константинополе, Родерик жаждал проявления высшей силы, которая послужила бы ему проводником.

Нужно дождаться возвращения Хью, возможно, он сможет найти того, кто дал бы ему разумный совет.

А что ему делать с тем смешным старым башмаком, который лежит в ящике в его

гардеробе? Из всех предметов в комнате Родерика, разбитых и сломанных, уцелел лишь этот старый ящик на полке. Может быть, отдать его Микаэле в качестве свадебного подарка? Или же доказать ей, что ей нечего бояться старой, полной предрассудков истории, рассказанной ее матерью? Она сможет снять с шеи цепочку с металлическим звеном, которое так отчаянно ненавидит, — предмет, сделавший ее мисс Форчун.

Это будет отличным подарком, решил он. Его извинением. Единственным, что он должен сделать для нее.

Родерик посмотрел на пол, на то место, где стояли толстые, тяжелые башмаки, которые он был приговорен носить в замке, и он решил надеть их вместо своих сапог для верховой езды. Да! Он наденет их, хотя ему и потребуется помощь кого-то из конюхов, чтобы сесть на лошадь, но он возьмет сегодня мисс Форчун и Лео на конную прогулку и тогда же отдаст ей тот башмак.

Он облокотился на вторую, теперь единственную сохранившуюся трость, потому что та была спрятана под кроватью, и после нескольких неудачных попыток с усилием выбрался из кресла, ухватившись за столбик кровати, потом медленно пошел по усеянному черепками и обломками полу. Подойдя к гардеробу, правой рукой он порывлся в куче испорченной одежды, пока не нащупал гладкую кожу своих сапог. Выпрямившись, он уткнулся глазами в старый, крошащийся ящик.

Родерик бросил сапоги на матрас позади себя и снял ящик с полки. Он допрыгал до кровати и сел на нее, положив палку на пол рядом, держа ящик на коленях. Поднял крышку ящика и снова взглянул на лежавший в нем башмак.

Он был высоким, из хорошей коричневой кожи — из шкуры оленя, догадался Родерик, — но полностью изношенный. Он достал его из ящика и внимательно оглядел. Потом нахмурился. Башмак не был похож на женский — подошва широкая и длинная, шнурки грубые, толстые, как раз для мужчины.

Когда Родерик заметил, что башмак очень подходит для его неповрежденной ноги, его охватило безумное желание примерить его.

Оглянувшись по сторонам, чтобы удостовериться, что вокруг никого нет, Родерик снял ящик с колеи и поставил рядом с тростью. С большой осторожностью, чтобы не порвать тонкую кожу, он натянул высокий башмак на правую ногу — и тот легко скользнул по ступне, словно был смазан жиром, как если бы его пенис впервые проник в женщину, и Родерик застонал оттого, что его бросило в дрожь. Он быстро зашнуровал башмак, словно делал это сотни раз, словно тут же узнал грубо пробитые дырочки и направление шнурков. Он уже забыл, как выглядит нормальная нога — его собственная. И чем больше он смотрел на нее, тем громче стучало его сердце. И чем дольше он смотрел на этот образец обуви, тем отчетливее слышал стук копыт и ржание коней. И гончие — не лаяли ли они там? Определенно в его оглохшем ухе не звенело, что могло бы создать впечатление этих мрачных звуков.

Стук копыт зазвучал громче, жестче, быстрее, их эхо пробегало по мускулам Родерика, и он почувствовал, как поднимается с кровати и стоит, вопреки голосу, звучащему у него в голове: «Ты упадешь, дурак! Упадешь!»

Родерик постоял. Затем сделал шаг вперед. Второй.

На полу под ящиком, в котором хранился проклятый башмак, лежала его трость, о которой он забыл.

В ней не было необходимости.

Микаэла, подперев голову кулаком сидела за столом в большом зале рядом с Лео, перед ними стояли тарелки с самой разнообразной едой. Ее грудная клетка была крепко прижата к краю стола, пока она наблюдала за мальчиком, свободной рукой указывая на потрепанную верхушку стебля рогоза, напоминавшую штормовое облако.

Лео наморщил носик, затем посмотрел на Микаэлу:

— Бе-ый.

— Да, белый. Отлично. — Она улыбнулась ему, затем указала на горку сушеной малины: — А эти ягоды какого цвета?

— Касные, — не задумываясь, ответил малыш.

— Точно. Ты очень умный, Лео.

Лео с улыбкой кивнул. Она пододвинула к нему кружочек сухой морковки:

— А это какого цвета?

Лео сосредоточенно насупил маленькие бровки, словно выискивая в памяти правильное слово.

— Ол... олан...

— Оранжевый, не правда ли? — раздался глубокий мужской голос за спиной у Микаэлы, и она, вздрогнув, подняла голову, а сердце на минуту остановилось.

— Папа! — Лео бросился к Родерику, словно выпущенная из лука стрела, и обхватил его ноги. Микаэла ожидала, что Родерик отругает его, но этого не случилось.

Он даже улыбнулся — странной улыбкой, которую она никогда не видела у него на лице, — ослепительной, яркой.

Он взглянул вниз, на мальчика:

— Это действительно трудное слово, Оранжевый.

Лео кивнул:

— Эо юбит касный.

— Понимаю... «красный» немного короче. — Он взглянул на Микаэлу, его зеленые глаза, устремленные на нее, сияли. — Леди Микаэла — хороший учитель. Оказывается, ты знаешь все цвета.

Микаэла не могла ответить на его улыбку, вспомнив, как он обошелся с ней накануне. И хотя в его тоне слышались боль и страдание, она не собиралась прощать его так легко.

— Мы только сегодня начали наши уроки.

Родерик удивленно поднял брови. Микаэла заметила это, потому что на голове у него не было капюшона. Хотя еще не стемнело.

— Я потрясен. — Он потрепал Лео по волосам, и Микаэле показалось, что малыш готов упасть в обморок.

При Родерике не было его трости, но потом Микаэла вспомнила, что он сломал ее в своей комнате. Сегодня у него на ногах были другие башмаки, не те черные сапоги, которые она привыкла видеть. Эта обувь была более изящная, с узким носом, но все же более громоздкая, чем обычные сапоги для верховой езды.

Ее смущение усилилось, когда Родерик Шербон присел перед Лео, согнув оба колена. Он вроде бы немного покачнулся, но удержал равновесие без особых усилий.

Микаэла ни разу не видела, чтобы он делал подобные движения, сгибал ногу так, как сейчас.

— Лео, мне хочется прокатиться верхом. Вы с мисс Форчун готовы присоединиться ко мне?

Лео едва не задохнулся от восторга.

— Эо едит на ошади папы? Родерик кивнул.

— С папой? Родерик рассмеялся:

— Да, конечно. А теперь беги в свою комнату и надень что-нибудь потеплее. Мы подождем тебя.

Мальчик выбежал из большого зала, громко топая башмаками, издавая радостные возгласы.

— Лео, тебе помочь? — крикнула ему вслед Микаэла, но он уже исчез, оставив ее наедине с Родериком.

Родерик поднялся медленно, осторожно, но не пошатываясь. Когда он взглянул на нее, улыбка его исчезла, но глаза продолжали блестеть, словно изумруды в солнечном свете. Щеки Микаэлы зарделись, она потупилась.

Он стал приближаться к ней. И когда Микаэла увидела его башмаки, то успела заметить, что Родерик не так сильно хромает.

Господи, что за чудеса?..

Родерик снова присел, на этот раз перед Микаэлой, и взял ее за подбородок своими большими теплыми пальцами.

— Микаэла, — тихо произнес он.

Микаэла отвернулась, чтобы он не заметил слез, наполнивших ее глаза.

Он больше не коснулся ее подбородка, но накрыл ее сжатые в кулаки руки своей большой ладонью.

— Микаэла, — снова начал он. — Простите меня. Микаэлу поразили слова, произнесенные Родериком, и его тон.

— Вы извиняетесь только из опасения, что я сейчас отправлюсь восвояси. Но я остаюсь — у меня нет другого выбора. Ваш бесценный Шербон в безопасности.

Вторая его рука легла на первую, и Родерик сжал обе.

— Я извиняюсь не только потому, что надеюсь, вы не уедете. Я приношу мои извинения потому, что ужасно обращался с вами, и хочу изменить все к лучшему. Изменить мое отношение к вам и Лео. Вы поможете мне, Микаэла?

— Именно это я все время и делала — пыталась помочь вам! — Она высвободила руки из его ладоней, непривычная к его доброте, не зная, как отвечать на нее. Боль, которую она все еще чувствовала, покидала ее, как и гнев, но она цеплялась за него на тот случай, если он снова ее оскорбит и унизит. — И все, что я получила за мои усилия, — наказание.

Родерик приподнялся, чтобы приютиться на скамье рядом с Микаэлой, и тяжело вздохнул:

— Вы были правы. То, как я обращался с Лео в прошлом, частично было обусловлено тем, как третировал меня мой собственный отец. Я не хочу этого для Лео. Я хочу, чтобы в будущем он с удовольствием вспоминал свое детство. Чтобы он помнил папу и маму, — при этих словах Микаэла взглянула на него, — которые думали только о его счастье. Вы и я, мы можем сделать это для него, вы согласны?

Микаэла понимала, что смотрит на него как настоящая дурочка. Она почти незаметно кивнула.

— Что с вами случилось? — вырвалось у нее.

Родерик по-мальчишески улыбнулся ей, но в его зеленых глазах Микаэла прочла что-то похожее на страх.

— Я... я. толком не знаю. Тем не менее что-то случилось. Вы не заметили?

Микаэла приоткрыла было рот, чтобы заговорить, хотя одному Богу известно, что она собиралась сказать, потому что в этот момент влетел Лео, одетый в одну из причудливых, вышитых шерстяных нижних рубашек сэра Хью. Низ рубашки доходил ему до щиколоток, рукава, когда он размахивал руками, летали, словно крылья. Рубашка на нем выглядела как маскарадный костюм.

— Эо готов, папа! — Он не замедлил бега, приближаясь к Родерику, и Микаэла почувствовала, что столкновение неизбежно.

Но в последний момент Родерик встал, раскинул руки и, поймав мальчика, закружил его. В высоком темном зале смех Лео звучал, словно колокольчик.

— Ну хватит, нам пора! — весело объявил лорд. Он взглянул на Микаэлу и улыбнулся: — Миледи!

Ради Лео Микаэла улыбнулась ему, но сердце ее громко стучало от страха.

Тем вечером, нежась в большой, круглой медной ванне, установленной в ее комнате перед очагом, Микаэла уже с улыбкой вспомнила свой страх. Как это похоже на нее — настороженно относиться к повороту своей судьбы к лучшему! В ее жизни было так мало хорошего, что удача представлялась ей дурным предзнаменованием.

Какая же она глупая!

Она все еще не имела представления, чем был вызван такой драматичный переворот в Родерике Шербоне, но в данный момент это ее совершенно не интересовало. Весь день казался ей сном или осуществленной мечтой. Езда верхом по землям Шербона рядом с Родериком, восторженный Лео, сидевший на коне впереди отца. Родерик, очевидно, заранее все подготовил к прогулке, оседланные лошади ждали их возле конюшни. В седельной сумке Родерика лежало все для пикника: бурдюки с молоком и вином; хлеб, сыр и пудинг; зажаренный цыпленок, которого Родерик разделил на четыре части маленьким кинжалом, спрятанным в правом башмаке; тяжелые одеяла, чтобы расстелить их на земле.

Они отсутствовали целый день, катаясь верхом, обследуя окрестности, болтая и смеясь. Время от времени спешили, чтобы дать Лео побегать. Это был первый день, который они с Родериком провели как семейная пара. Микаэла была счастлива.

Родерик отправился уложить Лео в его кровать на ночь, обещая вернуться к ней, после того как помоемся. Хотя Микаэла была более чем довольна переменами в лорде Шербоне, ей хотелось поскорее вымыться и надеть соответствующую одежду до прихода Родерика — ее все еще преследовали воспоминания об их предыдущей встрече в его комнате, но ей не хотелось, чтобы что-то испортило сегодняшний день.

Она едва успела смыть последнюю пену с себя, когда в дверь тихо постучали. Прежде чем она успела попросить гостя подождать за дверью, та открылась и Родерик проскользнул в комнату и тихо закрыл за собой дверь.

— Вы застали меня врасплох, милорд. — Ее колени выступали из воды. Она сожалела о том, что так опрометчиво плескалась поначалу.

Он, казалось, вовсе не удивился, найдя ее в ванне. Он, словно по привычке, пересек комнату и сел за маленький столик перед очагом, устроившись боком к ней, и налил себе в кубок вина. Его волосы были еще влажными, длинными, зачесанными назад, они падали на ворот его чистой рубашки, оставляя мокрый след между лопатками.

На нем не было плаща, и Микаэла впервые увидела, что у него очень широкие плечи.

Брюки сидели на нем в обтяжку, левая нога все еще оставалась изогнутой, но, как ни

странно, была не такой безобразной, как Микаэла казалось. Правая нога выглядела безупречно под темным облегающим материалом. Он так и не снял башмак для верховой езды.

— Вы остались довольны сегодняшним днем, леди Микаэла? — Родерик глотнул вина, наслаждаясь потрескивающим пламенем в очаге справа, словно давая ей время привыкнуть к его присутствию в ее комнате.

— Очень довольна, — ответила Микаэла. — Уверена, это был самый счастливый день в жизни Лео.

Родерик задумчиво кивнул:

— Ему не трудно доставить удовольствие, вы согласны?

— Да. — Вода остывала, но Микаэла не представляла, как ей вылезти из ванны. Она смутится, если он повернется, чтобы понаблюдать за ней в это время?

Будет ли она разочарована, если он не сделает этого?

Микаэла протянула руку поверх края ванны за длинным льняным полотенцем, сложенным на кресле, развернув его в полную длину в ту же секунду, как встала в ванне. С нее водопадом стекала вода.

— Если не возражаете, я предпочел бы, чтобы мы не медленно поженились, — сказал Родерик. Микаэла держала полотенце перед собой, когда он повернул голову.

Микаэла стояла там, не решаясь переступить через край ванны, не желая показать свои более интимные части тела. По позвоночнику пробежала дрожь, как от холода в комнате, так и от его заявления.

Что произошло с этим человеком после того, как она покинула его комнату прошлым вечером?

— У меня нет возражений. Я немедленно пошлю за моими родителями.

Родерик повернулся спиной к огню, словно почувствовав, что ей необходимо на минуту остаться без свидетеля, и Микаэла торопливо перешагнула через край ванны и завернулась в простыню, пока он продолжал говорить:

— Я уже позволил вольности по отношению к вам. Брат Коуп вернется из своей миссии по округе через день-два. Мы можем пожениться в часовне, как вы просили, и отметим Рождество как одна семья.

Микаэла затянула пояс на платье, а в желудке все сжалось при упоминании о роковом празднике, воспоминания о котором преследовали ее с самых ранних дней. Ее продолжающиеся ночные кошмары тоже мало помогали, поскольку оставались с ней, когда она бодрствовала, — яркие и пугающие, они словно предупреждали ее о чем-то. Она промокнула льняным полотенцем локоны, выбившиеся из пучка на макушке. Всунула ледяные ступни в туфельки и приблизилась к мужчине за столом, все еще вытирая полотенцем лицо и шею.

Когда она встала рядом с ним, он повернулся, чтобы взглянуть на нее. На его лице отразилось беспокойство. Или Микаэла просто показалось?

— Милорд, что касается прошлой ночи...

— Сядьте, Микаэла. Пожалуйста. — Когда она села, он продолжил, его зеленые глаза были прикованы к ней. — Я калека, инвалид, — выпалил он, но тон его не умалял его достоинства. — Я предпочел бы, чтобы некоторые части моего тела вы не видели.

Микаэла нахмурилась:

— Не понимаю.

— Я знаю. Мое поведение прошлой ночью... в общем, я забылся. — Он пожал плечами, и его взгляд пробежал по ее тонкому платью. — Вы очень красивая женщина, Микаэла. Чувственная. Желанная. Доставляя вам удовольствие, я забыл о моих недостатках, поскольку неспособен стать вам настоящим мужем.

— О чем вы говорите, Родерик?

— Я говорю, что мы никогда не сможем заниматься любовью.

— Что? — Из всего, что Микаэла опасалась услышать от него, это было последним, чего она ожидала.

— У нас есть Лео, — мягко продолжил Родерик, словно не замечая ее смутения. — Он мой наследник, и вы будете единственной матерью, которую он запомнит. Я верю, что мы сможем быть счастливы таким образом.

— Это лишено смысла, милорд, — проговорила Микаэла. — То вы мне говорите, как я желанна, то — что вы не хотите моего тела.

— О, я желаю обладать вами, очень! — сказал Родерик. — Но я не обнажу перед вами...

— На мой взгляд, вы достаточно хороши, — прервала его Микаэла. — Я сама слышала, как вы сказали Харлисс, что все в порядке с вашими... с вашими... ну, вы понимаете. — Она помахала рукой в область его талии.

— Это правда. Но вы не можете вообразить мои... шрамы. Мое уродство. Их вид изменит меня в ваших глазах, а я не могу этого допустить. Мы можем доставить друг другу удовольствие другими путями, если вы пожелаете. Или мое предложение остается в силе — вы вольны иметь любовника.

— Если я?.. — Микаэла покачала головой. — Вы считаете, что я могу недооценить вас из-за ваших шрамов? Когда меня мало заботят даже те, что видимы? Вы собираетесь лишиться меня полного партнерства в браке? Моих собственных детей? Вы готовы разделить тело вашей жены с другим мужчиной?

— Я хочу, чтобы вы были счастливы, Микаэла, — объяснил Родерик. — Я хочу нашего общего счастья. И шрамы у меня на лице и на руке — милые украшения по сравнению с теми, которых вы не видите.

Никогда еще Родерик не причинял ей подобной боли. Ни брошенными ей словами с момента ее приезда в Шербон, ни тем, как согнал ее со своего колена прошлой ночью. Заставить ее почувствовать себя так, словно она столь пуста и ограничена, что откажет ему из-за его ранений, — за кого он ее принимает?

— Как я могу выйти за вас замуж, зная, что никогда не стану вашей женой наделе? — недоверчиво спросила она. — Наш брак будет не чем иным, как фарсом! Если король узнает об этом, вы потеряете Шербон!

— Нет, — возразил Родерик. — Никому не нужно знать, что мы делаем или чего не делаем в нашей спальне. — Он опустил глаза на свою левую ногу. — Может быть, однажды... — Он пожал плечами. — Но я не хочу, чтобы вы напрасно тешили себя надеждой.

— Не знаю, что и сказать. — Микаэла пристально смотрела на него, сжимая в кулаке полотенце. — Меня это очень оскорбило.

— Я вовсе не собирался оскорбить вас, — беспечно заявил Родерик. — Потому что я тоже наслаждался сегодняшним днем. И впереди у нас много таких дней. Разве вы не согласитесь принять ту хорошую часть меня, которая вернулась? Принять ее и позволить нам обоим использовать ее наилучшим образом?

Микаэла встала.

— Я не хочу лишь вашу хорошую часть, Родерик. Я хочу всего вас.

— Я не могу предложить это. Ради нас обоих. Микаэла долгое время смотрела на него, но не нашла что ответить.

— Мне необходимо побыть одной.

Родерик встал, даже не облокотившись о стол для поддержки.

— Понимаю. Надеюсь, вы обдумаете все это, Микаэ-ла. Хотите прогуляться завтра утром? Уверен, это обрадует Лео.

— Да. Да, отлично, конечно, — рассеянно ответила Микаэла.

Он кивнул:

— Спокойной ночи. — Родерик пересек комнату, его хромота была почти незаметна, и вышел.

Под платьем кожу Микаэлы холодило металлическое звено, и она почувствовала, что за ней охотятся, ее преследуют.

Родерик, пожалуй, никогда не чувствовал себя лучше: ни до его прибытия в Константинополь, ни до... на самом деле никогда. Холодное зимнее солнце сверкало всеми цветами радуги в его дыхании, вырывавшемся поверх головы Лео, а рядом сидела на своей лошади Микаэла. Она сопровождала их путь пением, когда они спускались по дороге, ведущей к морю, и ее голос звучал поистине ангельски.

Должно быть, она пела эту песню мальчику и раньше, потому что Лео иногда присоединялся к ней. Прелестный дуэт. Родерик был очарован.

Ни слова не было произнесено между ним и Микаэлой об их разговоре прошлой ночью, но Родерик ощущал дистанцию, которую она установила между ними.

Она примет его условия. Должна принять.

Родерик чувствовал, что его состояние улучшается. Он знал, что это было безумие. Или волшебство, или, быть может, чертово колдовство. Родерик не хотел об этом думать. Сумасшедшая идея овладела им, что, возможно, однажды вся его нога...

Но он не позволит этим мыслям посещать его днем. Он по-прежнему носил старый кожаный башмак на правой ноге, под собственным массивным сапогом для верховой езды. Он не снимал его с того момента, как надел, и не собирался этого делать.

Уолтер Форчун никогда не узнает, что башмак все еще существовал, и к черту эту сумасшедшую идею о сказочном Охотнике. Это все чепуха. Это невозможно.

А разве то, что случилось с ним, невозможно?

Башмак теперь принадлежит ему. Он находится в его доме. Родерик должен был его найти, в этом нет сомнения.

Мисс Форчун допела песню, и Лео с энтузиазмом зааплодировал.

— Да, замечательно, леди Микаэла! Она слегка наклонилась над лукой седла.

— Вы оба очень добры ко мне.

— О нет, вашему голосу нет равных. Я уверен в этом, — возразил Родерик. — Я путешествовал по многим странам, миледи, и уверяю вас, что ваш голос самый утонченный, самый изысканный из всех, которые мне доводилось слышать.

Лео кивнул:

— Эди Микэ-а поет гусно, папа.

— Ты совершенно прав, Лео. — Родерик положил руку на его голову, испытывая изумление от того, как приятно нести мальчика на колене. — Куда мы теперь поедem, Лео? На берег?

— Искать оехи! — Мальчик указал поверх головы лошади туда, где дорога вилась среди глухого леса, и левая нога Родерика сильно зачесалась.

Словно почувствовав его дискомфорт, Микаэла слегка повернула к нему лицо.

— Скорее всего их уже не осталось на орешнике, Лео. Может быть...

— Оехи! — повторил Лео.

Родерик видел, что Микаэла боится леса, и ощущение в мертвой левой ноге словно предостерегало его. Но правая нога, наоборот, подталкивала. Нечего потворствовать этим глупостям. Это его лес. Безвредная лесная дорога.

— Ну, если только ненадолго, Лео, — согласился Родерик, надеясь, что уверенность,

прозвучавшая в его голосе, успокоит тревогу мисс Форчун, — хорошо?

— Холосо, папа.

Родерик с улыбкой, адресованной своей спутнице, направил лошадь на лесную дорогу, словно входя в пещеру, хотя шатер из веток над головой был лишен листьев. Прошло несколько мгновений, прежде чем он услышал за спиной цоканье копыт лошади Микаэлы, следующей за ним.

Казалось, тысяча пар глаз наблюдала за ней из каждой купы деревьев, из каждой черной кучки сухих листьев. Она слышала беспечную болтовню Лео впереди, видела его ручки высывающиеся то с одного, то с другого бока большого человека, указывая то на одно, то на другое с благоговением и возбуждением.

Но, медленно и осторожно следуя позади них, Микаэла поворачивала голову на каждый скрип дерева, каждый шорох в кустах, словно она оберегала мужчину и мальчика, сама не зная от чего.

У нее в памяти возник ее недавний кошмарный сон, но скорее звуки, чем картинки: снова стук копыт, хриплые и визгливые крики; собаки, лающие на недоброжелательную луну; рычание какого-то голодного зверя в поисках человеческой плоти, теплой крови...

Сердце Микаэлы оглушительно стучало в груди, и какая-то частица ее хотела пришпорить лошадь и послать ее вперед, чтобы оградить Родерика от всяких напастей, хотя она все еще испытывала боль от его ультиматума, предъявленного ей прошлой ночью, и была сердита на него. Но другая ее часть предупреждала — голосом матери — не находиться слишком близко от Родерика Шербона в этом глухом, хотя и тихом лесу. В этом таилась опасность, опасность...

Впереди Родерик остановил свою лошадь и повернул ее в сторону, на середину дороги. Когда Микаэла поглядела на него, то увидела, что ее эмоции отразились на его волевом, покрытом шрамами лице: тревога, замешательство, паника.

Стук копыт приближался.

Лошадь Родерика попятилась, встав на дыбы, вызвав радостный возглас малыша, и всадник должен был осадить своего скакуна.

— Микаэла, возвращайтесь! — закричал он, и в его голосе звучали как приказ, так и нерешительность. — Торопитесь!

У Микаэлы напряглись мускулы, она готова была повернуть назад танцующую лошадь, но личико Лео, высывавшееся из его капюшона, заставило ее пришпорить лошадь и помчаться вперед к ним с криком «Дайте мне Лео!».

— Нет времени! — прокричал Родерик. — Вы должны немедленно бежать из этого леса, Микаэла...

Она направила свою кобылу в сторону, и две лошади столкнулись, защебив левую ногу Родерика ниже колена. Родерик не издал ни звука.

— Дайте мне его! — потребовала Микаэла. — Дайте же, скорее!

Теперь стук копыт слышался повсюду вокруг них, от него дрожали деревья, и он резал слух. Микаэла дотянулась до мальчика в тот самый момент, когда Родерик выталкивал его из седла, — малыш выглядел озадаченным и испуганным. Он опустил на Микаэлу, пробрался к ее груди, сел на нее, расставив ноги, а его маленькие ручки обхватили ее за шею, словно петлей.

— Теперь уезжайте! — закричал Родерик. — Уезжайте.

Но было уже слишком поздно. Родерик и Микаэла повернули головы к повороту на

дороге впереди, когда шум от скачущих лошадей уменьшился, объявляя о прибытии всадников.

Микаэла обняла Лео и прошептала:

— Господи, защити нас!

Холеная, черная как смоль морда коня показалась из-за поворота, из ее ноздрей валил пар, его всадник был высок и строен и носил одежду черного рыцаря. К этому устрашающему жеребцу тут же присоединился его спутник: маленький, лохматый, белый...

Пони.

— Какого черта? — закричал всадник и, натянув уздечку, остановил коня, на что тот негодуя заржал. Он сбросил свой головной убор.

Представительный всадник на зловещем по виду коке был не кто иной, как сэр Хью Гилберт, лорд Ничтожество.

А на изящном маленьком пони рядом с ним сидела юная леди Элизабет Торнфилд.

Родерик не знал, что ему делать — расцеловать Хью или придушить его. Сердце у него громко стучало.

Он что, ожидал, что на него опустится выдуманный Форчунами Охотник? Микаэла столь же безумно хотела поскорее убраться вместе с Лео с этой дороги, как и Родерик. Боялась ли она того же? Он не знал и не осмелился спросить. Но сильный зуд в его левой ноге наконец исчез, словно его и не бывало.

— Леди Микаэла! — воскликнула девочка и пришпорила пони, направив его к Микаэле.

— Привет, Хю! — закричал Лео и помахал пухлой ручкой закутанному в черное всаднику.

Все еще находясь рядом с Родериком, Микаэла ахнула:

— Элизабет! Господи, что ты тут делаешь?

В считанные секунды две небольшие группки всадников соединились. Микаэла протянула Лео, который уже раскрыл ручки, Хью, потом спешила и заключила Элизабет в объятия. Девочка разрыдалась.

— Привет, Гнойничок, — приветствовал Хью малыша, с улыбкой обняв его. — Ваша парочка отправилась на увеселительную прогулку с мисс Форчун, а? — При этих словах он удивленно поднял брови, глядя на Родерика. — Замечательно, Рик. Как, черт подери, тебе удалось сесть на лошадь? Определенно, тебе помогал не конюх — это была мисс Форчун?

Родерик отмахнулся от вопроса Хью. И действительно, он вовсе не задумывался над тем, как объяснить другу свое столь улучшившееся состояние. Его пугал тот момент, когда Хью увидит, как он ходит, или будет настаивать на том, чтобы помочь ему снять сапог.

— Что делает здесь эта девочка? — прорычал Родерик, глядя на дочь Торнфилда, все еще находившуюся в объятиях Микаэлы.

Хью закатил глаза и вздохнул:

— Она последовала за мной, маленькая соплячка.

— Почему ты не вернул ее? — в отчаянии спросил Родерик. Вид Микаэлы, которая была явно счастлива увидеть девочку, вызвал приступ безрассудной ревности у Родерика. Ему не хотелось, чтобы у нее было что-то общее с проклятыми Торнфилдами — особенно теперь, когда их свадьба с Микаэлой так близка. — Что? И потерять еще время? — Хью потряс головой. — Мне пришлось бы остаться там еще на одну ночь, и она все равно последовала бы за мной. Очень настойчивая. Говорю тебе, Рик, она намерена воссоединиться со своей любимой мисс Форчун. Однако ее отец и мачеха недалеко позади

нас. Они сами могут забрать ее. Сегодня я сплю в своей собственной постели, так ведь, Червячок? — Хью потрепал Лео за носик, и мальчик захихикал в ответ:

— Да, Хью.

— Торнфилд преследует вас? — спросил Родерик. Ему стоило бы размозжить Хью голову. — Тогда почему ты не подождал, пока они догонят тебя? Господи, Хью, мое терпение на исходе. Разбирайся с ними сам.

— Ха! Ну уж нет! — засмеялся Хью. — Они кричали и вопили мне вслед всю дорогу. Я достаточно долго терпел их. Кроме того, с ними — Харлисс. Похоже, они прекрасно уживаются друг с другом. Все они жалкие отбросы, а она дохлая крыса.

При упоминании имени Харлисс Лео теснее прижался к груди Хью, но его головка повернулась к Родерику.

— Она за мной, папа!

Хью, опередив друга, ответил ему:

— Она не осмелится, малыш! Скорее я отрублю ей голову и зажарю ее.

Лео не поверил ему и тревожно посмотрел на Родерика, словно ожидая подтверждения.

— Она не тронет тебя, Лео, — сказал Родерик, глядя прямо в глаза малышу.

Лео вздохнул и похлопал отца по плечу:

— Холосо, папа. Холосо.

Не обращая внимания на подозрительный и настороженный взгляд Хью, Родерик посмотрел на Микаэлу и девочку из Торнфилд-Мэнора. Микаэла стояла на коленях в грязи, держа обе руки девочки в своих, пока светловолосый подросток рыдал и икал, моля о чем-то.

Эта картина встревожила Родерика.

Его ужас только усилился, когда снова послышался бешеный стук копыт приближавшихся лошадей, эхом отзывающийся в коридоре окаймленной деревьями дороги, и через мгновение появилось конное трио.

— Не дайте им забрать меня, — взмолилась девочка, при виде всадников. — Пожалуйста, Микаэла!

— Элизабет, ты должна вернуться домой, — как можно мягче сказала Микаэла. Она сочувствовала неприязни девочки к Джульетте, но знала, что Алан Торнфилд безумно любит дочь и никогда не допустит, чтобы с ней случилась беда.

Но так думала Микаэла, пока не повернула голову и не увидела Харлисс, сопровождавшую Торнфилдов.

— О, и они взяли с собой няню! — рыдала Элизабет — Она будет так разочарована!

— Няня? — недоверчиво спросила Микаэла и повернула голову, чтобы взглянуть на Родерика. Гигантский мужчина только смотрел на нее сверху вниз, его прежнее, пусть и странное, но радостное для нее веселье исчезло. Микаэла посмотрела на Элизабет: — Твой отец сделал Харлисс твоей няней?

— Ну конечно! — буквально взвыла девочка, поворачиваясь в объятиях Микаэлы. — Ведь вы хотели именно этого? Я знаю, что вы отослали ее к нам, чтобы она заботилась обо мне, и она хорошая, но я хочу вас.

Микаэла понимала, что у нее от изумления приоткрылся рот. Она должна немедленно поговорить с Аланом, а также с Джульеттой, если потребуется. Торнфилды не должны подпускать Харлисс к любому ребенку, особенно к ее дорогой Элизабет.

Господи, они с Родериком послали ту злую женщину в Торнфилд-Мэнор на правах рабыни, а не в качестве уважаемой служанки. Одна мысль об этом вызвала у Микаэлы

тошноту.

— Элизабет Торнфилд! — закричал Алан, как только остановил коня и спешился. Под светлыми волосами его лицо казалось багровым.

— Папа, нет! — воскликнула девочка и спряталась за Микаэлой, которая выпрямилась в полный рост.

Когда Алан шел к ней, его светлые волосы казались тусклыми в лесу под нависшими в небе тучами, усы — смешными, плечи — узкими. Кожа на лице — совершенной, безупречной, нежной, как у подростка.

Даже его походка не походила на мужскую, какую помнила Микаэла. Не говоря уже о том, что он был лишен героического прихрамывания. Алан остановился между Микаэлой и Родериком.

— Извините меня, лорд Шербон, — холодно сказал Алан и столь же натянуто поклонился в сторону кузена. — Но я кричал вашему другу — несколько раз, — прося, чтобы он остановился. Но как только мы приближались к нему, он прищпоривал коня.

— Вы кричали? — спросил Хью, округлив глаза. — Я не слышал.

— Это не имеет значения, — проворчал Родерик. — Забирай свою дочь и уезжай, Торнфилд.

Леди Джульетта, широко улыбаясь, направила свою лошадь вперед.

— Элизабет, дорогая, как ты напугала всех нас! Давай вместе поедem домой — уверена, мы все уладим.

— Нет! — пронзительно закричала Элизабет из-за спины Микаэлы. — Вы не моя мама! Я ненавижу вас! Я хочу остаться с Микаэлой.

— Элизабет! — одернула ее Харлисс. — Нельзя говорить такие ужасные вещи — ты должна немедленно извиниться!

Микаэла обернулась, чтобы увидеть реакцию девочки, и, к ее удивлению, Элизабет выглядела так, словно ее наказали.

— Извините меня, няня.

— Ты должна извиняться не передо мной, — пояснила Харлисс, — а перед леди Джульеттой.

— Извините меня, леди Джульетта.

Фальшивая улыбка Джульетты погасла, но лишь на мгновение.

— Все в порядке, дорогая. У нас будет...

— Но я все равно не хочу возвращаться с ними, — настаивала Элизабет, прерывая попытку мачехи проявить великодушие, и снова умоляюще глядя на Микаэлу. — Я хочу остаться с вами! Вы меня больше не любите? Вы даже не ответили на мое письмо!

— Элизабет, Торнфилд-Мэнор больше не мой дом, и твое место — рядом с отцом и леди Джульеттой. Я выхожу замуж за лорда Шербона и живу вместе с ним и Лео.

— И сэром Хью, — добавил Родерик. Микаэла бросила на него мрачный взгляд. Харлисс спешила и попыталась приблизиться к девочке.

— Элизабет, послушай меня...

Лео всхлипнул и спрятал личико на груди у Хью.

— Ни шага ближе, Харлисс! — прорычал тот. — Ты пугаешь моего сына.

— Простите меня, лорд Родерик, — ухмыльнулась Харлисс. — Привет, Лео, дорогой мой мальчик. — Затем она снова повернулась к Элизабет: — Мы уже обсудили это: леди Микаэла больше не может быть твоей компаньонкой. Она приехала в Шербон, чтобы

заботиться о маленьком Лео, она очень-очень любит его. Она станет его мамой, ну, ты понимаешь.

Объяснение было весьма разумным, но Микаэла чувствовала, что слова оборачивались и извращались так, словно Харлисс орудовала острым ножом. Она знала, что эти слова больно ранили Элизабет.

— Но я была первой, к кому она приехала! — заплакала девочка. Она взглянула на Лео, затем снова на Микаэлу: — Так это из-за него вы не вернетесь, да? Вы любите его больше, чем меня.

Алан закатил глаза и вздохнул:

— Элизабет, не надо. — Он сделал шаг вперед и взял дочь за руку. — Ну, давай поедem. Ты причинила достаточно беспокойства всем нам, и мы возвращаемся домой.

— Так это правда? — Девочка оглянулась на седую старую каргу, словно ища у той подтверждения.

— Элизабет, я по-прежнему люблю тебя. Ты очень, очень дорога мне, — ответила Микаэла.

— Но недостаточно дорога, — выпшла девочка. — Я не так дорога, как этот славный маленький младенец, так?

— Эо не маденец! — Лео положил ладошку на щеку Хью, заставляя того взглянуть ему в глаза. — Хью, Эо не маденец?

— Ну конечно, нет! — возмущенно воскликнул Хью. — Ты настоящий взрослый приставучка.

— Не маденец. — Лео повернулся к Элизабет и показал ей язык. Микаэла не могла сдержать смех, Элизабет посмотрела на нее с бесконечной тоской в глазах, а из ее груди вырвались рыдания.

— Ну что же, м-мисс Фо-Форчун. Скатертью дорога! — Она повернулась и бросилась к Харлисс, которая с готовностью обняла девочку.

Боль от укора Элизабет была словно удар кинжалом, но, возможно, для самой девочки было лучше, что она так рассержена. Однако Микаэле нужно было убедиться, что та будет в безопасности в Торнфилд-Мэноре.

Она дотронулась до руки Алана, когда тот повернулся, чтобы уйти.

— Лорд Торнфилд. — Она понизила голос. — О Харлисс...

— О да, конечно! — Алан обернулся к ней и снова холодно поклонился в сторону Родерика: — Благодарю вас, милорд, что вы прислали нам няню. Она доказала свои способности, и мы очень довольны ею.

— Харлисс была отправлена к вам не как няня, Торнфилд, — сообщил его кузен. — Эта женщина была освобождена от своих обязанностей в Шербоне из-за вызывающего неповиновения, вероломства и угрозы моему собственному сыну.

Алан выглядел искрение изумленным. Он взглянул на Харлисс, которая, как заметила Микаэла, почти незаметно покачала головой.

— Понимаю, — медленно произнес Алан.

— Ну, вы же не можете не знать, что некоторые слухи просто не соответствуют действительности, — вмещалась в разговор леди Джульетта.

Микаэла в последний раз обратилась к Алану:

— Умоляю вас как друг и ради Элизабет...

— Прекратите, Микаэла, — тихо произнес Алан. — У нас все в порядке — очевидно,

как и у вас. — Это прозвучало как обвинение.

— Скорее всего именно Харлисс надоумила Элизабет убежать, — сказала Микаэла шепотом, но он был недостаточно тихим.

Алан покачал головой и направился к своей лошади.

— Вы так думаете, мисс Форчун? — изумленно спросила Харлисс, помогая Элизабет сесть в седло. Она отряхнула руки, затем приблизилась к Микаэле: — Может быть, вам стоит спросить сэра Хью, почему он предложил Элизабет поехать на ее пони с ним к мосту, хм-м? Возможно, это не я пытаюсь выманить вас из Шербона. Вам не кажется, что кто-то еще, кто дает вам советы по поводу ва-шихдел, стремится избавиться от вашего присутствия ради собственной выгоды и думает использовать вашу слабость к Элизабет в своих интересах?

Микаэла взглянула на Хью, когда Харлисс стояла с ней лицом к лицу. Сэр Хью определенно выглядел смущенным.

— Хью? — услышала Микаэла голос Родерика, но она опять обратила внимание на Харлисс, которая шептала ей в лицо слова, предназначенные только для ее ушей:

— Я предупреждала тебя не шутить со мной, мисс Форчун, и я пока еще не кончила с тобой. Со всеми вами, — подчеркнула она последние слова. — Когда ты надумаешь вновь перейти мне дорогу, запомни: я не боюсь холодной воды и мои руки очень, очень сильные.

— Ты сумасшедшая, — сказала Микаэла, голос ее дрожал. Слова женщины были полностью лишены смысла, и именно это пугало.

— Да, — с улыбкой прошипела Харлисс. — Так-то. Ты должна вынести все, что я пережила в своей жизни.

Она повернулась и взобралась на лошадь, словно большое серое насекомое.

— Всего хорошего, лорд Шербон, леди Микаэла, — попрощался Алан Торнфилд. — Снова приношу свои извинения, что потревожил вас.

— Не думай об этом, Торнфилд, — откликнулся Родерик. — Разумеется, ты приглашен на свадьбу. Скорее всего она состоится на следующей неделе. Я пришлю приглашение. — В его словах Микаэла услышала явное нежелание.

Алан натянуто кивнул, повернул коня, и все члены его дома двинулись обратно по лесной дороге. Вскоре они скрылись из виду.

— Смотри, чтобы мисс Форчун и Лео вернулись в Шербон целыми и невредимыми. Хью, — сказал Родерик. Он взглянул в небо, которое вдруг стало холодным и пепельно-серым, точная копия серых глаз Харлисс. — Приближается шторм, и у меня есть кое-какое дело. — С этими словами он прищепил коня и галопом умчался.

Микаэла впиалась взглядом в Хью Гилберта, который одной рукой прижимал к груди уснувшего Лео.

— Это вы привели ее сюда, не так ли? Элизабет. Впервые Харлисс сказала правду.

— Не глупите, — ухмыльнулся Хью. — И, похоже, вы не последовали моему совету.

— Очевидно, — усмехнулась Микаэла, взбираясь на лошадь. — Если бы я последовала ему, сомневаюсь, что вышла бы замуж через несколько дней, а Родерик стал бы проводить больше времени с сыном.

Хью смотрел на Микаэлу так, словно она дала ему пощечину.

— Это все временно. Вы не знаете его так, как знаю я.

— Вы правы, я не знаю его таким, каким знаете его вы. И не думаю, что вы вообще его знаете. — Микаэла кивнула в сторону дороги: — Я поеду вслед за вами.

Хью насмешливо выгнул бровь, но тем не менее направил своего коня вперед по дороге.

— Это было бы очень забавно.

— Сомневаюсь, что вас что-то способно позабавить.

Микаэле не хотелось упускать Хью из виду даже на минуту, чтобы тот не попытался трусливо убежать от разговора, который она намеревалась завести с ним, и она последовала за ним в маленькую, но богато украшенную комнату Лео и наблюдала, как он укладывает мальчика спать. Гремел гром, близилась гроза.

Она наблюдала, как нежно Хью обходился с ребенком, как взъерошил его волосы, подоткнул со всех сторон одеяло и положил в согнутую руку мальчика потрепанную тряпичную куклу. И хотя Микаэла была сердита на лучшего друга Родерика, она поняла, что Хью, несмотря на прозвища, которыми он награждал Лео, искренне любит малыша и тот отвечает ему взаимностью.

Хью выпрямился у кровати и, увидев, что Микаэла стоит возле двери, раздраженно закатил глаза.

— Вы не сдаётесь, я правильно понимаю? — прошептал он и вышел из двери мимо нее.

Она последовала за ним, тихо закрыв за собой дверь комнаты Лео.

— Разве не вы толкали меня на то, чтобы я неустомимо двигалась вперед?

Хью шагал по коридору перед ней, обхватив голову руками после ее слов.

— Это вырвано из контекста! — Он оглянулся через плечо: — Ну что же... где вы подвергнете меня свирепому наказанию за те ужасные преступления, которые я, по вашему мнению, совершил против вас, мисс Форчун?

— Ваша комната здесь, рядом, не так ли?

Еще дюжина шагов, и Хью распахнул дверь по правую сторону коридора. Микаэла сообразила, что комната сэра Хью находится между комнатами Лео и Родерика, и это ее несколько не удивило. Она вошла вслед за ним в его комнату.

Все помещения в Шербоне были архитектурно богато украшены и хорошо обставлены, но комната Хью была просто роскошной. Похоже, чтобы украсить свои личные покои, он собрал вещи со всего замка, и Микаэла подумала, что его обитель по убранству могла соперничать со многими комнатами в королевском дворце.

В ней стояли широкие скамьи и кресла, обитые бархатом, который поблескивал в слабом свете, на них лежали богатые покрывала и подушки. Пол был устлан толстыми коврами разных цветов и оттенков, создавая в этом жилище уединенную, успокаивающую атмосферу, и Микаэла чувствовала себя так, словно шла по тугому матрасу. Кровать была задрапирована в яркий шелк, на ней разбросаны еще более сияющие подушки, и края покрывала свешивались с матраса. Великолепное отполированное оружие — некоторые предметы были совершенно незнакомы ей — украшало промежутки стен между прекрасно выполненными гобеленами, изображавшими сцены битвы, римских богов или в разной степени обнаженных людей. В высоких керамических вазах стояли гигантские перья и засушенные растения. В комнате ощущался запах ладана, и Микаэла должна была признать, что испытала зависть к убежищу сэра Хью Гилберта в Шербоне.

— Меня весьма удивило, что вы взяли на себя труд помочь Риду сесть на лошадь. Глядя на вас, никто бы не подумал, что у вас хватит на это сил. — Хью плюхнулся в одно из кресел, забросив одну ногу поверх подлокотника. Он сложил переплетенные пальцы на груди и с любопытством разглядывал гостью. На Шербон с ревом обрушился ливень.

— Я не делала ничего подобного, — ответила Микаэла. — Родерик сел на коня сам. Брови Хью взметнулись вверх.

— А, значит, ему помог кто-то из работавших на конюшне, прежде чем подошли вы.

— Вовсе нет, мы все — он, я и Лео — прибыли в конюшню одновременно. Я видела, как он садился верхом.

Он прекрасно справился с этим — почему вы настаиваете на том, что ему необходима помощь?

— Не знаю, почему вы мне лжете, но...

— Я вовсе не лгу! Спросите его сами!

— Отлично! Так я и сделаю! Теперь поскорее говорите, с чем пришли, прежде чем я выставлю вас из моей комнаты. Вы ужасно надоедливы, мисс Форчун, а я уже сыт по горло раздражающими женщинами. — Он вздохнул и откинулся в кресле, прикрыв глаза.

Микаэла понимала, что нечего ходить вокруг да около.

— Почему вы ненавидите меня? Чем я оскорбила вас, сэр Хью, что вы решили препятствовать моим усилиям по усовершенствованию Шербона?

— О, пощадите меня, — пробормотал Хью.

— Ни за что, — заявила Микаэла. Ему не удастся отделаться язвительными замечаниями. — Вы заманили сюда Элизабет Торнфилд в надежде, что ей удастся уговорить меня покинуть Шербон, не так ли?

— Вы параноик, мисс Форчун, — рассмеялся Хью.

— Ничего подобного! Вы давали мне советы под предлогом, что помогаете мне, и каждый раз, как я следовала им, Родерик все больше отдалялся от меня!

Хью развел руками и поднял брови.

— Тогда вы, очевидно, неправильно воспользовались моими советами. Это еще одно доказательство, что вы не та женщина, которая нужна Родерику Шербону, — объяснил он.

— Я единственная женщина, которая ему нужна, — настаивала Микаэла. — Как вы смеее портить ему жизнь! Ведь вы считаете его своим ближайшим другом!

— Я действительно его ближайший друг.

— Нет! — Микаэла сделал шаг к нему, прижав кулаки к телу, чтобы не наброситься на него. — Настоящий друг стремился бы помочь Родерику удовлетворить все его желания, чтобы он мог добиться всего, что ему нужно, а не плести против него интриги, чтобы он продолжал чувствовать себя слабым и несчастным. Хью засмеялся:

— Вы пытаетесь проникнуть в среду, где не имеете права находиться, мисс Форчун. Я знаю Родерика более трех лет. Я воевал вместе с ним, видел все его раны, присутствовал при том, когда он находился на пороге смерти и все же сумел выкарабкаться. Если в комнате находится кто-то, кто знает, что нужно Риду, то, — он оглядел ее с ног до головы, — это определенно не вы. Я знаю, вы втемяшили себе в голову, что однажды сможете полюбить его, но в действительности все, на что вы годитесь, — это сделать его несчастным.

— Я уже полюбила его, — горячо заявила Микаэла.

Хью, казалось, был удивлен услышанным, но быстро оправился, и на его лице снова появилось самодовольное выражение.

— Вы можете думать что хотите, но вы не знаете его. Он — богатая новинка для вас, ну, и с вашей стороны, возможно, присутствует некоторая доля сострадания. Но что касается его, меня и Лео — у нас троих общая история. Вы никогда не сможете преодолеть это. Вы посторонняя.

— Возможно, так и было, до того как вы уехали в Торнфилд-Мэнор, но теперь все по-другому, — с вызовом сказала Микаэла. — Он разыскал меня, пока вас не было, открыл мне душу.

Хью усмехнулся:

— Неужели? И какие же такие секреты он открыл вам, а?

— Он рассказал мне об Аурелии. И что Лео не его родной сын.

— Ну что ж, должен признаться, это впечатляет. Но это то, что вы неизбежно узнали бы рано или поздно. — Хью пожал плечами. Потом он прищурил глаза, и в них промелькнул злой огонек. — Он сказал вам, что никогда не сможет заниматься с вами любовью? Лицо Микаэлы запылало.

— Да. Но верю, что смогу изменить это. Это всего лишь... всего лишь нежелание, вызванное...

Хью расхохотался:

— Вы не можете изменить это, голубушка! Поверьте мне. Вы думаете, что заполучили его, не так ли? Что вы, он и Лео составите счастливую семью и мисс Форчун решит любую проблему лорда Шербона. Но вот что я скажу вам, Микаэла. — Хью подошел к ней. — Вы никогда не узнаете, каким Родерик был до Гераклеи, как не похож был на своего отца, когда вступил в битву. Он рассказал вам, что перед тем, как мы вступили в бой, все мы почти голодали, дороги, по которым доставляли провиант, были отрезаны в течение нескольких недель? Чтобы сражаться, осталось только несколько лошадей, потому что остальных мы съели, мисс Форчун. Наш лагерь был осажден ночью. Многие погибли, а те, кому удалось спастись, смогли это сделать лишь потому, что Родерик вскочил на коня и один бросился на атакующих. Конные сарацины, вооруженные мечами и пиками, роились вокруг него как пчелы. — Он зловеще растянул последнее слово. — Я наблюдал за этим — безоружный, беспомощный! Они стащили его с лошади и оставили только потому, что решили, что он мертв. Последний акт самоотверженности Родерика Шербона спас мне жизнь.

— Но разве не вы спасли жизнь ему, принесли его к Аурелии?

— То, что я сделал, вовсе не было благородным поступком. Я уже все потерял, мне некуда было возвращаться. Ни дома, ни семьи, все мои товарищи погибли, за исключением человека, который спас меня. Родерик был единственным существом, за которого можно было держаться. Он и Лео.

— Вы спасли Родерику жизнь, чтобы остался кто-то, способный поддержать вас?

— Я хотел бы, чтобы все объяснялось одной только жадностью! Я отнес его к Аурелии, чтобы он остался жить, да, мне нужно было, чтобы он жил, а я мог провести остаток моих дней, пытаясь отплатить ему за все, что он сделал. Моя жизнь наконец обрела смысл, цель. — Хью еще ближе придвинулся к Микаэле. — Каждое его движение, каждое произнесенное им слово, каждое адресованное мне проклятие, его пренебрежение к вам порождено той битвой. Отец заставил его отправиться в то злополучное паломничество. Родерик не походил на Магнуса — человека, который довел Дорис до самоубийства, оставив ее единственного выжившего ребенка в когтях тех чудовищ. И теперь Родерик считает виноватым себя, а не отца. Только я могу его переубедить, потому что знаю, через что ему пришлось пройти.

— Благородные чувства, сэр Хью, — заметила Микаэла. — Но я вам не верю. Родерику нужна женщина — жена. Он нуждается в нежности, и я могу...

— Вы не можете быть его женщиной, вы, неумеха! Он не позволит вам это!

— Позволит — со временем! — стояла на своем Микаэла. — Потому что я люблю его, Хью! Я сказала Родерику то, что скажу сейчас вам: «Это только шрамы! Меня не заботит...»

— Это не просто шрамы! — рявкнул Хью, и Микаэле показалось, что его глаза наполнились слезами. — Он потерял ногу!

Микаэла похолодела, по коже побежали мурашки.

— Почему... зачем вы говорите такие вещи, Хью?

— Потому что это правда. — В глазах Хью стояли слезы — холодные, сердитые, негодующие. Виноватые. — На ширину ладони ниже левого колена Родерика нет ничего. Ни ступни, ни щиколотки, ни икры.

— Это невозможно, — прошептала Микаэла.

— Я был там, когда они отняли ее. Я держал его.

— Но он ходит! Его сапоги...

— Его левая нога — протез. Дерево, шерсть, кожаные ремешки, закрепленные выше колена. Именно поэтому я знаю, что вы солгали мне, сказав, что он сам взобрался на лошадь, — то, что осталось от его ноги, и сапог, который он носит, не способны дать ему возможность вскочить в седло, а сесть справа невозможно, его левая нога не обладает подвижностью, чтобы можно было ее поднять и перекинуть.

— Но он правда взобрался сам, я видела это своими глазами! — Микаэла почувствовала себя так, словно очутилась в одном из своих ночных кошмаров.

— Вы, вероятнее всего, видели то, что Рик хотел, чтобы вы увидели, вот и все. Именно поэтому он никогда не будет любить вас. Он больше не чувствует себя настоящим мужчиной — не может сесть на коня, не может сражаться. Он никогда не позволит вам увидеть его таким. Это доступно только мне. Только... мне, мисс Форчун.

— Но он... — Микаэла судорожно сглотнула. — Он сломал свою трость. Она ему больше не нужна! После того, как вы уехали...

— Не знаю, в какие игры вы играете, но я не позволю вам продолжать их! — прорычал Хью, и Микаэла впервые почувствовала, как растет ее страх перед этим красивым долговязым мужчиной. Он был в ярости. — Вы не заслуживаете внимания такого мужчины, как Родерик Шербон, и я не позволю вам завладеть им!

Микаэла нервно рассмеялась:

— Но, сэр Хью, это звучит так, словно вы сами влю... — Она умолкла, Хью Гилберт побледнел и отвернулся от нее.

— Вы влюблены в него? — прошептала Микаэла. Он отвел глаза и печально улыбнулся.

— Виноват, — тихо признался он.

— Господи! — Микаэла в изнеможении опустилась на одну из обитых бархатом скамеек. — Он знает об этом?

— Разумеется, нет! — рассмеялся Хью. — Вы что, считаете меня дураком, мисс Форчун? Я знаю, что расположение Рика ко мне совсем... совсем другого рода, чем мое собственное. Но меня это не волнует. Я только хочу... — Он замолчал, махнув рукой.

— Вы просто хотите быть рядом с ним, — подсказала Микаэла.

Хью кивнул:

— Мне этого достаточно. Его и Лео. Вы умны, чтобы это понять.

— Но если вы знаете, что он никогда... почему не дадите мне возможности сделать его счастливым, как это может сделать женщина? Как этого хочет Родерик?

— Женская любовь — чушь, — усмехнулся Хью. — Ее переоценивают. Вам не понять,

чего хочет Родерик.

— Нет, я понимаю. Он показал это в своей комнате и в моей, — мягко возразила Микаэла. Ей больше не хотелось причинить боль Хью. Однако он должен знать, что она не откажется от Родерика. Она тоже любит его.

Хью посмотрел в сторону длинных окон комнаты, освещаемой только вспышками молний за окном.

— И что же вы собираетесь делать, мисс Форчун? Выпроводить меня? Рассказать Рикку о моем маленьком унизительном секрете, чтобы он возненавидел меня, и изгнать из Шербона? Вам хочется увидеть мой конец?

— Он никогда не сделает этого, — возразила Микаэла. — Он очень заботится о вас, Хью. И я никогда не открою ему ваш секрет.

Хью посмотрел на нее. В этот момент он не выглядел холемым элегантным джентльменом, как обычно. Скорее одиноким, потрясенным и печальным человеком.

— Благодарю вас, мисс Форчун.

— Но я не прекращу свои попытки завоевать его, — призналась Микаэла. — Мы должны пожениться, и я приму его как настоящего мужа. Возможно, втроем — вы, я и Лео — мы сможем дать ему счастье и дружбу, которых он заслуживает.

— Возможно, — согласился Хью. — Но вы должны понимать, что это не может долго продолжаться.

Микаэла нахмурилась:

— Не понимаю.

— Один мужчина — двое влюбленных — неприятная история. — По лицу Хью пробежала язвительная усмешка. — Он должен выбрать одного из нас.

— Согласна, — сказала Микаэла. — И когда это произойдет, мы должны будем отнестись с уважением к его выбору.

— Но если Рик отправит вас восвояси, вы уйдете?

— Разумеется.

— Даже если это приведет вашу семью к краху и Рик вынужден будет покинуть Англию вместе с Лео и со мной?

— Я уйду, — повторила Микаэла. — Но вы должны согласиться на то, что, если он выберет меня, вы больше не будете пытаться вторгнуться в наши отношения или препятствовать моим попыткам завоевать его любовь. Уверена, вам не придется расстаться с Шербоном после всего, что вы сделали для Родерика и Лео, но если вы попытаетесь вырвать у меня какие-то уступки, Хью...

Хью печально улыбнулся ей:

— Я никогда не пойду на это, мисс Форчун. У меня еще осталась некоторая гордость.

Микаэла поднялась и протянула ему руку.

Хью сжал ее пальцы, глядя ей в глаза.

— Предполагалось, что вы не влюбитесь в него, — спокойно произнес он и отпустил ее руку. — Но мы заключили договор. Теперь как нам действовать, чтобы узнать о его... ну, вы понимаете?. — Хью расшаркался, но Микаэла уже направилась к двери.

Ей не хотелось рассказывать Хью о природе ее отчаянной миссии. Она положила руку на щеколду и повернулась к нему:

— Вы присмотрите за Лео, если я не вернусь к тому времени, как он проснется?

Хью нахмурился:

— Само собой. Осмелюсь заметить, я занимался этим дольше, чем вы, и делал это гораздо лучше вас. Удивительно, что он еще не пришел за мной, но это из-за грозы.

Микаэла улыбнулась:

— Спасибо, Хью.

— Мисс Форчун, — окликнул ее Хью, когда она только что вышла в коридор. Микаэла остановилась. — Что вы собираетесь делать?

Не ответив, она тихо прикрыла за собой дверь.

Коридор был темным, леденящим и влажным, но под платьем металлическое звено грело ее кожу. Если бы Микаэла вытащила длинную цепочку, она увидела бы, что звено светится.

Гроза бушевала все сильнее, и Микаэла содрогалась от каждого удара грома. В коридоре не было окон, но сейчас это обрадовало ее. Если бы Микаэла видела вспышки молний, она умерла бы от страха.

У нее было отчетливое ощущение, что это необычная гроза. Микаэла чувствовала ее зловещую тяжесть, ползущую по коридору вдоль шва чернильного цвета между стеной и полом, которая словно наблюдала за ней и двигалась следом в ожидании благоприятного момента, чтобы нанести удар и помешать ей осуществить задуманное.

Наконец она дошла до двери в комнату Родерика. Она прислонилась щекой к дереву с закрытыми глазами, пытаясь услышать хоть какой-нибудь звук за дверью. Но теперь гром гремел волнами, мешая ей. Гром повторялся с утроенной силой, напоминая неумолимый стук копыт доброй сотни лошадей, несущих своих карающих всадников из темноты. Каждый последующий удар грома был сильнее предыдущего.

Пальцы Микаэлы скользнули вниз по гладкому дереву к щеколде и отворили дверь в тишине, наступившей между двумя раскатами грома.

Лежа на кровати, Родерик позволил молниям бичевать себя, словно раскаленные добела вспышки могли очистить его от проклятой неуверенности, от страха перед собственной жизнью, ожидавшей его за стенами безопасной комнаты, — от того, каким он был и каким стал.

Родерик ощутил зуд в несуществующей левой ноге и приложил все силы, чтобы не стащить сапог. Это было безумие, полное безумие, и он понимал это.

Он боялся снять сапоги. Боялся больше, чем чего бы то ни было в своей жизни. Он почти был уверен, что найдет, если сделает это, то же самое, что было, прежде чем он натянул этот левый сапог. То есть ничего.

Но больше всего его пугала вероятность того, что если он снимет сапог, ощущение, испытываемое им последние два дня, его вдруг появившаяся подвижность исчезнут. Словно снимая сапог, он нарушит слово, данное в сделке, заключенной с какой-то темной силой.

Он не мог вновь потерять ногу. Именно теперь, когда он только начинал снова чувствовать себя целым. Он не знал, как объяснит случившееся с ним Хью, который непременно учинит ему допрос. Хью был единственным человеком в Шербоне, кто знал ужасный секрет левого сапога друга, и Родерик не сможет долго скрывать от него свое неожиданное исцеление.

А как же Микаэла Форчун? Когда и каким образом он откроется ей? Или его вынудят к этому? Он не мог поверить, что его нога... восстанавливается. Это безумие! Но Родерик чувствовал ее — плоть, кость, — и это давало ему надежду, что в один прекрасный день он сможет стать таким мужем мисс Форчун, каким хотел быть. Отцом Лео. Лордом Шербона.

Родерик с криком закрыл глаза рукой, когда очередная слепящая вспышка молнии осветила его кровать. Он хотел, чтобы рядом оказалась его мать. Женщина, которую в последний раз он видел много-много лет назад, черты ее были затуманены временем и болью. Он видел мать лежащей в ее постели — она все время находилась в ней — с длинными волосами, рассыпанными по подушке, с бледным лицом и затуманенными глазами. В ранние годы его жизни она была единственным источником тепла и уюта для него, несмотря на то что постоянно болела. Но его мать оказалась не права в своих убеждениях относительно его... а Магнус снова оказывался прав. Родерик был слабак. Он почувствовал, как им овладевает безумие, из груди вырвалось тяжелое рыдание, и зуд в ноге, постоянный зуд...

— Теперь ты большой мальчик, Родерик — как-то сказала ему мать. — Но не такой взрослый, чтобы не мог посидеть с матерью, а?

Он с готовностью вскарабкался на ее кровать, крупный мальчик для своих девяти лет, и осторожно лег рядом. Она была такой слабой, меньше самого Родерика, и он помнил о ее хрупкости.

Она подняла бледную худую руку и положила ее на его лицо, улыбнувшись ему, что случалось крайне редко — у нее оставалось очень мало сил.

— Ты мое самое дорогое сокровище, — прошептала она. — Мое величайшее свершение. Я очень, очень люблю тебя.

За окном вспыхнула молния и зловеще прогремел гром, словно что-то темное — или же

только серое — выжидало подходящий момент за пологом кровати.

— Если мне придется уйти, с тобой все будет в порядке?

— Куда вы собираетесь, матушка?

Она провела большим пальцем по его щеке — и Родерику показалось, будто к нему прикоснулся нежный, распускающийся листок, прохладный и тонкий.

— Твой отец — жестокий человек, Родерик, ты это знаешь, и хотя он считает тебя слабым, подобным мне, я другого мнения. Ты сильный и, когда вырастешь, будешь сильнее Магнуса.

— Сильнее папы? — недоверчиво спросил мальчик. Дорис кивнула:

— Отец чувствует, что у тебя совсем другая сила, и это пугает его. Магнус силен телом, своей волей. Ты же, мой дорогой, любовь моя, силен своим сердцем и душой. — Она коснулась указательным пальцем его груди. — И такая сила способна изменить не только Шербон, она может изменить весь мир. — Мать тяжело вздохнула. — Если мне придется уйти, не думай обо мне плохо. Я, в чем обвиняет меня твой отец, слабая. И я так устала, любовь моя. Я не смогу родить... Не смогу выносить ребенка, понимаешь?

Родерик не понимал.

— Куда вы уйдете, матушка? — снова спросил он. — Можно я пойду с вами? — Родерику не нравился их разговор, ему было страшно. Ему хотелось навсегда остаться лежать здесь, в теплой тишине рядом с матерью. Это было единственное место в целом мире, где он чувствовал себя в безопасности. Если она уйдет, он останется с отцом и бессердечной Харлисс...

— Но ты всегда должен помнить одно: я люблю тебя. Я люблю тебя, Родерик, как любит тебя Господь Бог. Целиком. И всем сердцем. И если однажды тебе покажется, что я недостаточно любила тебя, подумай о Боге, чтобы он напомнил тебе. И если когда-нибудь ты решишь, что Господь Бог покинул тебя, вспомни обо мне. Когда-нибудь ты поймешь это.

Родерик не понимал, но послушно кивнул, чтобы не огорчить мать. Ей нужно отдохнуть. Она снова улыбнулась ему.

— Теперь ты можешь уснуть здесь, если захочешь, а я буду на тебя смотреть. — Она протянула руку, обняла сына. Он помог ей, придвинувшись ближе, так что их тела соприкасались и они лежали на ее подушке, глядя друг другу в глаза. Она то и дело ласково отводила его волосы со лба.

Родерик кивнул, уткнулся в ее подушку, которая пахла мылом, используемым служанкой для мытья ее волос, и резким кислым запахом болезни. Мать приподняла голову и поцеловала его в губы.

Родерик улыбнулся счастливому чувству, возникшему у него в животе; только бы не уснуть, думал он, смотреть в глаза матери и удержать это счастливое ощущение, пока она гладила его волосы, он почувствовал, как погружается в сон...

Оглушительный раскат грома разбудил его. «Мама!» — закричал Родерик и посмотрел на постель.

Дорис ушла, покрывавший ее плед теперь был накинут на ноги Родерика. Его мать ушла. Родерик никогда больше не увидит ее.

Молния сверкнула, когда он мучительно корчился от боли и у него вырвался крик. Почему эти ужасные воспоминания посетили его именно сегодня ночью? Много ли он не думал о последних часах Дорис Шербон, и теперь его мать преследовала его, а в левой ноге он ощущал зуд.

Мать была единственным человеком на протяжении всей его жизни, которая сказала, что любит его.

До Лео. И до Микаэлы Форчун.

И он подвел их обоих.

Родерик упер кулаки в матрас и, издав отчаянный стон от боли, зажмурился от ужаса, опустившегося на него словно гроза, бушующая за стенами замка.

— Родерик, — прошептал женский голос, и он на мгновение подумал, что окончательно сошел сума.

Но когда открыл глаза, молния осветила половину лица Микаэлы Форчун, когда она склонилась над ним.

— Все в порядке, — сказала Микаэла, взбираясь на матрас поверх его тела. Она поцеловала его в обе щеки. — Я здесь. Я здесь.

Микаэла не знала, видел ли он сон, но когда опустила голову, чтобы поцеловать его в губы, молния осветила его лицо и глаза казались безумными. Она нежно коснулась его губ. Он не оттолкнул ее, но и не ответил на поцелуй.

Она неловко села на него. Юбка платья была натянута поверх его живота и завернута вокруг ее бедер, но она пока еще не хотела двигаться — ему нужно было привыкнуть к ее прикосновениям, весу ее тела.

— Я здесь для тебя, — прошептала она ему на ухо. — Я вся твоя.

— Вы совершаете ошибку! — прорычал он в ответ. Она покачала головой:

— Нет. Я совершила много ошибок прежде — некоторые, признаю, в отношениях с вами. Но не этой ночью.

— Я не могу любить вас. Так, как вы хотите. Я даже не думаю, что в состоянии любить Лео.

— Я хочу, чтобы вы любили меня — и Лео — так, как сможете. Этого достаточно. — Микаэла снова поцеловала его. Он снова не ответил на поцелуй. Она приподняла голову, шепча что-то ему, а снаружи доносились раскаты грома. — И до тех пор, когда вы сможете, моей любви хватит на вас обоих.

На этот раз, когда она поцеловала его, Родерик ответил на поцелуй.

Микаэла взяла его лицо в ладони и прижалась к его груди. Она чувствовала под собой его крепкое, сильное тело, и это наполнило ее странным ощущением собственной силы. Этот гигант находился под ней, почти в ее власти.

Почти.

Родерик нежно, нерешительно коснулся корсета Микаэлы. Чувствовал ли он, как под его ладонью бешено бьется ее сердце? Кончики его пальцев принялись нежно исследовать тело Микаэлы: чувствительные части под мышками, ее грудь.

Она была взволнована до глубины души. В своих самых диких фантазиях о том, на что будет похож ее первый физический контакт с мужчиной, она и представить не могла, что будет играть роль агрессора. Все обстояло так, словно она сама лишала себя девственности, и она вновь почувствовала пьянящий аромат власти.

Она приподнялась, сидя на его бедрах и предоставив ему время, чтобы запротестовать — чего не последовало, — потом опустила с плеча одну сторону широкого присобранного лифа платья. Она выскользнула рукой из платья, затем потянула вниз другую его сторону. Через мгновение верхняя часть ее платья оказалась собранной на талии, и ее соски сморщились от холода, царящего в темной комнате.

Молния вспыхнула снова, освещая ее наготу, и у лежавшего под ней Родерика перехватило дыхание.

— Вы прекрасны, — произнес он с изумлением, смешанным с отчаянием. — Слишком прекрасны для меня.

Микаэла покачала головой, взяла его руки в свои и положила себе на грудь, закрыв глаза от возникшего ощущения.

— Вставайте, милорд, — скомандовала Микаэла. — Снимите рубашку.

Казалось, он окаменел на мгновение, затем, приподнявшись на локтях, приблизил свое лицо к ее лицу. Он стащил рубашку через голову и схватил руки Микаэлы, потянув ее с собой на матрас, прежде чем его рубашка упала на пол.

Если она думала, что ощущение его рук на своей обнаженной груди было восхитительным, то ощущение его обнаженного, прижатого к ней торса перенесло Микаэлу в другой мир. Волосы у него на груди, продолжавшиеся на животе, казались мягкой травой на теплой, твердой земле. И когда он поцеловал ее снова, она почувствовала, как напряглись его мускулы и забурлила кровь в его жилах.

Микаэла оторвалась от его губ и приникла к нему, положив руку ему на грудь. Через минуту она освободилась от остальной части своего платья и отбросила его ногой в темноту комнаты. Ее руки смело занялись тесьмой у него на талии.

— Что вы делаете? — с изумлением спросил Родерик.

— А вы не понимаете?

— По-моему, приводите в беспорядок мои кружева, — ответил он.

Микаэла рассмеялась и бросила длинную тесьму ему на живот.

— Тогда сделайте это сами. Родерик покачал головой:

— Это ошибка, Микаэла.

— Нет, вовсе нет. — Она устала, ожидая его. Потянувшись к его правому сапогу, она почувствовала спрятанную там холодную рукоятку кинжала.

Как только она занялась его ногой, Родерик мгновенно встревожился.

— Нет, остановитесь...

Но кинжал оказался у нее в руке прежде, чем он смог подняться, одним быстрым движением руки она разрезала его брюки. С помощью его эрекции они беззвучно распались.

Микаэла бросила кинжал через край кровати, и он со звоном исчез в темноте.

Снова появились одна за другой три вспышки молнии. Микаэла мельком увидела лицо Родерика, бледное, нахмуренное и встревоженное, хотя на нем столь же ясно читались напряженная страсть и острая потребность.

— Я никогда не смогу быть таким человеком, каким вы хотите видеть меня, — предупредил ее Родерик, каждое слово давалось ему с трудом, и он явно испытывал стыд.

— Вы уже такой. — Полностью стянув с него разрезанные брюки и освободив его мужское достоинство, Микаэла положила ногу поверх бедер Родерика, взяла его член в руку, несмотря на его сдавленное «Микаэла, подожди», и опустилась на него.

Ее крик смешался с возгласом Родерика — боли, изумления и страха. Он вошел на всю длину, хотя это было болезненно и тяжело, но Микаэла не остановилась, пока не приняла в себя его всего. Она на мгновение замерла, пульсирующая боль уменьшилась, затем медленно начала подниматься и опускаться, звено на цепочке у нее на шее раскачивалось в такт ее движениям над лицом Родерика, превращая деформированное кольцо в тень, когда вспыхивала очередная молния.

Он поймал его рукой и привлек Микаэлу к себе.

Она извивалась поверх Родерика, поработив его своим телом. Подняв руку к шее, она сняла цепочку через голову и одним плавным движением надела ее на шею Родерика. Она крепко поцеловала его, прежде чем выпрямиться и полностью погрузить его в себя еще раз.

Родерик поднял руки, словно сдаваясь ей, и Микаэла переплела свои пальцы с его. Металлическое звено лежало в центре его груди и, казалось, блестело все ярче с каждой вспышкой молнии, ослепительные лучики исходили от него, словно от маленького фантастического солнца. С каждым приливом и отливом движения у Родерика вырывались вздохи и стоны, и его уязвимость, прищипорилла страсть Микаэлы, подсказав ей быстрее раскачивать свои бедра. Дарить сегодня любовь Родерiku не доставляло ей удовольствия, но она чувствовала, как в ней нарастает опьянение, настоятельная потребность чего-то, чего-то... и она устремилась вперед.

Она чувствовала, как он наполняет ее, слышала его протяжные стоны, прерывистое дыхание и понимала, что он близок к оргазму, и задвигалась быстрее, а когда почувствовала его в самой своей сердцевине, закричала.

Родерик тоже закричал.

Звено на цепочке снова померкло.

Микаэла тяжело опустилась рядом с Родериком, чувствуя, как он выскользнул из ее тела. Они долго лежали в темноте, молча, выравнивая дыхание.

Наконец он заговорил:

— Почему ты отдала мне это звено? Твоя мать говорила тебе...

— Никогда не снимать его, я знаю, — спокойно произнесла Микаэла. — Но это было до того, как появился ты, чтобы защитить меня. Помнишь, на утесе ты обещал защищать меня. И я верю, ты сдержишь свое слово.

— Я помню. Но, Микаэла, я не смогу защищать тебя, как подобает настоящему мужчине. Я... это по той же причине, почему я не смогу заниматься с тобой любовью. Мне невыносима сама мысль предстать перед тобой обнаженным...

— Родерик, я знаю, — прошептала она.

— Нет, не знаешь. Ты не можешь...

— Я знаю. — Микаэла привлекла к себе его голову, чтобы заставить его посмотреть на нее. — Я знаю о твоей ноге.

Он смотрел на нее, словно не понимая, и она увидела, как он судорожно сглотнул.

— Мне сказал Хью.

— Ты знала... знала до того... — Он не закончил фразу, но Микаэла понимала, о чем он спрашивал.

— Да, я знала до того, как мы любили друг друга. Родерик издал рычание и отвернулся от нее.

— Почему? — отрывисто спросил он. — Почему ты так поступила?

Микаэла села.

— Потому что я люблю тебя, Родерик. И хотела показать тебе, что ты мужчина, тот самый мужчина, который мне нужен. Человек, которого я хочу как мужа во всех отношениях. Твои шрамы, твои увечья — в моих глазах они делают тебя совершенным.

— Перестань!

— Нет, не перестану, — мягко сказала она. — Ты должен знать это, прежде чем каждый из нас сможет продолжить. Я любила тебя сегодня, чтобы роказать тебе, что для меня ты не

туго набитый кошелек, или знатный титул, или огромный замок. Я хочу тебя таким, каков ты есть, какой ты сейчас. Ты будешь любить меня, как подобает любить законную жену. Если же ты не поступишь так, я не смогу, да и не захочу выходить за тебя замуж. Долгое время он хранил молчание.

— Ты оставляешь меня один на один с очень трудным решением.

— Не такое уж оно трудное.

— Мои родители приедут завтра, самое позднее послезавтра. Мы или обвенчаемся, или я вернусь домой с ними. Выбор за тобой. — Микаэла поцеловала его, затем перекатилась через него и поднялась с постели.

— Куда ты? — требовательно спросил он, и Микаэле показалось, что она слышала нотку тоски в его голосе, по крайней мере ей очень этого хотелось.

Она надела платье.

— В свою комнату, чтобы вымыться и уснуть. Тебе необходимо время, чтобы подумать и принять решение, так же как и мне. Увидимся утром.

Он неуверенно хмыкнул, и на этот раз улыбка Микаэ-лы была искренней. Она подошла к кровати и крепко поцеловала его в губы.

— Спокойной ночи, Родерик. Приятных сновидений. Я люблю тебя.

Он ничего не сказал в ответ, но она и не ожидала этого, повернулась и вышла из комнаты.

Родерик долгое время лежал без сна, после того как Микаэла покинула его комнату. Возможно, то, что она сказала, правда. Возможно, она готова была принять его таким, каков он есть, и, может быть, он все еще оставался мужчиной, по крайней мере в ее глазах.

От охватившего его страха у него засосало под ложечкой.

Он стянул половины разрезанных брюк как можно туже и, приподнявшись, сел. Микаэла не разрезала две полоски тесьмы внизу, и он смог связать куски кожи вместе, чтобы соблюсти приличия, затем спустил ноги на пол. Оттолкнувшись руками от матраса, он встал.

Его левый сапог захрустел и отклонился в сторону под его весом, Родерик как безумный замахал руками, ужас охватил его, когда он начал падать на пол. Ощущение надежности в его ноге пропало! Он повернулся, с криком ухватился за кровать, но схватил лишь тонкое покрывало, которое вместе с ним соскользнуло вниз.

Родерик ударился головой о кровать, его правая лодыжка подвернулась, и когда он наконец растянулся на полу, то понял, что снова потерял ногу.

Металлическое звено, висевшее на цепочке у него на шее, было последнее, что можно было разбить, и оно разбилось с тихим звоном. Родерик глазам своим не поверил, он был потрясен.

Когда Микаэла шла по темному коридору к своей комнате, она испытывала боль и в то же время ее окрыляла надежда.

Вдруг она поняла, что это был канун Рождества — сочельник. Она любила Родерика, и он позволил ей это. В конце концов все должно было наладиться. Они поженятся в ближайшие же дни — возможно, она могла даже считать время в часах, — и потом она, он и Лео станут одной семьей. На минуту она нахмурилась по поводу того, во что выльется ситуация с Хью, — она говорила правду, когда сказала ему, что не хочет, чтобы он ушел, но она также хорошо знала, что означало заботиться о ком-то, кто не дает ничего взамен. Микаэла не могла оставаться в Торнфилд-Мэноре после того, как Алан и Джульетта поженились, поэтому вряд ли Хью сможет видеть ее и Родерика вместе, как мужа и жену, в течение всей своей жизни.

Но если Хью покинет замок, Родерик будет подавлен.

На минуту она даже подумала, что чувства Хью к Родерику могут однажды угаснуть, измениться, как ее собственное отношение к Алану. Но потом она лишь с печальной улыбкой покачала головой. Микаэла понимала, что ее чувства изменились как из-за Родерика, так и из-за расстояния между этими двумя домами, а также благодаря времени, за которое она увидела, что Алан не был человеком ее грез. У Хью не было подобных иллюзий относительно Родерика — он знал все его недостатки и любил его, невзирая на них. А может быть именно благодаря им.

А Лео... Господи, как Лео любил своего Хью!

Но сейчас не время думать о подобных гнетущих проблемах. Микаэле хотелось вымыться, перекусить и провести остаток вечера в одиночестве. Она миновала дверь своей комнаты и направилась в холл отдать приказания, чтобы принесли воду и поднос с едой. Может быть, стоило послать все это и в комнату Родерика. В качестве небольшого подарка.

Она поднялась почти до конца лестницы, когда услышала шум и суматоху: мужчина кричал что-то, женщина — голос явно принадлежал кому-то из служанок — горячо возражала ему:

— Вы не можете подняться сюда, милорд!

— Убирайся прочь, женщина, или я спущу тебя с лестницы! Если понадобится, я сам обыщу весь дом! Я знаю, она здесь!

Микаэла застыла, поднеся руку к горлу.

Мужской голос принадлежал Алану Торнфилду.

Как раз в этот момент он поднялся на второй этаж, и Микаэла увидела его взлохмаченные, намокшие под дождем волосы и одежду и ужас в глазах, когда его взгляд упал на нее. Служанка висела позади на его плаще, словно тщетно тянула упрямого мула.

— Микаэла, слава Богу! Они с вами, правда? Скажите, что это так!

— Алан, о чем ты? Кто со мной? Господи, вы насквозь промокли!

— Элизабет! — Алан дышал с трудом. — И Харлисс тоже. Они здесь, да?

— Разумеется, нет. Почему они должны быть здесь? Харлисс изгнана из Шербона. — Крошечная доля страха опустилась на Микаэлу, словно прокравшись через толстые стены, за которыми все еще бушевала гроза, или же скатившись с промокнувшего Алана. Она подошла к

нему и взяла его за руку. — Пойдемте со мной вниз, и вы мне все объясните. Я уверена...

— Нет времени! — закричал Алан, оттолкнув ее руку. — Если здесь их нет, значит, они где-то на улице.

— О чем вы говорите? — Страх Микаэлы усилился. — Разве они не поехали вместе с вами в Торнфилд-Мэнор?

— Элизабет снова убежала, предположительно к вам. Харлисс почти настигла ее, а потом они обе исчезли.

— А Джульетта? — спросила Микаэла.

— Мы уже приближались к Торнфилд-Мэнору, и я послал ее вперед. В темноте под дождем я не мог следить за Элизабет и Харлисс, стараясь обеспечить безопасность Джульетты. Она... она чувствовала, что Элизабет убежала из-за нее, и теперь... я потерял обеих!

— Господи! — выдохнула Микаэла. В этот момент грянул гром, сверкнула молния. Потом еще и еще. — Все будет хорошо. Пойду предупрежу лорда Ро... — Микаэла не договорила.

— Вот вы где, мисс Форчун. — Это был голос Хью. — Значит, Лео с вами?

— Что? — в ужасе воскликнула Микаэла.

Хью не спускал глаз с Алана Торнфилда, который все еще стоял, прислонившись к стене.

— Это твоих рук дело! Я прикажу тебя выпороть, собака, за то, что ты ворвался в комнату сына хозяина!

У Алана вырвался сдавленный стон, и он соскользнул вниз по стене на пол.

— Алан не заходил в комнату Лео, Хью, — заявила Микаэла, она молилась, чтобы не оправдались ее ужасные подозрения.

— Но кто-то был там, кто только что вошел с дождя — на полу наводнение. — Морщины на лбу у Хью углубились, он переводил взгляд с Микаэлы на Алана. — Где Лео?

— Элизабет, как ты могла?! — выкрикнул Алан и потряс кулаком.

— Девчонка из Торнфилд-Мэнора похитила Лео? — закричал Хью, но, прежде чем Алан успел признать эту возможность, Микаэла шагнула к Хью.

— Нет, Хью, думаю, все гораздо хуже, боюсь, Элизабет убежала, но с ней была Харлисс. Хью резко выдохнул.

— Няня защитит их, — возразил Алан. — Она любит их обоих и...

— Я же пыталась рассказать вам все в лесу, Алан! — закричала Микаэла. — Харлисс сумасшедшая! Она помешана на мести всем нам, и самый надежный путь осуществить свою месть — через наших детей! Она злая, она ненормальная!

Алан тихо рыдал, сидя на полу, Микаэла с отвращением отвернулась от него. Она ожидала увидеть Хью в состоянии крайней обеспокоенности, но его взгляд был жестким и решительным.

Неудивительно, что Хью спас жизнь Родерику в Святой земле. Как она могла счесть этого человека неискренним?

— Поднимите эту плачущую медузу и отправляйтесь на поиски, — приказал Хью — Позовитеслуг, которые попадутся вам на пути, но не мешкайте. Я предупрежу Родерика, и мы присоединимся к вам.

— Да. Все понятно, Хью, — согласилась Микаэла. Хью взглянул на Алана:

— Клянусь вам, Торнфилд, клянусь всем, что свято для меня на небесах и на земле: если

на теле Лео окажется хотя бы один синяк или одна ссадина, если он хоть раз чихнет, я задушу вас собственными руками! — Он бросил взгляд на Микаэлу, и она поняла, что в этот момент Хью готов был исполнить каждое свое слово. — Отправляйтесь! — закричал Хью, повернулся на каблуках и исчез в темноте коридора.

Микаэла подбежала к Алану и потянула его за локоть:

— Вставайте, Алан! Если вам дорога жизнь детей и ваша собственная, мы должны действовать!

За два дня Родерик уже забыл, как ходить с тростью и в тяжелом протезе, словно только что потерял ногу.

Он шел шатаясь, с грохотом продвигаясь по лабиринту темных переходов Шербона, голова кружилась из-за сильного удара по голове, который он получил в Святой земле, и в то же время от потрясений нынешнего вечера.

Он был физически близок с Микаэлой. Она любит его. Она хотела его, несмотря на его отталкивающее тело, но теперь он больше не мог притворяться. Что случилось с наделенным властью старым башмаком, который он все еще носил? Почему он подвел его именно сейчас, когда он начал верить, что мог притворяться, будто был целым, мог любить Микаэлу, как она того заслуживала, как ему хотелось любить ее? В течение тех двух счастливых дней Родерик снова был мужчиной, а теперь... теперь...

Он вновь превратился в дикого зверя. Жалкого, рычащего, побежденного зверя, недостойного любви, негодного для семьи. Ему больше незачем жить.

Родерик остановился, опершись рукой о стену, ожидая с закрытыми глазами, пока утихнет парализующая дрожь. Он никогда не сможет показаться ей на глаза в таком виде. Особенно после того, как доказал, что мог ходить, садиться на лошадь, легко кружить и подбрасывать Лео в воздух. Черт, он так улучшил свое состояние в последние два дня, что начал вновь подумывать о том, чтобы вызвать Хью на шуточное состязание. Родерик оттолкнулся от стены и, хромя, пошел дальше по коридору.

А сейчас, сейчас он вообще ни на что не способен. Слабый. Жалкий. Микаэла сказала, что любит его, но со временем она от него устанет и будет искать утешение на стороне.

Атеперь, когда Родерик полюбил ее, почувствовал как жену, которая и будет таковой — теплой, все понимающей и страстной, — он чувствовал себя так, словно у него медленно из живота вытягивают кишки.

Может быть, именно это и чувствовала его мать, перед тем как войти в море и навсегда покинуть его. Она тоже была больной и уставшей. Тоже оставила кого-то, кого любила, полагая, что, возможно, ему будет лучше без нее.

Было ли ему лучше? Права ли была Дорис Шербон, лишив себя жизни?

Мурашки побежали по спине Родерика, и металлическое звено Микаэлы, забытое, когда он быстро натягивал на себя сорочку, до настоящего момента, начало вызывать у него зуд. Он остановился и бездумно почесал это место, затем взглянул, куда привела его искалеченная нога. Вечно оплывающие свечи по обе стороны резных дверей и слова полатыни на притолоке, обвиняющие его:

«Из врат ада верни их души, Господи».

В душе Родерика нарастал гнев, какого он еще никогда не испытывал, — на отца, на собственное слабоволие, на Аурелию за то, что была смертельно больна, на Лео за его невинность, на мать, которая покинула его, на мисс Форчун, имевшую глупость приехать в Шербон и полюбить его.

Родерик с грохотом распахнул двойные двери и бросился в тесную часовню.

Микаэла чувствовала себя ужасно глупой, выскочив в грозу в одном платье и домашних туфлях, но она не могла заставить себя остановиться, чтобы набросить на плечи шаль или пальто.

Лео находился там. Лео и Элизабет, оба в когтях безжалостной Харлисс.

К счастью, Алан оправился от своего состояния медузы и теперь бежал рядом с Микаэлой. Они бежали, взявшись за руки, чтобы не потерять друг друга в ужасном, черном мире воды, низвергавшейся с небес вокруг них. Земля была предательской в ледящем потоке, превращавшем канавки с мертвой зимней травой в смертельно опасные шлюзы, где кроличьи норы и звериные тропки неожиданно появлялись под ногами, словно желая захватить отчаявшуюся пару врасплох и поглотить их.

Молнии позволяли им видеть вдали море, бурное и пенящееся, волны словно облизывали утесы. Вид черной воды, разрезаемой пенистыми серыми лапами, слепо захватывающими жертву, любую жертву, холодил кровь Микаэлы сильнее, чем проливной дождь.

— Микаэла! — крикнул Алан и присел, чтобы поднять что-то с земли, затем протянул девушке маленький предмет. Это был кожаный башмак.

Башмак Лео.

«Нет башмаков!»

Алан, должно быть, догадался по выражению ее лица, что башмак принадлежит Лео, потому что не колеблясь потянул вперед потрясенную девушку.

— Они скорее всего направились к скале! — прокричал он, когда оба, скользя, бежали вдоль узкой долины. — Там есть где укрыться? Может быть, хижина рыбака?

Микаэла покачала головой, затем поняла, что он не мог это увидеть в темноте.

— Нет! Там есть тропинка, которая ведет прямо к воде, и... больше ничего! — У себя за спиной Микаэла чувствовала, как за ними безмолвно наблюдают могилы на холме. Особенно Дорис Шербон, которая много лет назад шла по этой самой тропинке к собственной гибели. — Там очень узкая линия пляжа, Алан, и если прилив...

Алан снова потащил ее вперед.

— Им больше некуда было идти. Они могли оказаться в ловушке на склоне утеса! — Спотыкаясь и с трудом удерживая равновесие, они шли к каменистому Ц-образному месту, где тропинка исчезала за утесом и спускалась вниз, к вздыбленному краю моря.

Взобравшись к крутой, петляющей тропе, они остановились, чтобы посмотреть вниз. Прилив действительно приближался, и узкая полоска каменистого побережья теперь была скрыта под пенистой водой. Микаэла знала, что в самый сильный прилив вода могла подняться до середины утеса.

Дети не смогли бы проделать этот путь сами.

Когда снова сверкнула молния, у Алана вырвался хриплый крик. Он выпустил руку Микаэлы и упал через край утеса на тропу, катясь вниз по острым камням.

— Алан! — закричала Микаэла, но он не остановился, не замедлил своего скольжения вниз. Почему до сих пор не появился Родерик? Микаэла была в отчаянии, она так нуждалась в его поддержке.

Микаэла последовала за Аланом, пристально наблюдая за границей между утесом и водой, которая поднималась все выше с каждой последующей волной, катясь им навстречу.

Когда Родерик остановился, пошатываясь, возле алтаря, его охватило отчаяние. Он сам

не знал, как очутился здесь и что ему теперь делать.

Маленькие лампадки по обе стороны раки освещали позолоченные поверхности и рельефно обрисовывали огромное распятие, подвешенное наверху. Сами камни богато украшенного помещения дышали древними благовониями, и на мгновение Родерик вернулся на два года назад, в длинный госпитальный барак в Константинополе, где господствовало другое огромное распятие и запах дымного ладана душил его кровоточащее горло.

Родерик задохнулся от воспоминания об ощущении крови, смешанной с ладаном, у себя во рту, от звона в ушах и сильной пульсации лица от полученных ран и от ощущения в ноге, словно та находилась в огне, который не мог поглотить ее. Затем появилось бледное, осунувшееся, встревоженное лицо Хью, борющегося за его жизнь, хотя в тот момент ему больше всего хотелось умереть, чтобы навсегда избавиться от запаха ладана, невыносимой боли и словно насмехавшегося над ним распятия. Ускользнуть туда, где он наконец увидит свою мать и где уж точно не встретит снова Магнуса Шербона. Как он молился перед Гераклеей! Как он молил Господа сохранить его людей и привести их к справедливой победе и сделать так, чтобы его отец наконец начал гордиться им и сказал: «Отлично, сын! Отлично!»

Но Господь не услышал ни одну его молитву. Его солдаты голодали, болели, затем их жестоко убили. Когда Родерик попытался спасти хотя бы некоторых из них, он чуть было не поплатился за это своей собственной жизнью. И все эти жертвы принесли ему лишь то, что он лишился ноги и перестал ощущать себя мужчиной.

Уж лучше бы он умер!

Но по крайней мере Магнуса уже не было в живых, чтобы встретить его в Шербоне, теперь — окончательного неудачника.

Родерик с горьким криком бросил свою трость на высокую раку.

— Почему ты сразу не убил меня прямо на месте? Почему дал мне сначала пережить все эти мучения? Почему нагрузил меня мальчиком, не моей крови и плоти, который не знает этого и смотрит на меня как на родного отца? Почему подарил женщину, которую я мог бы любить до конца жизни, а потом лишил возможности быть человеком, какого она заслуживает? Почему? Почему, черт подери?!

Родерик упал на правое колено и повалился в сторону, ловя опору правой рукой. Тело сотрясли рыдания, а отрывистое дыхание эхом отозвалось в высокой, тихой часовне.

— Разве я недостаточно страдал? Разве я... разве я недостаточно любил, а затем потерял, чтобы удовлетворить твои жадные желания? Ты хочешь и дальше наказывать меня? Наказывать единственные души на этой земле, перед кем я могу открыть свое мертвое сердце? А-а-а-ах! Я ненавижу тебя, ты, дрянь! Приди, приди же наконец и прикончи меня! — задыхаясь, выпалил он, чувствуя, как по лицу текут слезы. — Ты уже ничего больше не способен сделать для меня — так что можешь послать меня в ад, если пожелаешь! Только освободи их всех от меня! — Последние слова вырвались у него с хрипом, с рыданиями, и он опустил голову на холодные камни перед алтарем, плечи его содрогались от рыданий.

И вот все произошло так, словно свечи в часовне догорели, золотистый отблеск угасал, переходя в мягкую, прохладную темноту. По мере того как угасал свет, замирали и рыдания Родерика, и в шумящем хаосе в его голове стали появляться более мягкие и нежные воспоминания.

— Мое самое дорогое сокровище, — шептала его мать. — Я очень-очень люблю тебя, Родерик... как любит тебя сам Господь. Целиком. Всем сердцем. У тебя сильное сердце...

Такая сила способна изменить целый мир.

И Хью:

— Я обязан тебе моей жизнью, Рик, и я проведу остаток моих дней, пытаюсь отплатить тебе за это. У тебя никогда не будет более преданного друга, клянусь тебе.

И Лео:

— Ты юбишь папу? Я тосе! И наконец Микаэла:

— Вы обещали защищать меня. Верю, вы так и поступите. Я люблю вас, Родерик. И хочу стать вашей женой.

Родерик вспомнил тех, кого любил и кто, в свою очередь, любил его. Воспоминания о них кружили вокруг него, взявшись за руки, поддразнивая и смущая его.

Почему, почему он вернулся из Константинополя весь израненный? Почему, если их поход был священным, его воины погибли, а он вернулся домой получеловеком?

А если бы не твои раны, увидел ли бы ты снова Аурелию? Увез бы Лео, чтобы спасти его от бедности и смерти?

Вернулся бы ты в Шербон рядом с Хью?

— Пришлось бы тебе тогда объявить о поисках; невесты, но ни одна женщина не осталась с тобой в замке Шербон, все в ужасе бежали, увидев тебя. Осталась только Микаэла.

Родерик знал, что единственным ответом на все эти вопросы было «Нет!». Если бы его и Хью рота одержала победу под Гераклеей, они, пожав плоды своей победы, вернулись бы домой, Хью смог бы заплатить долги и получить обратно свои земли, а Родерик спешил бы показать Магнусу свои награды. Хью и он расстались бы в Константинополе и, вероятнее всего, никогда больше не встретились бы.

Не было бы ни ночных кутежей, ни ядовитых замечаний по поводу плачевного состояния жизни Родерика — насмешек над ним, защиты его и воодушевления со стороны друга. Ни красных сапог из телячьей кожи, попадающих по утрам в поле его зрения, своим топотом призывающих его проснуться и браться за дело. Никого, с кем можно было бы поделиться горькими воспоминаниями.

Ни черноглазого разбойника, бегавшего по Шербону, его беззаботного смеха и того, как он бросается на Родерика, словно каждый раз впервые видит его.

Ни мисс Форчун и ее ангельского голоса, придавшего мягкий женский оттенок темным стенам Шербона, ни ее неловкости, такой дорогой, такой занятой. Ее прекрасно сложенного тела, смело прижимающегося к нему, даря ему свою девственную любовь, храбро раскрывая свое сердце. А как она любила Лео и спорила с Хью, приняв сторону Родерика против Торнфилда, против Харлисс, против шторма воспоминаний, преследовавших его здесь, в Шербоне! Она подарила ему волшебство, заключенное не только в старом поношенном башмаке, все еще надетом на его правую ногу.

Никого из этих людей — единственных, за исключением его матери, которых Родерик искренне любил, — не было бы сейчас в его жизни, если бы он не потерял ногу и едва не погиб в том фатальном паломничестве. Самые замечательные люди, которых он вряд ли узнал бы.

Отдал бы он хотя бы одного из них ради того, чтобы нормально ходить? Чтобы чудесным образом исчезли его шрамы? Стоили ли его плоть и кости жизни хотя бы одного из них?

Родерик поднял голову и почувствовал, как слеза скатилась из уголка его глаза, когда он

обратил взгляд на распятие, но эта слеза не была слезой самоотвращения или сожаления, как все предыдущие.

Это было откровение.

— Прости меня, — прошептал он, объятый благоговейным страхом.

И в этот момент с треском распахнулись двери часовни позади него и он услышал торопливый стук каблуков по камню.

— Рик! — закричал Хью. — Рик, слава Богу! Что, черт подери, ты делаешь, спрятавшись здесь?! Я думал, это безумие — заглянуть сюда, но... — Хью внезапно умолк, опустился на одно колено рядом с Родериком и попытался помочь ему встать на ноги, Родерик чувствовал, что Хью дрожит. — Ты что-то повредил? Где твоя трость? Скорее, скорее!

— В чем дело, Хью? — спросил Родерик, взглянув на взволнованное лицо друга. Одной рукой он оперся о каменную ограду, пока Хью с трудом извлек из-за алтаря отброшенную Родериком трость.

— Алан Торнфилд вернулся в Шербон — его дочь снова убежала, с Харлисс, и у нас есть основания полагать, что они вернулись сюда. — Хью сунул трость в руку друга и подтолкнул его вперед. — Лео нет в его комнате.

Родерик словно окаменел.

— Лео? — хрипло повторил он. Хью судорожно сглотнул.

— Да, Лео. Теперь пойдем, Рик, — Торнфилд и мисс Форчун уже отправились на поиски под проливным дождем, и мы должны поторопиться, чтобы догнать их. — Он снова потянул Родерика за собой.

Однако Родерика сковал страх, как бывало не раз.

— Хью, я не могу ходить...

— Да, да! — раздраженно пролаял Хью. — Думаешь, не знаю этого? Жалкий калека, без ноги — я понимаю, Рик но совсем недавно ты мог сесть на коня, так что, пожалуйста, наплюй на это и пойдем — жизнь Лео, а также с мисс Форчун в опасности, если здесь замешана Харлисс.

Родерик стряхнул руку Хью, оперся о трость и, пошатываясь, вышел из часовни быстрее, чем когда-либо.

Это не было испытанием, посланным ему Богом, испытание он уже пережил. Теперь пора испытать самого себя. Доказать себе, на что он способен.

Видимо, Алан нашел то, что искал. Это была длинная голубая лента, потемневшая от дождя. Микаэла ее увидела в тот момент, когда Алан поскользнулся и покатился вниз по склону утеса.

Микаэла вскрикнула, подумав в этот момент, что Алан Торнфилд погибнет, упав в море, оставив ее одну во время грозы, когда напала на след сумасшедшей женщины.

Однако Алан не упал в море. Оказалось, что он приземлился на бок на краю выступа футов на десять ниже того места, где находилась Микаэла. Она подняла ленту и зажала ее в кулаке вместе с башмаком Лео, не желая расстаться с этими предметами, принадлежавшими дорогим ей детям, затем осторожно начала спускаться по предательски скользкой тропе к Алану.

— Алан! С вами все в порядке? — Там негде было присесть, так что она прижалась к утесу, склонившись над ним, туман с моря висел над ними, словно замерзшее облако. Морской прилив находился сейчас прямо под ними и через мгновения буруны сметут их обоих с утеса. — Алан: Вы должны встать! Вода...

— Думаю, у меня сломана рука, — простонал он и по пытался подняться.

Микаэла протянула свободную руку, тщетно пытаясь найти точку опоры на скользком камне.

— Вернитесь назад, Микаэла! — крикнул Алан. — Вы утопите нас обоих!

Микаэла вскарабкалась обратно вверх по тропе, где была найдена лента. Через минуту Алан присоединился к ней, левой рукой поддерживая правую. Он взглянул на небольшой выступ, где раньше лежала лента. Под ним скрывалось узкое, темное отверстие.

— Это пещера, как вы думаете? — спросила Микаэла. Алан кивнул:

— Очень надеюсь. Или это, или... — Он оглянулся через плечо на разбивающиеся о берег волны, все ближе подкатывающиеся к ним. — Я не могу войти — с моей рукой я не смогу отбиться от Харлисс или вывести детей наружу. Нам придется ждать Хью и...

— Пойду я, — не раздумывая заявила Микаэла, сунув маленький башмак и кусочек шелка за пазуху спутнику. — Нет времени ждать — взгляните на скалы, на линию прибоя. Вода поднимается и скоро зальет пещеру, так что все они утонут. Поднимайтесь наверх Алан, и скажите Родерику и Хью, когда они подойдут, где мы находимся. — Микаэла пригнулась и приготовилась войти в пещеру, но Алан протянул к ней здоровую руку.

— Микаэла, нет! Что, если...

— Скорее идите, Алан! — Она оттолкнула его руку и нырнула в пещеру.

Шум волн слышался отчетливее внутри, чем снаружи, разбиваясь об утес и вибрируя, отражаясь от камня, когда девушка ползла по туннелю, узкому и наклонному, в глубь скалы. Если прилив усилится, море ворвется сюда, как река, и затопит пещеру. Ее сердце билось в груди так часто, что невозможно было определить его ритм, кровь стучала в висках. Она ничего не слышала, кроме волн и своего сердца.

— Лео! — закричала она, продолжая ползти. — Элизабет! Ответьте мне!

— Микэ-а! — услышала она дорогой голос, который звучал испуганно, слабо и отчаянно, и Микаэла бросилась вниз по наклонной плоскости в скале на голос.

Слабый свет оповестил, что она приблизилась к открытому, расширяющемуся

пространству в проходе. Микаэла нагнулась, и то, что она увидела, повергло ее в шок.

Лео действительно находился внутри, сидя на колене у Элизабет Торнфилд, дети вцепились друг в друга в стоячей, зловонной, темной воде. А над ними стояла, согнувшись, Харлисс с длинным ножом в одной руке и еще более длинным, тонким факелом в другой. В тот момент Микаэла не сомневалась в том, что женщина сумасшедшая. Серое одеяние, которое она носила раньше, исчезло, на ней было изысканное дорогое платье. Седые волосы заплетены в нелепую косу и причудливо уложены, словно она играла роль знатной леди.

— Как приятно, что вы присоединитесь к нам, мисс Форчун! — прокаркала Харлисс. — Но где же Родерик? Я хочу, чтобы именно он оказался здесь.

— Его здесь нет. Только я и Алан Торнфилд. Он снаружи. Он... у него повреждена рука.

— Мой папа? — воскликнула Элизабет.

— Заткнись! — заорала Харлисс на девочку и перевела взгляд на Микаэлу. — Однако Родерику известно, что дети у меня. — Она резко дернула головой в сторону своих пленников, сжавшихся в воде на полу.

Микаэла кивнула:

— Хью звал его, когда я покинула замок. — Она сделала шаг в сторону Лео и Элизабет. — Как вы, мои милые?

— Отойди! — проскрипела Харлисс и, шлепая по воде, приблизилась к девушке с ножом в вытянутой руке, встав между нею и детьми и прижав конец лезвия к щеке Элизабет. — Еще шаг, и я перережу ей горло. Она не нужна мне живой — да и все вы. Родерик не узнает, пока не окажется здесь, а тогда будет уже поздно.

— Хорошо. — Микаэла попыталась говорить спокойно и попятилась. — Я не буду двигаться. Но почему бы тебе не отпустить их? Я останусь здесь вместо них до прихода Родерика.

Харлисс рассмеялась:

— О, разумеется! Хочешь перехитрить меня, когда они уйдут? Нет. Между прочим, миледи, я передумала. — Харлисс указала на детей лезвием кинжала: — Не займете ли место рядом с девочкой?

Микаэле не понравился взгляд Харлисс, но она чувствовала, что ей будет спокойнее рядом с Лео и Элизабет. Она опустилась в ледяную воду рядом с Элизабет, обняла их обоих и выставила колени, чтобы установить хоть какой-то барьер между ними и Харлисс.

— Очаровательно, — промурлыкала Харлисс. Она прислонила факел к стене пещеры, и пламя затрещало и зашипело от сырости. Микаэла молилась про себя, чтобы он не погас. Затем женщина подобрала клубок веревки, лежавший в воде, и приблизилась к своим пленникам. Она бросила его в голову Микаэлы, и он больно ударил ее по щеке, оставив на ней мокрый след.

— Обвяжи этой веревкой всех покрепче, теперь дай мне концы. Я не позволю тебе что-нибудь выкинуть, когда здесь появится Родерик.

— Ты хочешь, чтобы я связала нас всех? — переспросила Микаэла.

Харлисс моргнула.

— Именно так.

— Нет! — запротестовала Микаэла. — Это безумие! Если прилив проникнет сюда, мы не сможем освободиться.

— Я знаю! — злорадно крикнула Харлисс. — Ты либо сделаешь это, либо я начну пускать кровь — сначала этому маленькому сопляку! Действуй!

— Хорошо, хорошо! — Микаэла распутала веревку и свободно обернула ее вокруг них троих.

— Крепче, — скомандовала Харлисс, указывая на них своим лезвием. — И еще раз. Теперь конец бробай мне.

Микаэла была вынуждена держать другой конец веревки, пока Харлисс завязала пару узлов. Конечно, это не удержало бы троих пленников, если бы они попытались ускользнуть, но они могут запутаться и веревка замедлит их движения, так что у Харлисс будет достаточно времени, чтобы применить свое лезвие и нанести смертельные удары.

А если пещеру зальет...

Микаэла прогнала прочь эту мысль и крепче прижала к себе детей.

— Эо сташно, Микэ-а, — прошептал малыш, его головка упиралась в подбородок Элизабет. Эти двое, казалось, окончательно преодолели взаимную неприязнь, которую некогда испытывали друг к другу. — Папа не пидет?

— Да, Лео, — прошептала Микаэла и попыталась улыбнуться. — Твой папа придет за нами. Надо только подождать. Он непременно придет.

Харлисс повернулась к стене, схватила и подняла вверх факел, ее глаза были устремлены на туннель, ведущий к утесу, она улыбалась безумной улыбкой.

«Пожалуйста, Родерик, приди!»

Страх и отчаяние охватили Родерика, когда он тащился и хромал по размытой ливнем земле между Шербоном и морем; Хью приноравливался к его шагу, молча поддерживая его.

Что, если они не найдут их — кого-нибудь из, них? Что, если Харлисс навсегда отнимет у него Лео и Микаэлу? Возможно, это должно стать ему наказанием за его отказ от их безоговорочной любви, за его проклятое тщеславие.

Тогда он действительно узнает, что значит потерять все на свете.

Небо разорвала очередная молния, и Родерик увидел темный силуэт мужчины на утесе впереди, махавшего ему одной рукой, затем побежавшего навстречу ему и Хью. Его голос, крики были не громче, чем шепот в реве ветра, дождя и прибоя.

— ...здесь! — слышали они его голос. — Мы здесь!

Они встретили Алана Торнфилда, но тот внезапно повернулся, ведя их назад к краю утеса. Его лицо было белым как мел, рука прижата к животу.

— Вы нашли детей? Где Микаэла? — спросил Родерик задыхаясь.

— Мы подумали, что они укрылись в приморской пещере... Микаэла...

— Морская пещера? — воскликнул Хью. — Ты дурак! Прилив...

— Я не мог остановить ее! — прокричал Алан в ответ, как только они встретились в начале предательской тропы. — Она не хотела ждать, опасаясь, что они попадут в ловушку. Я пошел бы вместо нее, но, похоже, у меня сломана рука.

— Я сломаю твою чертову шею! — закричал Хью.

Родерик почувствовал себя так, словно вся кровь покинула его тело, глядя вниз на крутые волны, бьющиеся о каменистый утес. Он не обращал внимания ни на Хью, ни на Торнфилда — Хью мог убить его, если бы захотел, Родерика это не заботило. Он положил свою трость между двумя зазубренными валунами и неловко заскользил вниз по тропе.

— Рик, подожди! — Хью начал спускаться вслед за ним. Родерик медленно продвигался по тропе, спиной к морю, опираясь о холодную, скользкую гору.

— Это именно там! — закричал Торнфилд из-за спины Хью. — Прямо перед вами, Родерик, под выступом!

Родерик увидел каменный навес над узким отверстием, как раз в тот момент, когда волна прошумела под его бесполезной левой ногой и та соскользнула с опоры. Родерик вскрикнул, и трость выпала из его левой руки, упав в прибой, прямо у его ног.

Он не мог войти в пещеру со своим башмаком. Он был тяжелым, неуклюжим. Родерик повернулся к Хью:

— Сними с меня сапог, Хью.

— Рик, нет! Ты не должен пытаться... Господи! Вы все утонете!

— Они — моя семья! — прорычал Родерик. — Поторопись, Хью!

Бросив взгляд на друга, Хью нагнулся, вытащив из ножен кинжал, и разрезал толстые полоски кожи, спрятанные над коленом Родерика. Тот оттолкнул протез, чувствуя себя на тридцать фунтов легче, и запрыгал на одной ноге к входу в пещеру.

Хью попытался обратиться к нему с последней мольбой:

— Я пойду за тобой следом — тебе может понадобится помощь...

— Нет, — решительно заявил Родерик. — Я знаю эту пещеру с детства. Туннель узкий, мы можем там застрять; Риск слишком велик. — Затем он обратился к Торнфилду, стоявшему за Хью: — Иди наверх, Торнфилд, и позови сюда кого-нибудь. — Это была напрасная надежда, поскольку гроза загнала всех под крышу, однако Родерику не хотелось, чтобы Торнфилд мозолил им глаза.

Теперь волны лизали его правую икру, и он покачивался вместе с морем. Через какие-то мгновения вода пробьет щель в утесе. Он снова посмотрел на Хью:

— Хью, постарайся оставаться как можно ближе, но смотри, чтобы тебя не смыло. Я буду передавать их тебе одного за другим.

— А как насчет Харлисс? — спросил Хью, но когда ответа не последовало, он протянул Родерику свой кинжал. — Я не сдвинусь с места, пока снова не увижу тебя, Рик, клянусь. Ну, с Богом!

Родерик пригнулся и протиснулся в отверстие пещеры, которая напоминала склеп.

Пещера проглотила первую небольшую волну одним глотком, послав брызги холодной соленой воды на Микаэлу и прижавшихся к ней детей. Элизабет вскрикнула, Лео захныкал.

Микаэла посмотрела на Харлисс, все еще сгорбившуюся у стены, с которой капала вода/ в руке она держала потрескивающий факел. Казалось, женщина не заметила вторжения первой волны, уставившись на зев туннеля и что-то бормоча себе под нос.

— Харлисс, — позвала ее Микаэла. — Начинается прилив — мы немедленно должны уйти отсюда, иначе утонем.

— Ты никуда не уйдешь, мисс Форчун, — заявила Харлисс. — Заткнись.

— Но ведь есть другой путь получить то, чего ты хочешь, — настаивала Микаэла, и ее паника увеличилась, когда другой ручеек, затем высокая волна проникли в пещеру. Вода поднялась на двадцать дюймов, залил весь пол, и будет подниматься все выше и быстрее с каждой последующей порцией прилива. Скоро море воды захлестнет пещеру, потопив их всех. — Дети невинны — умоляю тебя, отпусти их, пока еще есть время спастись.

— Микаэла! — раздался голос Родерика где-то рядом из туннеля.

— Родерик! — закричала Микаэла. — У Харлисс нож!

Седая старуха бросилась к девушке и ударила ее кулаком, в котором была зажата рукоятка ножа. Микаэла почувствовала, как рот наполнился кровью.

Элизабет снова вскрикнула, а Лео громко заплакал. Еще одна, более тяжелая и полная, волна проникла в пещеру со странным звуком, и затем показался Родерик, распростершись

на полу. У Микаэлы перехватило дыхание, когда она увидела его ногу, заканчивающуюся чуть ниже колена, где была зашита штанина.

Он пришел за ними сам, таким, каким был.

И он был большим и сильным, могучим и красивым.

Он смотрел на нее лишь мгновение, прежде чем на него набросилась Харлисс, размахивающая ножом, направленным вниз к его спине, ее безумный визг рикошетом отскочил от скользких стен пещеры.

Но Родерик отразил ее атаку крепкой рукой, с гневным криком откинув Харлисс к стене. Он встал на правое колено, держа в правой руке кинжал, и Микаэла узнала украшенный драгоценными камнями кинжал Хью Гилберта. Родерик, округлив глаза, смотрел на старуху.

— Откуда ты взяла это платье? — задохнувшись, спросил он.

— Оно тебе нравится? Знаешь, оно принадлежало Дорис — ты его помнишь, да? — Харлисс обнажила зубы. — Ну конечно, помнишь. Мы нашли его в ее постели после ее смерти. В последний раз ты видел ее в этом платье.

— Где ты взяла его? — вновь закричал Родерик.

— Я сняла его с нее, — самодовольно усмехнулась Харлисс. — Такое красивое платье! Я не могла позволить, чтобы оно пострадало от морской воды. Я часто надевала его в моей комнате и в комнате твоего отца. Он ни разу не заметил, что оно принадлежало ей. Он не обращал на нее никакого внимания, когда она была жива.

Микаэла увидела, как его лицо исказилось от ярости и страдания. И она вспомнила слова, сказанные ей Харлисс на лесной дороге Шербона: «Когда надумаешь снова встать мне поперек дороги, запомни это: я не боюсь холодной воды и у меня очень сильные руки».

— Ты убила ее, — прошептала Микаэла. — Ты убила Дорис Шербон.

— Нет, не могу претендовать на всю славу, — произнесла Харлисс, по-девичьи склонив голову набок. — Она вошла в воду по собственной воле, поначалу — полная решимости. Но видимо, нервы подвели ее, и я должна была... помочь ей довести все до конца. Поверьте, она этого хотела. Она была такой слабой! Слишком слабой для Магнуса, слишком беспомощной для Шербона. Она это знала.

Родерик бросился на Харлисс, но та ловко увернулась, шагая по воде, достигавшей теперь более двух футов, и продолжала быстро подниматься. Харлисс приставила лезвие ножа к горлу Микаэлы.

— Не подходи! — крикнула Харлисс. Вода затекала внутрь, словно ее вращало мельничное колесо. — Наконец ты получишь то, чего заслуживаешь! Ты, неблагодарное отродье! Чего только не дал тебе отец, а ты плевал на это! Смеялся над ним, перечил ему во всем, цепляясь за слабую, хрупкую Дорис. Ему нужен был сын, а ты его подвел! Вот почему он поставил условие, при котором ты сможешь получить наследство, чтобы твоя слабая кровь укрепилась через твоего наследника. Он скорее отдал бы Шер-бон любому, чем видеть, что он попал к тебе, никчемному и ни к чему не способному.

— Это Магнус лишил меня всего, Харлисс, — возразил Родерик. — Он превратил мою жизнь в сплошной кошмар своими требованиями и своей жестокостью и тем, как он дурно обходился с моей матерью. Я никогда не мог угодить ему, так было тогда, так есть и теперь.

— Потому что ты слабак! — визгливо крикнула Харлисс, ее лезвие впилося в тонкую кожу за ухом Микаэлы. — Я могла бы помочь тебе тогда, я любила твоего отца — он был великий, могущественный человек, И я пыталась любить тебя тоже, Родерик. Я хотела,

чтобы ты стал моим сыном, а ты называл меня... Бессердечной. — Она задыхалась, ловя воздух открытым ртом.

— Ты мучила меня!

— Я лишь пыталась помочь тебе, неужели ты не понимаешь? Дорис хотела умереть! Она покинула тебя! Я же всегда оставалась рядом с тобой! Даже когда ты жаловался на меня, когда проклинал меня. Когда ты оставил отца, отправившись в странствие, и вернулся обратно калекой! — Она посмотрела на его ногу, от которой осталась лишь половина. — Я держала его, когда он умирал. Я слышала его предсмертный шепот, его слезные слова. «Родерик, мой сын. Где Родерик?» — спрашивал он. Это было унижительно, до чего он дошел в последние минуты жизни. Рядом, кроме меня, не было никого достаточно сильного. Даже когда он ушел в другой мир, я осталась в Шербоне, когда все остальные разбежались. Я сохранила для тебя твой дом, а ты изгнал меня! Я посвятила всю мою жизнь Шербону!

— Ты просто хотела занять место моей матери — стать леди, — упрекнул ее Родерик.

— Разве это было так плохо? — спросила она. — Хотеть выйти замуж за человека, которого любишь? Родить ему детей? Я надеялась, что после того, как Дорис...

— Однако Магнус не женился на тебе! Ты была ниже его. Достаточно хороша для одинокой мужской постели, для работы по дому, но не для того, чтобы дать тебе свое имя. Ты простолюдника.

— Нет! Он не женился на мне из-за нее, а потом — из-за тебя, потому что ты меня ненавидел!

— Я ненавидел тебя, это правда. Но ты заблуждаешься, если думаешь, что Магнус из-за меня или из-за кого-либо еще лишил бы себя того, чего хотел. Он использовал тебя, Харлисс, как использовал всех.

— Нет! — закричала Харлисс, выронив кинжал. Ми-каэла почувствовала, как он скользнул около ее бедра. Харлисс, казалось, не заметила, что она больше не вооружена, и протянула пустую ладонь к Родерику.

Микаэла поискала рукой по воде рядом с собой, схватила клинок и почувствовала, как лезвие вонзилось ей в пальцы, но она не выпустила его. Вода теперь доходила ей до груди и до плеч Лео и Элизабет. Губы детей посинели от холода, глаза были широко открыты и словно заледенели, когда их щеки прижимались друг к другу. Они больше не дрожали, и Микаэла знала, что для них обоих время было на исходе. Она поднесла клинок к веревкам, которые теперь находились под водой, и неловко принялась перепиливать их.

— Я хочу лишь того, что причитается мне, — запричитала Харли ее.. — Я так хорошо заботилась о Шербоне, и я хочу вернуться туда. — Она с трудом начала пробираться по воде к Родерику. — Это мой дом, — прошептала она. — Я хочу заботиться о твоём сыне. Может быть, он научится называть меня бабушкой...

— Никогда, — выпалил Родерик. Вода уже лизала его шею, где он оперся о камень пещеры, чтобы удержать равновесие.

Веревки поплыли в сторону, и Микаэла дернула вверх Лео и Элизабет, помогая им поднять головки из ледяной соленой воды, которая теперь вливалась с шумом и высокими волнами, поднимаясь выше и выше по телу девушки. Еще несколько минут — и пещера окажется залитой морской водой, превращаясь в темную могилу.

— Пожалуйста, Родерик, — молила Харлисс, подбираясь все ближе к нему.

Микаэла видела, как его глаза на мгновение обратились к туннелю, и она его тут же поняла. Она потащила детей через воду за спиной Харлисс, шум волн скрыл их побег.

— Тогда я убью всех нас, — пригрозила та, — и мы будем вместе на века...

— Никогда, — снова прошептал Родерик. И закричал: — Микаэла, уходи!

Харлисс повернула голову и издала пронзительный крик, затем бросила ему в голову зажженный факел. Микаэла подняла Элизабет, за которую все еще держался Лео, в тот самый момент, когда в пещеру хлынула вода. Она держала детей как можно выше около потолка пещеры, где еще оставалось немного воздуха. Выход из туннеля исчез под водой, но они все равно не могли его видеть. В тот же момент факел утонул, в пещере стало темно.

— Задержите дыхание, задержите дыхание! Держитесь за камни, потом плывите изо всех сил! Вас ждут на воле, — сказала Микаэла в то место, где она все еще чувствовала теплое дыхание детей, и она молча молилась, чтобы кто-то действительно ждал и вытащил детей из воды, прежде чем их смоем в бескрайнее море. — Я иду прямо вслед за вами! — Затем она подтолкнула их к отверстию, которое вело в туннель, и толкнула их вверх и вперед.

Микаэла повернулась, изогнула шею и прижала лицо к потолку. Она ничего не видела и не осмеливалась идти дальше, боясь потерять направление в бушующей темноте и не найти снова туннель.

— Родерик! — хрипло позвала она.

Ответа не последовало, только вода и темнота вокруг. И вдруг Микаэла почувствовала, как цепкая рука схватила ее за бедро, и она поняла, что на нее напала Харлисс. Микаэла уперлась стопой в мягкую часть ее тела, изо всей силы оттолкнула, и рука отпустила ее.

— Я должна удостовериться, что Лео в безопасности, — прорыдала Микаэла. — Я должна защитить сына Родерика. Я должна защитить Элизабет.

Она нащупала стены туннеля и оттолкнулась от пола, когда вода последним приливом накрыла ее с головой, оглушив и целиком заполнив пещеру; откат воды поднял Микаэлу вверх и еще выше, вынеся в просторы открытого океана.

И тут кто-то схватил ее за волосы, потянул вверх, дыхание свободно вырвалось у нее из груди, и дождь принялся сечь ее лицо. Микаэла в отчаянии, поднесла руку к голове, вцепившись в того, кто держал ее, и сильные, тонкие пальцы Хью Гилберта поймали ее запястье.

— Где Рик? — закричал Хью, вытягивая ее из воды и водружая на выступ над пещерой. — Микаэла, где Рик?

— Я не смогла найти его! — захлебываясь, пробормотала она, у нее вырывались рыдания, изо рта вытекала соленая вода, ужасный холод сковывал ее. — Он боролся с Харлисс, затем пещеру затопило — ее затопило, Хью! И Родерик все еще...

Микаэла громко вскрикнула, когда гигантская волна ударила ее о скалу и чуть не смыла, но Хью крепко стоял на ногах и удержал ее. Он только на мгновение взглянул ей в глаза, и она увидела его отчаяние и решимость. Безрассудное и бесстрашное намерение, более сильное, чем утес, на котором они стояли.

Хью сошел с выступа, бросившись в воду, как колонна, и тут же исчез в черноте моря.

Он должен был умереть.

Он оказался под тяжелой холодной водой, одна нога была не способна оттолкнуться, чтобы он смог поднять себя вверх. Пальцы скользили по камням, которые разрезали его ладони, обламывали ногти.

Легкие готовы были разорваться.

Родерик почувствовал, как воздух покидает его тело вместе с криком.

Прощай, Микаэла. Прощай, Лео. Хью, Хью... прощай.

Что-то прицепилось к его уху. И на мгновение он подумал, что это Харлисс, но ему было все равно. Теперь его мысли угасали и ему наконец стало тепло.

Затем его подбородок что-то оцарапало. Сначала его схватили за волосы, потом за рубашку. Сильные пальцы впились ему в подмышки, и его с шумом вытащили из воды. Нога ударила его в живот. И снова, камни со стороны туннеля колотили, били и резали его.

Но Родерик уже ничего не чувствовал.

Она оставила рыдающих, мокрых, съезжившихся детей, когда помогала Алану выловить Хью и Родерика из ледяных объятий моря. Родерик казался слабым и безжизненным — его зеленые глаза прятались под лиловыми веками, на землисто-белом лице выделялись посиневшие губы.

Как они подняли его на утес, Микаэла не могла вспомнить. Но когда они положили его на замерзшую, мертвую траву, когда Хью упал рядом с ним, горька плача, хрипя, кашляя и растирая грудь друга, Микаэла могла только молча смотреть на действия Хью.

— Папа! — услышала она слабый крик Лео у себя за спиной и успокаивающий, дрожащий голос Элизабет:

— Нет, милый. Нет, Лео, оставайся здесь, со мной. Вот хороший мальчик.

Родерик был мертв.

— Рик! — Хью сжал огромное тело друга и придвинул к себе. Рука Родерика безжизненно упала на землю, и Хью принялся безжалостно колотить его по спине: — Плюй же, ты, упрямый сукин сын, плюй! Рик!

Алан лишь беспомощно смотрел вниз. Он медленно повернул голову к Микаэле.

— Его нога... — растерянно проговорил он. — Я... я не мог представить этого.

Микаэла лишь кивнула головой, прижала костяшки пальцев к распухшим, пораненным губам и закачалась на коленях. Она подползла к Родерику, положила ладонь на его холодную, жесткую щеку. Казалось, что мускулы его подбородка были напряжены, зубы сжаты. Хью плакал, его хриплые рыдания вырывались с каждым ударом по спине Родерика.

Микаэла взяла Родерика пальцами за подбородок и потянула вниз. Его рот раскрылся.

— Да, — выдохнул Хью. — Да суньте туда палец — расширьте рот!

Она так и сделала, и через несколько секунд огромная порция тепловатой липкой воды вырвалась из Родерика. Его грудь вздымалась, живот склонился в сторону и задрожал, когда его легкие боролись за возможность вздохнуть.

Затем он начал давиться, ловя воздух, и кашлять. Его тело судорожно дергалось и изгибалось.

Наконец он стал дышать. Оба, Микаэла и Хью, склонились над ним, Хью старался поднять его, чтобы он прислонился к нему спиной, одной рукой обнимая его за шею, другой поддерживая за грудь. Глаза Хью были закрыты, и он прислонился щекой к лицу друга, из глаз его лились слезы. Хью, сотрясаясь от рыданий, целовал Родерика в щеку, в мокрые волосы на висках, в ухо.

Микаэла схватила холодные, как у трупа, руки Родерика в свои ладони и пристально вгляделась в его лицо.

— Родерик, любовь моя, ты слышишь меня? Открой глаза, Родерик, посмотри на меня! Ты справился — ты спас нас всех! Меня, Лео и Элизабет — мы теперь в безопасности.

Грудь вздымалась, и из горла вырывался хрип, словно в память о соленой морской воде.

Вода изо рта пролетела мимо Микаэлы, а Лео бросился к отцу и Хью с криком:

— Папа! Папа! Все холосо? Папа! — Маленькие ручки обхватили лицо Родерика, тормоша и пощипывая осунувшиеся щеки. — Папа! Ставай! Это Эо!

Веки Родерика задрожали и приоткрылись, взгляд был тусклый и серый в ночи.

— Папа любит тебя, Лео, — прохрипел Родерик.

У Микаэлы наконец вырвалось долго сдерживаемое рыдание, и она закрыла лицо руками. Родерик с трудом поднял руку и привлек Лео к себе.

— Эо убил папу! — сказал малыш, уткнувшись в промокшую тунику Родерика.

К Микаэле приблизился Алан. Она подняла голову и увидела, как здоровой рукой он обнимает Элизабет. Лицо девочки пряталось у него на боку, плечики вздрагивали.

— Я возвращаюсь в Шербон и пришлю экипаж для его светлости, — торжественно сообщил Алан. — Я возьму с собой детей, если не возражаете.

— Не иду! — закричал Лео и крепче прижался к Родерику. Его истерический плач перешел в кашель.

— Все в порядке, Лео, — прохрипел Родерик. — Отправляйся с лордом Аланом в замок. Я приду вслед за тобой.

— Нет, папа! Эо остася...

Родерик слегка отстранил от себя мальчика и посмотрел ему в глаза:

— Я обещаю, Лео. Ступай переоденься и съешь бисквит, сегодня ты будешь спать вместе со мной и леди Ми-каэлой.

Лео кашлянул и шмыгнул носом.

— С вами двумя?

Родерик слабо кивнул и постарался улыбнуться. Лео глубоко, со свистом вздохнул.

— Холосо, папа. — Он спустился с колена Родерика, встал и обнял Микаэлу. — Эди Микэ-а идет тоже?

— Да, Лео, конечно, я иду.

Мальчик затих, потом прошептал на ухо Микаэле:

— Эо говоит «мама». Холосо?

Микаэла думала, что у нее разорвется сердце.

— Я очень-очень хочу этого, — призналась она, прижимая к себе малыша.

Лео поцеловал ее в щеку.

— Холосо, мама. — Потом он встал и протянул ручки к Алану — жест полного доверия. — ^ Эо готов.

Элизабет отпустила отца, и Алан неловко, но не колеблясь обнял Лео.

— Спасибо, Торнфилд, — поблагодарил Родерик кузена.

Алан взглянул на лежавшего на земле Родерика, и его подбородок дрогнул. Он опустился на одно колено и припал к земле в знак признательности, здоровой рукой крепко держа Лео за спину.

— Это большая честь для меня.

Элизабет протянула руку Микаэле, та взяла ее, и они обменялись улыбками.

— Увидимся в Шербоне, — сказала девочка, и в ее голосе Микаэла услышала взрослые нотки, которых не было прежде.

Микаэла кивнула, сжала ее пальцы, прежде чем отпустить, и наблюдала за мужчиной и детьми, пока те не скрылись из виду.

— Я люблю тебя, Микаэла, — прошептал Родерик. — Очень люблю. Пожалуйста, прости меня за то, что я вел себя как последний дурак!

Микаэла покачала головой, затем коснулась губами губ Родерика, тонкая линия шрама была ей теперь так знакома и очень дорога.

— Я полюбила тебя с того самого момента, как увидела твое прекрасное лицо.

Он снова поцеловал ее, не с жаром возлюбленного, а с чувством, превосходящим страсть. Со страстью, которая не нуждается в словесных заверениях или клятвах в вечной любви. В том поцелуе их сердца говорили друг с другом без слов, вечность подразумевалась и покорно принималась.

Наконец Родерик оторвался от нее и повернулся к Хью. И Микаэла, и Родерик были многим обязаны Хью Гилберту...

— Ну вот, ты опять сделал это, — сказал Родерик. Хью судорожно сглотнул и попытался улыбнуться. Но это ему удалось лишь наполовину.

— Что именно я сделал, Рик?

— Ты спас мне жизнь. Это уже во второй раз, Хью.

— Похоже, это весьма раздражающая привычка, не так ли? — Хью взял руку Родерика выше локтя, но Родерик потянул друга к себе и обнял.

— Ты самый верный друг из всех, кого я знал, Хью. Я люблю тебя больше, чем любил бы брата.

Поверх плеча Родерика Микаэла увидела, что Хью крепко зажмурился, а из глаз потекли слезы.

— Так же и я тебя, никогда не забывай об этом. Хью поднялся.

— Мне пора, — сказал он. — Торнфилду нужна помощь и... — Он не договорил. — С вами все будет в порядке, Рик? — Он повернулся к Микаэле: — Мисс Форчун?

— Иди, Хью. Обсохни и выпей, сколько пожелаешь. Мы вскоре последуем за тобой, — сказал Родерик, Микаэла кивнула.

Хью подошел к Микаэле, взял ее руки в свои.

— Хорошо, тогда я уйду, — сказал он громко. Это нарочно, подумала Микаэла, но когда посмотрела в глаза Хью, все поняла.

— Не надо, Хью, — прошептала она. Ей было невыносимо видеть выражение лица Хью и на глаза ей навернулись слезы.

— Позаботьтесь о них обоих, мисс Форчун, — тихо попросил Хью. — Я оставляю их на ваше попечение — двоих самых дорогих мне людей.

— Хью, пожалуйста, что я скажу ему?

— Не говорите ничего. Я предпочту, чтобы он возненавидел меня, думая, что я просто покинул Шербон из-за создаваемых ими обоими проблем, чем презирал меня за правду. — Хью провел пальцем по губам Микаэлы и поцеловал ее.

Микаэла ответила на его поцелуй, взяв в ладони его усатое лицо. Они медленно отступили друг от друга, на лице Хью появилась печальная улыбка.

— Думаю, что тебя преследует достаточно юбок, так что не приставай к моей нареченной, Хью.

— Ты прав, Рик. — Хью постарался улыбнуться повеселее. — Но знаешь, я ничего не мог с собой поделать. Кто знает, может быть, мисс Форчун убежит со мной.

Родерик рассмеялся:

— Да уж — она получит очаровательный титул: «Мисс Форчун, леди Ничтожество»!

— Ну что ж. — Хью пошел задом, словно не мог оторвать глаз от Родерика — словно желая смотреть на него как можно дольше. Он беззаботно помахал им: — Я ушел. Заботьтесь о себе, вы, двое.

Родерик помахал в ответ:

— Увидимся в зале, Хью.

Хью улыбнулся Микаэле — улыбка была искренней и душераздирающе красивой. Ее пальцы были прижаты к губам, так что она просто протянула руку в его сторону.

— Прощайте, Хью, — прошептала она так тихо, что ее мог услышать разве что Господь Бог.

Хью скрылся в темной ночи.

— Иди сюда, женщина, согрей меня, — раздался голос Родерика, — у меня зуб на зуб не попадает.

Микаэла с улыбкой повернулась к нему, села рядом и крепко обняла. Казалось, что они сидели вот так, обнявшись, очень долго. Микаэла открыла было рот, чтобы спросить о его ушибах, но приближающийся стук копыт остановил ее.

Родерик и Микаэла встревожились.

— Торнфилд вряд ли послал бы всадников...

— Я... я не знаю... — начала Микаэла.

Но стук копыт звучал совсем не так, как у домашних животных, — они ржали, как стада дикихжеребцов и мощных боевых коней. Казалось, их были тысячи, и земля дрожала под их седоками.

Затем, как будто на крыльях морского ветра, на них налетел вой, голоса сотни гончих, голодных и ищущих, словно они примчались из ночных кошмаров Микаэлы в реальную жизнь.

— Нет, — выдохнула Микаэла. Они с Родериком были счастливы, но их счастьем грозила опасность.

Был канун Рождества.

И Охотник наконец вернулся за Микаэлой.

Несколько мгновений Родерик спокойно сидел, прижавшись к Микаэле, худой, промокший насквозь и замерзший до мозга костей, вслушиваясь в эхо от шума приближавшихся всадников. Он не мог понять, что происходит.

— Нет. — Ее шепот прозвучал недоверчиво, испуганно. Под разорванной туникой Родерика металлическое звено начало жечь кожу на груди.

Этого не может быть. Это все миф, предрассудок.

Но вот его глаза сощурились от блеска золота и серебра, нарастающего в темноте деревьев вдоль лесной дороги, почти не касаясь ее, когда этот блеск двигался и светился между ветвями. Горячий ветер предшествовал свету, и пахло ладаном, кровью и... деньгами.

— Нет, — снова прошептала Микаэла, ее пальцы крепче сжали его рубашку. Она тоже смотрела на блеск, но ее глаза были широко открыты, она дышала отрывисто и часто. — Нет. — Неожиданно она оттолкнула его и поднялась.

— Микаэла, — прохрипел Родерик. — Вернись.

Но она, спотыкаясь, уже шла к середине дороги, прямо к тропе, откуда приближалось угрожающее сияние и бесплотный, дьявольский рев. Слышался зов рога, напоминающий крики сотен терзаемых душ.

— Ляг, Родерик, — сказала Микаэла. — Не... не смотри на них! Может быть, они промчатся мимо.

Родерик понял, что она повторила ему древние правила из легенд, но он не позволит ей, такой маленькой и беззащитной, стоять в одиночестве посреди дороги. Микаэла расправила плечи и вздернула подбородок.

— Они не минуют тебя! — закричал Родерик. Он попытался перекатиться на бедро, подогнуть под себя ногу. — Микаэла, помоги мне встать!

— Нет! — Теперь блеск коснулся ее лица, вытянулся бесконечно в глубину леса за их спиной, выпуская длинные усики сквозь деревья в туман над морем. Она вздрогнула, когда ее лицо просветлело, словно она могла чувствовать свет. Родерик видел ее прекрасный профиль с того места, где лежал, бесполезный и беспомощный, в стороне от дороги. — Оставайся на месте, любовь моя, лежи тихо, пожалуйста.

Но Родерик не мог ей повиноваться. Он начал ползти к ближайшему дереву. Возможно, оказавшись там, он сможет выпрямиться, подобрать сук, чтобы...

Ледяная рука, словно она принадлежала скелету, схватила его сзади за шею, толкая его голову под толстый слой мокрых листьев. Ледяной голос, олицетворяющий смерть, прошипел ему в ухо:

— Может быть, мы позаботимся о мисс Форчун, милорд.

Родерик повернул голову, и у него вырвался хриплый крик, когда Харлисс, с серыми волосами, прилипшими к черепу, усмехнулась ему, как сама смерть. Острие его клинка глубоко вошло в ее тело под подбородком.

— Это Охотник. Он очень опасен. Мы будем вести себя очень тихо — ты и я. После того как они убьют ее, я сама разделаюсь с тобой, ты, неблагодарный, отвратительный, испорченный ребенок. А потом... потом я вернусь домой. Магнус наверняка удивится, узнав, где я была.

Ее костлявая рука лежала на его шее сзади, длинное тонкое тело закрывало его. Родерик попытался сбросить ее, но не смог. Он слишком ослабел после битвы с морем.

Еще вчера Родерик проклинал бы себя за свою слабость, за то, что Харлисс взяла над ним верх, — неспособен двигаться, сражаться, даже стоять. Сейчас он думал лишь о том, как защитить Микаэлу.

Не только от серой гарпии, приникшей к нему, но и от всадников, появившихся из сияния, из штормового облака, из крови, пролитой за тысячелетия.

— Микаэла, — задыхаясь, прошептал Родерик.

— Ш-ш-ш, — прошипела Харлисс ему в ухо, затем потерлась лицом о его щеку. — Скоро все кончится...

У Микаэлы подкашивались ноги, перед глазами появились крошечные черные точки, она попыталась сморгнуть их.

Она не может лишиться чувств. Она будет держаться до конца.

Но вид приближавшейся к ней сотни всадников на лошадях размером с драконов, у которых из ноздрей вырывался черный дым, когда они вскидывали гигантские, похожие на рептилий головы с черными, блестящими, незрячими глазами, чьи копыта, когда они скакали, отрывались на шесть футов от земли; и гончие размером с теленка, лохматые и черные как смоль, с красными сверкающими глазами, с зубами белыми, как алебастр, когда они щелкали ими и рычали, издавая крики. Проклятую группу возглавлял предводитель на серебристом коне, созданном из ночных кошмаров. Его густые каштановые волосы свисали через одно плечо до самой поясицы. Его руки — толстые, как сук старого дерева, — были обнажены под сверкающей кольчугой. В руке он держал палаш.

Да, предводитель был устрашающ, но его группа... Ми-каэла почувствовала, что у нее помутилось сознание, когда она взглянула на спутников главного всадника.

Это были чудовища. Один серый, со сгнившей и раздутой плотью и петлей на шее, другой с зияющей раной, поглощающей часть черепа кого-то еще. Некоторые были черными обгоревшими, словно сошли с собственных погребальных костров, с совершенно белыми глазами с кровавыми прожилками, с исчезнувшими губами и ушами. У одного были рога, растущие у него над ушами, глаз не было, словно их выкололи. У одного чудовища голова была покрыта рыбной чешуей, у другого — черный раздвоенный язык. У некоторых внутренности петлей спускались по рукам, словно шлейф. Микаэла увидела человека-зверя, маленького, лишенного волос, коричневого, как кожа, который сидел на луке седла другого чудовища. Он поймал на себе взгляд Микаэлы и улыбнулся ей голодной улыбкой, обнажив маленькие, острые, окровавленные зубки.

Микаэле казалось, что это посланцы из самого ада, один страшнее другого. Все, кроме предводителя и человека, ехавшего позади него, привязанного золотой веревкой за шею к предводителю. Этот всадник выглядел почти как человек, если бы не его алебастрово-белая кожа, бесцветные волосы, лишенные цвета глаза. Он сидел на лошади совершенно обнаженный, и каждый дюйм его кожи представлял собой жемчужно-белые разорванные мускулы. Он смотрел на Микаэлу, словно она была маленькой серой мышкой, а он — котом, пригнувшимся к земле в высокой траве, выжидающим время, чтобы броситься на нее, впиться в ее шею и...

Зычный голос предводителя вывел Микаэлу из транса, и он зло дернул за золотую узду. Когда веревка натянулась, а потом ослабла, Микаэла увидела выжженный след золотой веревки на шее у белого всадника.

— Она не для тебя, Олдер. Белокожий мужчина раскачивался в седле и рычал в адрес предводителя, но улыбнулся чувственной улыбкой Микаэла, и его полные губы были единственным цветным пятном на его персоне.

Но вдруг она увидела, что его боковые зубы вытянулись как острия кинжалов — клыки, — такие же белые, как его волосы и кожа.

Микаэла вскрикнула и отступила назад. Ей хотелось посмотреть в сторону Родерика, убедиться, что он в безопасности, но она не осмелилась отвести глаза от ужасной группы существ перед ней.

— Ты не Агата Форчун, — заявил предводитель, его голос прозвучал так, будто раскололось огромное дерево. — И все же... ты она.

— Я ее дочь, — задохнулась Микаэла.

— Микаэла? — Он вскинул брови, и слабая улыбка заиграла у него на губах. — Микаэла. Микаэла Форчун. У тебя есть что-то, что принадлежит мне, не так ли?

Микаэла покачала головой:

— Нет. У меня ничего нет. Я только прошу, чтобы вы... оставили меня в покое. Не причинили мне вреда.

— Ну-ну, — настаивал гигантский всадник. — У тебя находится моя собственность. То, что я оставил твоей матери как обещание сохранить жизнь твоего отца. Она здесь, я это чувствую. Часть меня. — Его рука поднялась к груди над кольчугой, и хотя Микаэла понимала, что она не могла увидеть столь маленький, ничтожный пробел, ее глаза выхватили черный кружок на его рубашке.

Кружок, на котором не хватало одного звена на кольчуге.

Микаэла снова энергично покачала головой:

— У меня его нет. Я... я потеряла его.

— Потеряла? — издевательски переспросил предводитель. — Это очень плохо. Я сказал твоей матери, что вернусь за своей собственностью и обретение ее положит конец мрачной жизни Уолтера Форчуна, а также ее и твоей. Если у тебя его больше нет...

— Мой отец — хороший, добрый человек! — воскликнула Микаэла. — Он совсем не тот, каким был некогда.

— Это не имеет значения, — возразил предводитель. — Сделка есть сделка. А может быть, ты не потеряла его? Может быть, ты подарила кому-нибудь? — К ужасу Микаэлы, горящие глаза мужчины обратились к темной линии деревьев, где лежал Родерик.

Она повернула голову и увидела Родерика у основания мертвого, сгнившего дерева, поверх него лежала Харлисс, держа клинок у его горла. Когда предводитель перенес внимание на лес, блеск от группы распространился по земле, освещая Родерика и старуху, которая захватила его.

— Ну, и что мы видим? — мягко спросил предводитель. — Возможно, Микаэла Форчун надеется продать твою жизнь за жизнь своего отца, а, воин? Она подарила тебе мое звено, не так ли?

Микаэла разрыдалась.

Некоторое время Родерик пытался обмануть себя, полагая, что потерял сознание от ран. Что то, что ему пришлось пережить на краю леса — Харлисс поверх себя, его кровь, бьющая поверх зазубренного края ее клинка, группа существ из ада, стоявших перед Микаэлой на дороге, которые решали ее судьбу, — было не чем иным, как ночным кошмаром. Но когда предводитель обратил свой взгляд на него, когда Родерик тоже вздрогнул от ощущения, что

блеск группы заскользил по его коже, он понял, что бодрствует.

— Твое звено у меня, дьявол, — отозвался Родерик так громко, как только мог. — У меня на шее. Подойди и забери его!

Демон рассмеялся, словно его позабавил вызов Родерика, затем прищурился и склонил набок голову.

— Я знаю тебя, — задумчиво сообщил он. — Я видел твоё лицо прежде.

Но раньше чем Родерик успел ответить, раздался визгливый крик Харлисс:

— Не подходи! Не подходи! Он мой! Когда он умрет, можешь забрать его с собой в ад. Ради Бога!

Всадники в группе завопили и закричали, гончие залаяли, лошади-драконы отступили назад и встали на дыбы.

Теперь предводитель смотрел только на седую старуху. Он протянул в её сторону ладонь, брови были нахмурены, словно он размышлял. Затем рука сжалась в кулак.

— Харлисс-с-с! — презрительно прошипел предводитель. — Ты смеешь обращаться к Богу, чтобы он защитил тебя?

— Откуда ты меня знаешь? — прохрипела Харлисс. — Ты не знаешь меня!

Предводитель рассмеялся. Затем щёлкнул поводом, который держал в руках, словно хлыстом, петля ослабла и приподнялась над шеей и головой белокожего мужчины.

— Олдер, — сказал предводитель и поднял сложенную теперь кольцами узду, указывая на Харлисс: — Вон ту ты можешь взять.

Обнаженный мужчина издал гортанное рычание и прыгнул из седла в воздух. Он на четвереньках пробежал по дороге в сторону опушки леса, кожа его блестела, мускулы играли, он набросился на Харлисс, схватил её и понес в темноту.

Родерик услышал, как Харлисс вскрикнула, но крик быстро оборвался, словно её разорвали пополам. Затем в лесу эхом отразились звуки, когда он пил её кровь, чавкал, поедая мясо и обглаживая её кости.

Родерик постарался сесть, прислонившись к погубленному дереву, затем изо всех сил оттолкнулся, чтобы встать. Микаэла бросилась с дороги ему на помощь, подхватила под правую руку, чтобы поддержать. Родерик крепко сжал её плечо, быстро поцеловал в макушку, не отрывая в то же время глаз от демонической группы.

Охотник наблюдал за ними обоими с некоторым удивлением, но его слова были обращены к Родерику:

— Верни мне мое звено, воин.

Родерик засунул руку в ворот туники и одним быстрым движением извлек цепочку. На минуту он зажал в кулаке блестящее, трепещущее звено.

— Вы не причините нам вреда, если я верну его вам? Оставьте нас в покое?

Глаза предводителя вспыхнули, но он лишь молча протянул ладонь.

— Отдай его, Родерик, — прошептала Микаэла. — Оно принадлежит ему.

Родерик бросил ему цепочку со звеном, и предводитель оттолкнул её легким движением кулака. Цепочка заскользила к земле и утонула в грязи, а гигантский блестящий мужчина бережно и осторожно поместил звено в свою рубашку. На мгновение яркий золотой свет вырвался из него, заставив Родерика и Микаэлу закрыть лицо руками, потом бессловесный металл смешался с тысячами таких же звеньев, окруживших его.

Предводитель пытливо взглянул на Родерика:

— Да, я видел тебя. Ты сражался вместе со своими людьми, наблюдал, как они падали,

ты пожертвовал... — предводитель посмотрел на ногу Родерика, от которой осталась лишь половина, — своей плотью, чтобы другие могли жить.

— Но как? — едва слышно спросил Родерик. — В моей роте не было такого, как ты, ты не сарацин, с которым я столкнулся лицом к лицу. Я никогда не видел твоей отвратительной внешности прежде и не знаю твоего имени.

— Я скачу в каждой роте на войне, — едва слышно сообщил предводитель. — И я видел твое лицо, я знаю твое имя. Родерик из Шербона. Сын Магнуса.

К горлу подступил комок. Он боялся за Микаэлу, за собственную жизнь.

Что это за демон, который скакал с чудовищами, собранными во время войны? Который преследовал людей на темных, тихих дорогах? Который заставлял злейшего из зверей питаться людьми?

Но предводитель больше не обращался к Родерику, переключив внимание на Микаэлу. Родерик похолодел от страха. Он полез за пазуху и извлек оттуда маленький предмет, золото блестело сквозь его крепко сжатый массивный кулак. Он бросил этот предмет Микаэле, и та поймала его обеими руками. Родерик посмотрел в ее сложенные лодочкой ладони и увидел маленький золотой сундучок, поместившийся в ее ладони.

— Для моей верной Агаты, — нараспев произнес предводитель. — Это плата за ее стойкость и постоянство. Она — единственный подарок твоему отцу, его жена и его жизнь.

Затем рука предводителя вернулась к груди, он снова снял металлическое звено со своей рубашки-кольчуги и держал его так, словно смотрел через него. Оно снова заблестело, как золото, как маленькое солнце, и было теперь гладким и совершенно круглым. Он тоже бросил его Микаэле. Теперь оно было широкой, сверкающей полоской — словно специально изготовленной для пальчика леди.

— Это тебе, дочь моя. — Предводитель улыбнулся. — Надень его и никогда больше не снимай.

— Благодарю, — едва слышно прошептала Микаэла. Затем предводитель вновь обратил свой горящий взгляд на Родерика. Из глубины привязанной к седлу сумки кроваво-красного цвета он извлек темный смятый предмет.

— В твоём гардеробе не хватает одного предмета, солдат, — мягко сказал он и бросил этот предмет Родерику, — Полагаю, ты уже носишь его пару?

Родерик взглянул на мягкий материал у себя в руке — высокий, наделе скорее сапог, чем башмак. Великолепная коричневая кожа, возможно, оленья, изношенная почти до тонкости. Подошва — длинная и широкая, шнурки — грубые. и толстые. В животе у Родерика все сжалось, когда он понял, что это левый башмак из пары, а второй — у него на правой ноге.

От Родерика не ускользнуло явное неуважение, проявленное этим, во всем остальном мирским, мужчиной. Но осмелится ли он вызвать гнев демона, отказавшись от его подарка?

Предводитель выжидающе сидел на лошади несколько мгновений — словно прочитав мысли Родерика, — затем сказал:

— Надень его, друг, пока я не обиделся.

Родерик подавил то, что еще осталось от его гордости, и позволил Микаэле помочь ему опуститься на влажную землю. Он растянул сапог и натянул его на свой обрубок, зашнуровал длинную изношенную кожу как можно лучше. Пока он возился со шнурками, предводитель оглядывал черный лес и, нахмурившись, прислушивался к чему-то.

— Олдер! — прозвучал его голос, и Родерик вспомнил светящееся белое клыкастое

существо-человека, который утащил Харлисс — источник тех ужасных криков. — Олдер, я приказываю тебе! — снова крикнул предводитель, его крики буквально сотрясали землю. Потом, запрокинув голову, он издал дикий, зловещий вой. — Найдите его!

Родерик и Микаэла прижались к земле.

Лошадь предводителя нетерпеливо переступала с ноги на ногу и рычала.

Родерик никогда не слышал, чтобы лошадь рычала подобным образом, и уже никогда не услышит снова.

— Я должен выследить убийцу, — объявил предводитель. — Вставайте. Идите домой. Забудьте. Живите. Вы заслужили свою жизнь и свой мир. Если увидите Олдера, а скорее, белого волка, шляющегося ночью по лесу, заклинаю вас — прячьтесь и молитесь Богу, чтобы он не учуял вашу кровь.

Микаэла помогла Родерику подняться и повернулась лицом к смутной тени — все, что осталось от дьявольского Охотника. Он знал, что Микаэла не сможет долго выдержать его вес, но попытается сделать все возможное, чтобы поскорее удрать от этого отвратительного создания — и, может быть, от еще более смертоносного Олдера, бродящего по шербонскому лесу где-то у них за спиной.

Родерик поклонился конному гиганту:

— Моя благодарность, друг-воин, за подарок. — Да, это оскорбительный дар, но они оба, он и Микаэла, все еще живы. Одного этого вполне достаточно. Родерик шагнул в сторону Шербона, неловко дернув Микаэлу за плечо, на которое он опирался.

Но она не сдвинулась с места, не отрывая глаз от неземного предводителя.

— Кто вы? — охваченная страхом, спросила Микаэла. — Я должна знать.

Всадник посмотрел на Микаэлу, а его грозный конь встал на дыбы. Из леса позади них донеслись хриплые и визгливые крики и вой сопровождающих его чудовищ, словно они слышали простой и незатейливый вопрос Микаэлы и устремились к ответу предводителя.

— Я — Справедливость, — ответил он ей, затем снова взглянул на Родерика, и в глазах его промелькнул огонек понимания их родства. Лихорадка боя, которая хорошо была известна Родерику. — Я — Война и Месть. Я — Вера. — Его глаза обратились к Микаэле. — Я — ваш хранитель.

— Но, — настаивала Микаэла, и Родерику хотелось умолить ее попридержать язык, — как ваше имя?

Родерик хотел попросить ее замолчать, потому что оно было ему известно. Прежде блаженного ржания коня, прежде чем за спиной у всадника раскрылись массивные серые крылья, с ужасающим размахом в двенадцать футов.

— Я — Михаил, — сказал предводитель, чей шепот прозвучал оглушительно сквозь бурную грозу. Затем мощным взмахом своих ангельских крыльев Михаил и его конь взлетели над дорогой в сильном порыве ветра и под проливным дождем, пролетев над Родериком и Микаэлой прочь в лес, унося с собой блеск своего присутствия и свою ужасную силу.

Через мгновение Михаил, его Дикий Охотники сопровождавший их неистовый шторм исчезли. Микаэла упала на грудь Родерика и зарыдала, испытав огромное облегчение.

— Теперь все в порядке, — выговорил Родерик поверх головы Микаэлы, держа ее крепче, чем когда-либо, целуя ее в макушку, приподнимая ее повыше и прижимая к себе, — Все хорошо, любимая. Все кончено, все кончено.

В этот момент Микаэла подняла свое прекрасное лицо, чтобы взглянуть в глаза Родерика, и он вздрогнул, увидев на нем беспокойство и смущение.

— В чем дело? — спросил он.

Она выскользнула из его рук, не сводя с него глаз, и медленно отступила от него на пару шагов.

Родерику казалось, что они долго-долго смотрели друг на друга. Оба боялись заговорить, оглянуться по сторонам. Затем оба опустили глаза.

Родерик твердо стоял на земле — в своем собственном черном сапоге, на другую был надет старый, изношенный сапог из коричневой кожи.

*Полгода спустя
Замок Шербон*

Несмотря на перешептывания и подчеркнутое внимание со стороны некоторых гостей, пир прошел очень мило. Микаэлу ни разу не вытолкнули из линии танцующих, когда она присоединилась к ним. И та противная молодая женщина, которая когда-то сделала ей подножку и заставила ее упасть, теперь сидела рядом с Микаэлой вместе с Элизабет Торнфилд. Джульетта и ее падчерица крепко подружились, и теперь Микаэле с ними было легко: они вели себя естественно и непринужденно.

Микаэла ни разу не попала впросак. Но она подумала, что вечер еще только начался и все может случиться, и эта мысль заставила ее улыбнуться себе самой. Микаэла увидела своих родителей в противоположном конце зала — теперь ее зала. Как всегда, они держались за руки и на их лицах было одинаковое выражение счастья. Единственной переменной была их новая, богатая одежда и маленький черноволосый мальчик, державшийся за юбку Агаты. Ее родители теперь жили в Шербоне, лорд Уолтер и его жена отказались от своего дома, поскольку им уже было нелегко вести хозяйство. Маленький надел Форчунов вошел в Торнфилд-Мэнор, а родители Микаэлы теперь выполняли новую для них роль дедушки и бабушки Лео.

Хотя они жили в Шербоне, богато одевались и собирались немного попутешествовать, их расходы не оплачивались Шербоном. Они ни от кого не зависели материально благодаря маленькому золотому сундучку, переданному Микаэле в канун Рождества, бесценному маленькому сундучку, который оказался компенсацией за все, пережитое ими, гораздо большей, чем они могли вообразить.

Когда Агата открыла его в первый раз, в углублении бархатной подушечки пряталась одна монетка. У мамы Микаэлы вырвался удивленный возглас, она извлекла из сундучка монету и, захлопнув крышку, отложила сундучок в сторону. Она была очень довольна подарком.

— Одна монетка, и только? — несколько разочарованно спросил Уолтер Форчун, потом улыбнулся, увидев радость жены, и сам взял в руки сундучок. — Но может быть, эта игрушка чего-то стоит. — Уолтер открыл крышку большим пальцем, и его брови удивленно поднялись, когда он вытащил вторую монету. Он протянул ее жене: — Ты проглядела эту, миледи.

Агата взяла ее, смущенно хмурясь:

— Но там была только... — Она замолчала, взяла из рук мужа сундучок и еще раз открыла крышку.

Там оказалась еще одна монета.

Сколько бы раз они ни открывали и ни закрывали сундучок, на месте вынутой монеты тут же появлялась новая. Бесконечное количество.

Но даже при этом им потребовалось три полных дня, чтобы, опуская и поднимая маленькую золотую крышечку, собрать достаточную сумму, чтобы оплатить все долги.

Агата никогда не спрашивала у Микаэлы, где та получила сундучок или почему он

достался ей, а у Микаэлы не было желания сообщать ей об этом. Просто не было необходимости.

Элизабет Торнфилд коснулась руки Микаэлы.

— Леди Микаэла, — позвала она, затем указала на музыкантов, собравшихся в углу переполненного зала. Ранимая, бессловесная девочка исчезла, уступив место этой красивой, уверенной в себе девушке. Микаэла гордилась ею и с нетерпением ждала, как та превратится в настоящую леди.

Родерик и Алан Торнфилд смотрели на Микаэлу с похожими озорными улыбками и жестами манили к себе. Элизабет засмеялась:

— Похоже, большой спрос на ваш талант.

Микаэла снова улыбнулась, наблюдая, как Алан Торнфилд сделал ее мужу знак: «Подожди минуту», — затем пересек зал и остановился возле нее. Алан теперь очень внимательно относился к тому, что он считал физическими недостатками Родерика.

— Вы просто обязаны, Микаэла, — сказал он и протянул к ней руку, его обращение было теплым и успокаивающим. Торнфилды стали их добрыми друзьями, теперь уже семьи.

Через зал Микаэла услышала счастливый крик Лео:

— Мама петь! Баба, моя мама петь!

В этой просьбе Микаэла просто была не в состоянии отказать. Она взяла руку Алана и с улыбкой подняла ее, когда в зале раздались аплодисменты.

Родерик повесил свою трость на локоть и зааплодировал вместе с остальными гостями, когда его жена направилась к нему сквозь толпу. Его трость была великолепна, резной слоновой кости — запоздалый свадебный подарок Хью Гилберта. Друг Родерика сообщал, что нашел место у известного старого лорда, близкого советника короля Генриха, и они проживают в Лондоне. Судя по его записке, Хью вполне счастлив, но не пригласил друга посетить его, если тот окажется в столице.

Возможно, однажды...

Микаэла была уже рядом, и Лео подбежал к ней, обхватил ее ноги и уцепился за юбку. Микаэла покачнулась, вскрикнула, и гости затаили дыхание в предвкушении того, что она шлепнется на пол, но их аплодисменты усилились, когда она с улыбкой удержалась на ногах, обняв малыша.

Она была само совершенство. Для него и для Лео. Для всего Шербона.

Родерик мог ходить. Он не смог бы объяснить это и, по правде говоря, не хотел знать, почему это произошло. Никто другой из смертных, за исключением Микаэлы, не знал правды о том, что случилось на лесной дороге накануне Рождества полгода назад, знали только, что Родерик мог ходить где угодно, лишь едва заметно прихрамывая. Он мог взбираться на лошадь, заниматься спортом — на деле ему не нужна была трость, он использовал ее только ради друзей и еще потому, что это был подарок Хью. Что касается всех остальных, они знали, что лорд Родерик потерял ногу ниже колена и мягкий коричневый сапог был очень дорогим, искусно сделанным протезом. Он не стыдился его — и правда, теперь он рассказывал каждому, кто интересовался, что потерял ногу в бою под Гераклеей. Он был благодарен за то, что выжил, чтобы вернуться домой и править своими вотчинами, завести семью — возможно, увеличивающуюся семью, если его подозрения были правильными. Он был мужчиной — пожалуй, лучшим, благодаря тому, что утратил.

Что на самом деле было под коричневым сапогом — его собственная нога или что-то постороннее, — Родерик никогда не узнает. Сапог был теперь частью его самого, точно так

же, как и его кожа. И этого ему было достаточно.

Микаэла и Лео были совсем рядом — его жена и сын, — и ее аромат напомнил ему об аромате свежих весенних цветов, которые теперь всегда присутствовали в замке — внутри и снаружи. И на могилах на холме — даже у Магнуса — и постоянно в маленькой церкви вокруг каменной статуи архангела Михаила, на чьей резной кольчуге над сердцем не хватало одного таинственного звена.

Микаэла протянула руки к Родерику, и широкая золотая полоска ее свадебного пояса сверкнула в свете свечей. Он взял ее руки в свои, крепко сжав их, и почувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

— Я спою это для тебя, — прошептала Микаэла ему на ухо.

Лео попытался вскарабкаться по ноге Родерика, чтобы получше видеть происходящее, тот поднял сына и посадил к себе на колени, позволив ему взять в руки трость.

— Папа Хю? — спросил он.

Родерик кивнул:

— Именно так.

Лео поцеловал ручку трости и прижал к груди, потом оба сосредоточили все свое внимание на ослепительной женщине, названной в честь ангела войны Михаила, которая пела для них.

И в то короткое время, когда она выводила чарующую мелодию, от которой на глазах у Родерика выступили слезы, все собравшиеся в зале, казалось, поняли, что видят перед собой не мисс Форчун, какой бы она ни была, а крошечный кусочек неба.

И возможно, с особой силой это осознавал Шербонский дьявол.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

Fortune (англ.) —удача, счастливый случай. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Hunt (Охотник) — дьявол, сатана, вымышленный персонаж легенд и суеверий в древней Англии.

Харлисс назвала Микаэлу Miss Misfortune, соединив mis с fortune, получив слово misfortune (англ.) —горе, беда, несчастье.

Форчун (*англ.*) —удача.